

ОШНО

ОПАСНО – ИСТИНА!

Смелость принять непознаваемое

OSHO

DANGER: TRUTH AT WORK
The Courage to Accept the Unknowable

OSHO

ОПАСНО – ИСТИНА!
Смелость принять непознаваемое

УДК 215
ББК 86.30
О-96

Перевод с английского М. Колесниковой

Ошо

О-96 Опасно — Истина! Смелость принять непознаваемое/ Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2012. — 320 с.

ISBN 978-5-399-00324-5

Это и вправду **ОЧЕНЬ** опасная книга. Она перевернет ваши представления о мире, Боге, религиях, нациях, политике и о самом себе настолько круто, что — берегитесь! Читайте ее только в том случае, если вы по-настоящему отважны и по-настоящему хотите познать себя и свое место в этом мире.

«Истинная религия поможет тебе найти свою собственную истину. И запомни: моя истина никогда не сможет стать твоей истиной, ибо не существует способа передачи истины от одного человека к другому. Даже если Гаутама Будда знает истину, это никак не поможет тебе узнать ее» (Ошо).

УДК 215
ББК 86.30

Danger: Truth at Work
Copyright © 1984, 2010 OSHO International Foundation, Switzerland.

www.osho.com/copyrights

All rights reserved.

English title: DANGER: TRUTH AT WORK, by Osho

Все материалы этой книги собраны из различных выступлений Ошо перед живой аудиторией. Ранее книга была опубликована под названием From Ignorance to Innocence (Chapters 1-15).

Выступления Ошо доступны в виде книг, оригинальных аудио и видеозаписей. Записи и текстовые архивы находятся в свободном доступе он-лайн библиотеки по адресу: www.osho.com

OSHO — зарегистрированная торговая марка Ошо Интернэшнл Фундэйшн, Подробную информацию можно получить на сайте: www.osho.com

Osho International New York,

oshointernational@oshointernational.com www.osho.com/oshointernational

© «София», 2012

© ООО Издательство «София», 2012

ISBN 978-5-399-00324-5

Содержание

О серии «Authentic Living»	6
Вступление	8
Глава 1. Псевдорелигия: наклеенная душа	10
Глава 2. Я называю это почтением к жизни	30
Глава 3. Политики и жажда власти	48
Глава 4. Опасно: истина за работой	68
Глава 5. Блаженство — это сейчас. К чему ждать?	87
Глава 6. Трансформация, а не отречение	108
Глава 7. Естественно все, что есть	131
Глава 8. Бог — не решение, а проблема	152
Глава 9. Я учу безрелигиозной религии	168
Глава 10. Бог — никто, известный всем	186
Глава 11. Истина: не догма, но танец	205
Глава 12. Вера — убийца разума	226
Глава 13. Блаженство — это знать, что никто не держит тебя за руку	246
Глава 14. Общество превращает вас в толпу, медитация выводит вас из толпы	268
Глава 15. Они говорят: верьте; я говорю: исследуйте	291

О СЕРИИ «AUTHENTIC LIVING»

В беседах, которые вошли в книги этой серии, Ошо отвечает на вопросы своих слушателей.

Вот что он говорит о ходе таких бесед:

«Как задать по-настоящему важный вопрос, который был бы значим не только интеллектуально, но и сущностно? Как спросить, чтобы помимо формальных знаний получить и нечто иное — ощущение подлинной жизни? Для этого нужно усвоить следующее...

Что бы ты ни спрашивал, никогда не задавай заранее заготовленных, стандартных вопросов. Спроси о том, что напрямую касается тебя, о том, что ты считаешь действительно важным, — и в ответ ты услышишь слова, которые тебя трансформируют. Задай вопрос, от которого зависит твоя жизнь.

Не нужно заумных вопросов, которые ты где-то подслушал. Спроси то, о чем хочешь узнать именно *ты*. Когда я говорю «ты», то имею в виду тебя такого, какой ты есть прямо в эту минуту, здесь и сейчас. Когда ты спрашиваешь о том, что происходит с тобой здесь и сейчас, это становится сущностным событием, которое не просто отложится в твоей памяти, но и отразится на всем твоим существом.

Не задавай вопросов, ответы на которые никак на тебя не повлияют. Предположим, ты захочешь спросить меня о существовании Бога: «А Бог есть?» Спрашивай об этом, только если ответ тебя изменит, — если Бог есть, ты будешь одним человеком, а если Его нет, ты будешь иным. Если же мой ответ никак на тебя не повлияет, то такой вопрос лишен всякого смысла. Ты просто удовлетворяешь собственное любопытство, а не спрашиваешь по-настоящему.

И вот что я замечаю: есть Бог или Его нет — люди от этого никак не меняются. Они спрашивают только для того, чтобы пополнить свой багаж поверхностных знаний. У них отсутствует подлинный интерес — их вопрос не является сущностным.

Так что запомни: спрашивать следует только в случае, если ответ для тебя действительно важен. Только тогда он будет иметь для тебя какой-то смысл, только тогда в зависимости от ответа ты станешь иным. Станешь ли ты другим человеком, услышав тот или иной ответ? Произойдут ли в твоей жизни столь крутые изменения, что ты уже не сможешь оставаться прежним?»

ВСТУПЛЕНИЕ

Истинная религия поможет тебе найти свою собственную истину. И запомни: моя истина никогда не сможет стать твоей истиной, ибо не существует способа передачи истины от одного человека к другому. Даже если Гаутама Будда знает истину, это никак не поможет тебе узнать ее. Да, если ты сам познаешь истину, ты сможешь распознать того, кто тоже ее знает, — ты сможешь ее почувствовать. В любом другом случае это всего лишь вера, поддержка общественного мнения.

Ошо

«**О**пасно: истина» проникает в самое сердце наиболее фундаментальных интересов человечества. Почему мы не можем просто быть счастливыми и чувствовать удовлетворение от жизни? Кажется, человечество обладает всеми необходимыми знаниями, чтобы разрешить все свои проблемы, — но эти проблемы никогда по-настоящему не решаются, скорее усложняются еще больше. Какова скрытая причина такого провала? Дело в самой природе человека или?..

Правда, которую Ошо обнажает в этой книге и в которой заключен корень наших проблем, неудобна — она обращает нас прямо к тому, чего большинство из нас предпочитает не видеть, — в нашу религиозную обусловленность. «Я — и религиозно обусловлен? никоим образом — я свободен от всего этого!» «Я духовен, но не религиозен» или «Я атеист и считаю, что религия — это корень множества проблем, но только не моих проблем!» Или, возможно, вы относитесь к тем, кто скажет: «Вы шутите? Если бы религия не оказывала влияния, все было бы гораздо хуже, чем сейчас!»

Итак, если вы сможете отложить в сторону все эти рождающиеся внутри протесты, вы отправитесь в путешествие

по этой книге с открытым сердцем. Каждая из глав способна помочь вашим глазам раскрыться навстречу правде, которая идет вразрез со всем, чему вас учили. Если вам кажется, будто вы уже отбросили все, чему были научены, вы столкнетесь со строками, которые вытолкнут вас из зоны комфорта и сорвут обертку под названием «моя свобода от обусловленности». Вы заметите, что начинаете смотреть на все по-другому, слышать подоплеку религиозного обусловливания в словах многих людей — от телевизионных ведущих и политиков до новомодных пророков современности. Такие обороты, как «Непротивление злу», «Подставь другую щеку», откроются для вас с совершенно новой стороны, и вы начнете видеть нюансы, о которых никогда раньше не задумывались. И при помощи некоторой доли удачи вы будете способны отмечать, когда воспринимаете действительность своими собственными глазами, а когда это просто автоматическое повторение и воспроизведение «унаследованной мудрости».

Перед вами не просто книга, которую можно читать, это реальный опыт *разобусловливания*. Ошо называл этот процесс «химчисткой ума». Вы можете спросить: «А для чего мне разобусловливаться?» Только освободившись от идей и верований, которые — часто с самыми лучшими намерениями — были внушены нам другими, мы сможем по-настоящему наслаждаться жизнью, такой, какая она есть в каждый момент, и откликаться на нее спонтанно и истинно для самих себя.

Издатели

Глава I

ПСЕВДОРЕЛИГИЯ:
НАКЛЕЕННАЯ ДУША

*Почему человечество в наши дни становится
все более и более несчастным?*

Причина очень проста, возможно слишком проста. Она прямо на поверхности, она очевидна, поэтому большинство людей ее не замечают. Когда что-то является очевидным, ты принимаешь это как данность. Если предмет находится слишком близко к твоим глазам, ты не видишь его. Чтобы его увидеть, необходимо некоторое расстояние.

Во-первых, я хочу, чтобы ты понял: человечество несчастно не только сейчас. Оно всегда было несчастным. Страдание стало второй нашей натурой, и мы живем в нем на протяжении тысячелетий. Из-за того что оно так близко к нам, мы не видим его, — на самом же деле оно так очевидно.

Но чтобы увидеть очевидное, нужен взгляд ребенка. А мы несем в наших глазах целые тысячелетия. Наши глаза стары, они не могут смотреть свежим взглядом. Они уже впитали как данность множество вещей и не понимают, что эти вещи и есть причина всех страданий. Ты уважаешь религиозных деятелей, политических лидеров, законодателей морали, не подозревая, что они и есть источник всех страданий. Но разве можно их в чем-то подозревать? Эти люди спасают человечество, жертвуют ради него собой. Ты поклоняешься им и никак не связываешь с собственным несчастьем. Причина страдания завуалирована красивыми словами, священными писаниями и духовными проповедями.

Когда я был студентом, премьер-министр Индии приехал посетить наш город. В Джабалпуре вся грязь скапливается в

центре города, а он очень большой — в десять раз больше Портленда — и вся грязь, образуя целую реку, стекается к центру. Через нее выстроили мост, и все знали, что пройти по нему — все равно что побывать в аду. Я нигде не встречал большего зловония...

День приезда премьер-министра Джавахарлала стал огромной проблемой. Он должен был пересечь этот мост — иначе было никак не попасть в другую часть города. И тогда весь мост решили завесить цветами могра. Было лето, а могра — очень пахучий цветок. Весь мост с обеих сторон был увешан гирляндами могры. Можно было пройти по нему и даже не заподозрить, что за этими цветами, за этой цветочной стеной скрывается самое грязное место в городе. Я как раз направлялся в университет и увидел, как люди украшают Наудра Бридж — так называли этот мост. Его называли Наудра, потому что он стоял на девяти колоннах, образующих девять проемов, через которые стекала грязь. Увидев, как рабочие прикрепляют гирлянды, я задержался и стал работать вместе с ними — никто ничего не заподозрил и не запротестовал, — они подумали, что я член команды. Там работало множество людей, нужно было сделать все быстро, так как вскоре должен был прибыть Джавахарлал, и я без труда смешался с толпой рабочих и волонтеров.

Когда прибыла процессия с премьер-министром, который стоял в открытом джипе, я встал перед машиной и остановил ее. Нигде больше сделать это было невозможно — в других частях города повсюду стояли военные, полиция и охрана, но по сторонам Наудра Бридж были только волонтеры, ведь никто из толпы даже не пытался зайти на мост. Люди не знали, что там произошло, — цветы могры полностью поглотили запах! Место, благоухающее подобно раю! Никто ничего не подозревал, так как никому даже в голову не приходило приблизиться к мосту.

Я сказал Джавахарлалу:

— Пожалуйста, выйдите из джипа. Вы должны заглянуть за эти цветы и увидеть реальность города. Вас дурачат — эти цветы вывешены не для того, чтобы вас поприветствовать, а для того, чтобы вас обмануть.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Спуститесь и просто подойдите ближе к цветам, загляните за них!

Это был очень чувствительный и интеллигентный человек. Кто-то из местных лидеров попытался его остановить.

Я сказал:

— Не слушайте этих глупцов, именно они и велели развесить здесь эти цветы. Видели ли вы где-то еще в городе столько цветов, вывешенных для вашего приезда? И здесь нет никого из обычных людей. Арифметика проста. Просто выйдите из машины.

Он спустился и пошел со мной заглянуть за гирлянды цветов — и не поверил своим глазам. «Если бы этот юноша не был столь настойчив, — заявил он местным лидерам, членам корпорации и президенту конгресса, — я бы так и не увидел реальность вашего города. Вот чем вы тут занимаетесь!»

Он сказал мне:

— Если когда-нибудь ты будешь в Нью-Дели, приходи меня навестить.

— Не когда-нибудь, а *прямо сейчас* я приду к вам с визитом. Только скажите этим идиотам, которые вас окружают, что мне можно.

Он сказал своему секретарю: «Позаботьтесь, чтобы ему никто не препятствовал». Вот так его секретарь стал одним из моих учеников. И каждый раз, когда мне это было нужно, он все устраивал — двери дома Джавахарлала всегда были открыты для меня.

Я вспомнил этот случай, потому что именно это происходит со всем человечеством. Ты чувствуешь себя несчастным, но не видишь причину. Причина скрыта цветами. Ты видишь только цветы, и, поскольку они не могут быть источником несчастья, ты поворачиваешь обратно...

Второе, что необходимо запомнить: не только сейчас человечество несчастно — так было всегда.

Да, есть нечто новое, небольшая разница, но разница, которая вносит настоящие изменения; и она в том, что определенный процент людей сейчас более осознан, чем это

было раньше. Страдание существовало всегда, но осознание этого страдания — нечто новое, и это начало трансформации. Если ты начинаешь что-то осознавать, появляется возможность это изменить.

Люди жили в страдании, принимая его как часть жизни, как свою судьбу. Никто не задавался вопросом, никто не спрашивал «Почему?». Прежде чем кто-либо мог спросить «Почему?», религиозные лидеры, мессии, священники уже готовы были дать ответ. Христианство дает такой ответ: «Ты страдаешь из-за того, что Адам и Ева совершили первородный грех».

Способен ли ты уловить хоть какую-то связь?..

Согласно христианству, мир был создан за 4004 года до Рождения Христа — что абсолютно неверно и глупо. Мир насчитывает уже миллионы лет — и говоря «мир», я имею в виду наш мир, нашу Землю, а не Солнце или Солнечную систему, ведь они еще более стары. И я не говорю о звездах, потому что они совсем не так малы, как кажутся. Они больше нашего Солнца и сами являются солнцами для своих солнечных систем, которые могут быть гораздо старше нашей.

На самом деле, чтобы рассчитать возраст мира, нельзя пользоваться понятием «год», он слишком мал для этого. Миллионы лет ничего не значат; необходимы новые единицы измерения, которые обычно не используются, поскольку мы никогда не сталкиваемся с настолько необъятными явлениями. И эта единица измерения была изобретена физиками: световой год.

Попробуй понять, что означает световой год, так как наша галактика насчитывает миллионы световых лет. Свет движется с чрезвычайной, с максимально возможной скоростью. Все, что движется с этой скоростью, немедленно превращается в свет. При таком движении температура тела настолько повышается, что все превращается в свет, поэтому нет скорости выше, чем скорость света. Невозможно изобрести ракету, которая двигалась бы быстрее, — как только она достигнет скорости света, она сама превратится в свет.

Скорость света составляет 300 000 километров в секунду — он движется со скоростью триста тысяч километров

в секунду! За минуту это расстояние увеличивается в шестьдесят раз, за час — еще в шестьдесят, за сутки оно возрастает еще в двадцать четыре раза, за месяц — еще умножить на тридцать, а за год — еще в двенадцать раз, — именно это число и составляет световой год.

Даже если христиане правы и пять тысяч лет назад Адам действительно совершил первородный грех... Пять тысячелетий назад кто-то согрешил — сколько же поколений прошло с тех пор? Ты до сих пор из-за этого страдаешь? Это кажется абсолютно несправедливым. Если Адам совершил грех, Бог должен был наказать *его*. Почему из-за него ты должен страдать? Ты не участвовал в этом. Если кто-то и должен страдать, то сам Бог: зачем Ему было создавать эти два дерева? Если человеку было запрещено есть с одного из них плоды, то все очень просто: не нужно было создавать эти деревья. Если кто и совершил первоначальный грех, так это Он сам.

И потом, даже если Он создал эти два дерева, зачем было запрещать Адаму есть с них плоды? Я думаю, что Адам даже в наши дни самостоятельно не смог бы отыскать эти два дерева. Если бы он наткнулся на них среди миллионов деревьев, это была бы невероятная случайность. Но Бог указал ему на них и сказал: «Не ешь плоды именно с этого дерева».

И этот Бог — иудей. Зигмунд Фрейд понял все гораздо лучше, ведь он также был евреем, рожденным в первородном грехе, — но его понимание гораздо глубже. Приказать человеку чего-то не совершать — значит спровоцировать его, бросить ему вызов, вызвать в нем интерес. На самом деле Адама и Еву искусил не Змей, а это божественное «Не вкушайте!» — оно задело их, и они заинтересовались: «Почему?»

И эти деревья не были ядовитыми... Одно из них — дерево познания. Нет никакой логики в том, чтобы запрещать вкушать с древа познания. А другое — дерево вечной жизни. Это были самые лучшие деревья во всем Саду Эдема! Богу следовало сказать: «Не пропустите эти деревья! На все остальные можете не обращать внимания, но не пропустите эти два». Но он сказал Адаму и Еве обратное: «Не делайте этого», и это «не» является истинной причиной непослушания, Змей — всего лишь предлог. Но даже если они и

совершили грех — не важно, благодаря Богу или Змею, ты никоим образом не участвовал в этом, тебя там не было, ты не мог поддержать их. Христиане и иудеи обманывают весь мир, утверждая, что человек страдает, он несчастен из-за первородного греха. Нужно развернуться, нужно посмотреть, что же сделали Адам и Ева. Они ослушались — а Богу необходимо подчиняться. Именно из-за этого непослушания они были изгнаны из Рая; если же ты полностью подчиняешься — без всяких сомнений и вопросов, — тебе будет позволено вернуться в мир блаженства и небес.

Согласно иудейским религиям: иудаизму, христианству и мусульманству — страдание существует из-за первородного греха. Эти три религии исходят из единого источника, все они верят в один и тот же первородный грех и в то, что мы страдаем, потому что являемся потомками людей, которые его совершили. Но даже по человеческим законам ты не можешь наказать сына, если его отец преступник. Его отец может быть убийцей, он мог совершить страшное преступление, но при этом ты не можешь наказать его сына. Сын не имеет к этому отношения. А Адам и Ева не совершали даже какого-то крупного преступления — это было всего лишь небольшое любопытство. Я думаю, любой на их месте поступил бы точно так же. Это совершенно неизбежно, ибо в человеке заложена глубочайшая потребность познания. Она естественна, это не грех, это сама природа человека. Но Бог запрещает. Он говорит: «Оставайтесь невежественными».

В то же время человеку присуща невероятная жажда вечной жизни. Никто не хочет умирать. Даже человек, который совершает самоубийство, не против жизни. Возможно, он надеется, что его следующая жизнь будет лучше. Он настолько устал от всех этих страданий и мук, что подумал: «В этой жизни нет никаких шансов, так почему бы не рискнуть? Эта жизнь ничего не дает и не даст — почему бы не попробовать? Если я выживу и перескочу в другую жизнь, может быть...» Это «может быть», это страстное желание все еще теплится в самоубийце. Возможно, он совершает самоубийство против чего-то конкретного, но он не совершает самоубийство против самой жизни.

Это два главных и глубоко укорененных в человеке стремления, и в то же время их запрещено удовлетворять — человеческая природа осуждается как нечто преступное, греховное. Если человек последует ей, он будет чувствовать себя виноватым; если не последует, он все равно будет страдать. Все эти люди создали основу для вашего страдания.

Итог таков: если ты будешь естественным, ты будешь чувствовать вину. Ты будешь мучиться, страдать, беспокоиться: какое наказание ты понесешь за это? Ты послушался самого Бога. Все твои писания и заповеди выступают против твоей природы. Но если ты не реализуешь свою природу, страдание также неизбежно, потому что тогда ты будешь пуст, не реализован, не удовлетворен; ты будешь чувствовать свою бесполезность, полную бессмысленность.

Поэтому в мире существует два типа несчастных людей: те, кто следуют своим религиозным пророкам, и те, кто не следуют им. Очень сложно найти третий тип — человека вроде меня, которого ничто не беспокоит. Я не следую им и не иду против них. Я даже не ненавижу их — потому не возникает и вопроса любви к ним. Для меня их утверждения абсурдны и бессмысленны, они абсолютно не соответствуют жизни.

Прими любую из сторон — и ты окажешься погруженным в страдание. Не становись ни на чью сторону, не будь ни за, ни против, просто скажи этим парням: «Идите к черту! И заберите с собой все ваши писания». Только тогда ты сможешь освободиться от страдания.

Восток приводит другие доводы — они могут отличаться, но цель у них одна. На Востоке существует три религии: индуизм, джайнизм и буддизм, и все они говорят, что ты страдаешь из-за каких-то плохих поступков в прошлых жизнях. А ты прожил миллионы других жизней в разных формах и телах, в виде животных, птиц... В этом смысле у индусов более широкий взгляд — на Земле существует восемьсот сорок миллионов видов жизни. По крайней мере у индусов огромный размах, не то что у христиан — всего лишь шесть тысяч лет.

Этот размах действительно велик — 840 миллионов видов, и ты прошел через каждый из них, в конце концов став человеком. И за эти бесчисленные годы — помните, что

в понятии индусов, джайнов и буддистов речь идет о «световых годах», — ты совершил огромное количество поступков, хороших и плохих, и каждый из них *записан*. Если ты страдаешь, это означает, что ты просто несешь груз плохих поступков. Кто еще должен за это платить? В прошлой жизни ты кого-то убил — кто теперь будет за это расплачиваться? Эти объяснения выглядят более логичными и здравыми, чем идея страдания спустя шесть тысяч лет за совершенный Адамом грех. Можно ли наказывать столько людей за грех одного-единственного человека? И кажется, это будет длиться без конца и края... Восточная версия по крайней мере выглядит более логичной: ты сам совершил в прошлой жизни какой-то грех, и теперь, естественно, ты за это страдаешь.

Я утверждаю, что это только выглядит более логичным, но по существу не является истинным. Что я имею в виду, говоря, что это не истинно? Я хочу сказать: что бы ты ни совершал в прошлом, результат этого поступка присущ самому этому поступку, он не ждет следующей жизни. Зачем ждать? Если ты выпьешь яд прямо сейчас, разве ты умрешь в следующей жизни? Я спорил с индусскими *шанкарачарьями*, джайнскими монахами и буддийскими *бхикшу*: «Скажите мне, если кто-то ударит себя молотком по руке, он будет страдать в следующей жизни — или прямо сейчас, здесь?» Действие немедленно влечет за собой результат. Результат не ждет. Зачем ему ждать и почему именно следующей жизни?

Все эти религии обманывали людей — конечно, более аргументированно, чем христиане, иудеи и мусульмане. Потому ни один искушенный индуист никогда не примет ислам, иудаизм или христианство — это невозможно, потому что идеи этих религий выглядят очень детскими. У индуиста есть гораздо более логичные объяснения; но все эти объяснения имеют смысл лишь на поверхности, а глубоко внутри в них ничего нет. Я спорил со всеми этими людьми. Ни один из них не смог ответить на мои вопросы. Если ты поместишь руку в огонь, загорись ли ты в следующей жизни? Действие *здесь*, результат тоже должен быть *здесь*. Они соединены, неразрывны. В момент, когда ты любишь, ты счастлив. Не может быть так, чтобы в момент любви ты находился в гу-

боком страданий, а в следующей жизни, не важно, любишь ты или нет, внезапно в один прекрасный день ты почувствовал счастье — пришла хорошая карма из прошлой жизни. Люди разъединяют то, что по природе вещей не может быть разъединено. Ты кого-то ненавидишь — и в самой этой ненависти стораешь в огне. Ты злишься — и в самой этой ярости, не вне ее — ты страдаешь. Мой подход в том, что в каждый момент, что бы ты ни делал, ты получаешь немедленный результат.

Эти люди обманывают вас, ведь они не могут напрямую говорить то, что порочит существующую систему. Они не могут сказать, что ты беден, потому что богатые эксплуатируют тебя, ведь они сами — наемники богатых. Например, Ачарья Тулси, джайнский монах... Джайнские монахи не путешествуют в сезон дождей. В Индии не как в Америке — времена года четко определены: четыре месяца идут дожди, четыре месяца лето и четыре месяца зима. Недавно из-за проводимых повсюду атомных испытаний сезоны сбились, а до этого дождь начинал идти прямо в ожидаемую дату, день в день, и в четко ожидаемую дату, день в день, заканчивался.

Джайнские монахи во время четырехмесячного сезона дождей не путешествуют. Восемь месяцев они передвигаются, а следующие четыре месяца остаются на одном месте, поскольку в это время земля сырая, вырастает много травы, а в ней заводится множество насекомых, жучков и муравьев. Монахи не могут ходить по траве, ведь трава живая — влажность способствует размножению насекомых. Они могут ходить только по сухой земле, чтобы быть абсолютно уверенными, что они никого не раздавят. Поэтому сезон дождей остается невостребованным. К тому же монах не может взять с собой зонт, ведь это будет означать обладание чем-то, а в сезон дождей передвигаться без зонта проблематично. И он не должен иметь из одежды более трех предметов, а если все они намокнут, ему будет не во что переодеться.

Так вот, этот джайнский монах Ачарья Тулси часто пребывает в каком-то одном месте. У него семьсот последователей-монахов, которые восемь месяцев в году передвигаются за ним по стране, а на четыре месяца приезжают в какое-то одно место, чтобы побыть с Мастером. Но это создает про-

блему: только очень богатые люди могут пригласить Ачарью Тулси на сезон дождей в свой город — ведь эти семьсот монахов также приедут. И это еще не все... Когда вместе собираются семьсот монахов, во главе которых, подобно Папе, восседает Ачарья Тулси, его стекаются послушать тысячи людей. Ведь в Индии в сезон дождей все закрыто, заняться совершенно нечем. Магазины пусты, люди начинают играть в карты, шахматы. Всевозможные фестивали проводятся именно в сезон дождей, потому что все свободны, все ходят в гости к родственникам, у людей нет никаких дел.

Многие посещают своих религиозных лидеров. И существует традиция, что кто бы ни приехал встретиться с каким-нибудь религиозным лидером, этот человек считается гостем города — так же, как и сам лидер. Поэтому пригласить Ачарью Тулси означает потратить миллионы рупий, и только очень богатые люди могут себе это позволить. А раз они могут это себе позволить, значит, они бизнесмены. А бизнесмен никогда не проигрывает, он не картежник. Он считает каждую монету. Если он собирается вложить деньги — и это верное выражение, — вложить миллионы рупий в Ачарью Тулси, позже он выжмет из него все, что только возможно, и с процентами; и не уйдет, пока это не получит. Обе стороны это понимают — это негласная договоренность. Ачарья Тулси должен защищать богатых, ведь богатые защищают его и его монахов. Это просто соглашение.

То же самое верно в отношении других религий в Индии. Это не дешевое занятие. Например, в другой джайнской секте монахи живут голыми и не могут останавливаться у кого-то в доме, в какой-то семье, поскольку это может сформировать привязанность, может отвлечь монаха, может создать для него проблемы. Они могут останавливаться только в храмах. А джайнские храмы — самые богатые и роскошные храмы в Индии. В настоящее время трудно построить такой храм. В Маунт Абу — некоторые из вас видели эти джайнские храмы, там проходило несколько моих медитативных лагерей — это настоящие произведения искусства. Столько денег вложено в строительство этих храмов — они полностью выполнены из мрамора, и, чтобы построить даже небольшой такой храм,

требовались сотни лет. Его мог начать строить дедушка, а на открытии, когда храм был завершен, присутствовало третье, четвертое или даже пятое поколение внуков. Тысячи рабочих, художников, ремесленников трудились над ним.

Чтобы пригласить обнаженного джайского монаха — а обнаженный джайнский монах считается монахом высшего порядка... Ачарья Тулси — не обнаженный монах. Он относится к среднему разряду. Да, он джайн, но, если ты спросишь у последователей обнаженных монахов, они ответят: «Между нами и Ачарьей Тулси не такая уж и большая разница. Возможно, он носит всего три предмета из одежды, а мы шесть, но в этом — вся разница. Вот наши монахи — недосягаемы». И действительно, обнаженные джайнские монахи истязают себя более всех остальных в мире. Никто не сравнится с ними, они лучшие мазохисты из всех возможных.

Чтобы пригласить голого джайнского монаха, вам потребуется храм, который воздаст должное его престижу, — иначе для него это будет оскорблением. Поэтому каждый большой город вкладывает деньги в строительство храмов — обнаженный монах может остановиться только в храме. Джайнов не так уж и много, но по всей стране у них столько храмов, что ты будешь удивлен. Даже в местах, где нет ни одной джайнской семьи, ты встретишь джайнский храм, потому что джайнские монахи могут проходить мимо и им может понадобиться где-то остановиться.

Ты удивишься... Все это кажется очень забавным, если посмотреть на всю картину в целом: джайнский монах не должен просить что-либо у кого-то, кроме джайна. Сейчас джайнов очень мало — не более трехсот тысяч во всей Индии; это как чайная ложка соли в океане. Есть тысячи городов и деревень, в которых нет ни одного джайна. Но джайнские монахи должны путешествовать восемь месяцев в году без перерыва, и им приходится проходить через деревни, где нет джайнов. Что им делать в таком случае? Процессия из двадцати семей — двадцать, пятьдесят автобусов следуют за монахом. Но почему пятьдесят? Одного автобуса или машины вполне бы хватило для одной джайнской семьи. Но нет, джайнский монах должен просить милостыню, но

он не должен просить постоянно только у одной семьи. Это против писаний. Когда создавались эти писания, это было вполне обоснованно, так как монахов было так много, что они стали обузой для общества. Поэтому если бы монах пришел в какую-то семью и получил там хорошую пищу, он начал бы приходить туда каждый день, что превратилось бы в пытку для этой семьи. А если бы об этом узнали другие монахи, они тоже начали бы ходить в тот дом...

Поэтому существовало правило, что монах не может просить что-то только у одной семьи — даже целый обед не позволено было съесть. Чтобы просто пообедать один раз, монах должен был просить пищу у разных семей: один кусочек здесь, небольшой кусочек там. На следующий день он не должен был приходить к тем же людям. И если в одной семье какой-то монах уже побывал, другой что-либо просить у них уже не мог. Сейчас это создает проблемы, так как монах должен просить подаяние у разных семей. Поэтому пятьдесят, шестьдесят семей следуют за странствующим монахом, взяв с собой всевозможные продукты. И, естественно, они везут необходимые вещи и для собственной семьи — палатки и все остальное. И обнаженных джайнских монахов осталось в стране всего двадцать два; правила таковы, что, когда обнаженный монах умирает, его никем не заменяют — это очень трудно. Поэтому за ним следуют пятьдесят-шестьдесят автобусов, целая процессия... Потом разбивается лагерь, и ночью весь город собирается, так как утром должен прийти джайнский монах. Им приходится строить храмы даже в местах, где нет ни одного джайна, и для совершения богослужения они нанимают браминов.

Сейчас джайны и брамины — враги, джайны испытывают отвращение к браминам, но они вынуждены нанимать их для богослужения, ведь только они знают, как это делается. Но брамины не могут по-настоящему совершить обряд поклонения — ты понимаешь? Как можно поклоняться врагу?.. Этот человек, Махавира, чья статуя находится в джайнском храме, постоянно осуждается браминами. Теперь брамин поклоняется за деньги. Возможно, глубоко внутри он сыплет проклятия, но на поверхности

поет гимны, возлагает цветы и делает все, что предписано правилами джайнского обряда.

Итак, вскоре палаточный городок будет готов к утренней встрече. Приходит монах — и он знает обо всех этих автобусах, о том, что этот палаточный лагерь был разбит ночью. Еще за день до его прибытия тут не было ни одной палатки. И он знает всех этих людей, потому что они следуют за ним четыре месяца подряд. Это должны быть довольно богатые люди, ведь не каждый может оставить все свои дела и взять с собой всю свою семью. Сезон дождей может быть довольно трудным — в некоторых местах выпадает до двухсот дюймов осадков, а в некоторых еще хуже — до пятисот дюймов, и они должны следовать за монахом даже в горы, ибо священные места джайнов располагаются именно в горах.

Индуисты устраивают свои места поклонения вдоль берегов рек. И так как индуисты уже монополизировали реки, джайны должны были сделать что-то превосходящее — повсюду все тот же соревнующийся ум... Поэтому они решили, что лучше всего выбрать высочайшие пики гор и показать этим дуракам, что реки — это не что иное, как грязь. В Индии в реки сбрасывают даже наполовину сожженные трупы людей, мертвых животных — это ты называешь священным местом? Поэтому джайны устраивают свои священные места высоко в горах.

Автобусы следуют за монахом, а палаточный город разбивается в горах ночью, как раз пока монах еще спит и ничего не видит. Я спрашивал этих обнаженных монахов: «Вы ведь знаете, что эти люди следуют за вами? Те же лица, те же палатки, те же автобусы... на протяжении четырех месяцев? Они дурачат сами себя — но кого дурачите вы? Какова цель всего этого представления?»

Наедине иногда они отвечали мне: «Ты прав, но что мы можем сказать? Ты всегда бьешь в самое больное место. Ты мастер бить в самое больное место. Конечно, мы все знаем. Ведь четыре месяца... Мы знаем, но не можем признать этого при всех — как тогда мы выживем?» Монахи зависят от этих людей. Эти люди — бизнесмены, они вкладывают деньги, они хотят, чтобы эти монахи говорили бедным: «Вы страда-

ете из-за своей прошлой плохой кармы, а богатые наслаждаются своей хорошей кармой. Если вы хотите наслаждаться, наработайте хорошую карму, повинуйтесь писаниям, следуйте правилам великих мастеров — и в следующей жизни вы будете богатыми».

Я пытался понять, почему священники придумали эту прошлую жизнь?.. Потому, что в отношении этой жизни ничего нельзя поделать. Будущая жизнь тоже подходит — никто не знает, что там произойдет, случится что-нибудь или нет, выживет ли кто-то или нет. Эта концепция была придумана для того, чтобы объяснения продолжали выглядеть логичными. Иначе люди, которые выполняли бы все предписанное писаниями и при этом продолжали страдать, оставались нищими, больными, могли бы сказать: «Мы выполняем все, что вы говорите, — тогда почему мы страдаем?» Оставим их в покое, возьмем хотя бы этих джайнских монахов... Один умирает от рака — за что он страдает? Он не совершил за всю свою жизнь ничего неправильного. Нужно поискать причину в его прошлых жизнях.

Человек несчастен, так как религии помогают ему сохранять причину этого несчастья. Они утешают его — и в результате он остается все тем же. Революции, восстания также расцениваются как непослушание и беспорядок, как нечто, несущее хаос: в следующей жизни ты будешь чрезвычайно страдать. Сейчас ты страдаешь, но ты готовишь почву для еще большего страдания. Именно поэтому был создан промежуток между этой жизнью и следующей, между прошлой жизнью и настоящей. И это замечательная стратегия — ведь у тебя нет никаких свидетельств того, что происходило в твоей прошлой жизни, какие хорошие или плохие поступки ты совершил; ты также не имеешь возможности узнать, что случится в твоей следующей, будущей жизни.

Они дали прекрасные объяснения и замаскировали всю эту зловонную реальность, которая скрывается за цветами, и теперь ты ощущаешь аромат цветов и полностью забыл о воняющей реке, невидимым потоком текущей прямо у тебя под ногами. Вышвырни эти цветы — и тебе сразу станет ясно, почему человечество так страдает.

Но происходит нечто новое, о чем я уже говорил ранее, — из всего человечества один процент людей подошел к точке, где они способны стать осознанными, бдительными. И по мере увеличения осознанности этот один процент, видя, как весь мир уже живет в аду, задает вопрос: «О каком аде вы говорите? Хуже, чем на Земле, быть уже не может». Именно у этого единственного процента людей возникают подобные вопросы. Они возникают и у других, кто не столь осознан, но так или иначе они приходят им на ум. Эти люди что-то услышали и тоже начали ощущать небольшое движение сознания: «Да, страдание существует — и оно безмерно».

Политики обманывают тебя. Они говорят, что, когда наступит демократия, страдание прекратится. Когда наступит независимость, социализм, коммунизм, оно исчезнет. Но демократия *уже* существует, а страдание продолжает расти и накапливаться. Страны независимы — большинство стран свободны, — но даже там, где процветает демократия, страдание не уменьшается. Возможно, там его даже больше, ведь теперь его не на что списывать — они независимы. У зависимых стран по крайней мере есть оправдание. Я сам это наблюдал.

До того как Индия стала независимой, вся страна была пропитана этой идеей. Дом, где я жил, был подпольным штабом. Двое моих дядьев много лет просидели в тюрьме, а когда они вышли оттуда, каждую неделю они должны были появляться в полицейском участке и отчитываться, что не совершили ничего противоправного, — так что им приходилось постоянно оставаться на одном месте. Им нельзя было покидать город, но к ним приезжали разные люди, и все они были полны надежд.

Хотя я был маленьким ребенком, я всегда удивлялся: «Эти люди говорят, что, когда мы станем независимыми, все страдания уйдут. Но как? Не вижу никакой связи». Но существовала *надежда*. Земля обетованная была очень близко — нужно было лишь немного побороться — и она будет достигнута. Повсюду страдание, но вы не ответственны за это, ответственны англичане. Это было великое оправдание, чтобы все свалить на англичан.

Бывало, я задавал разные вопросы этим революционерам, которые тайно приезжали и по нескольку месяцев оставались у нас дома. Среди них был один очень известный национальный лидер социалистической партии, Бхавани Прасад Тивари. Каждый раз, когда ему нужно было уйти в подполье, он приезжал в нашу деревню и скрывался у нас в доме. Он вообще не выходил на улицу, так что никто даже не знал, что он находится в деревне. Я заботился о нем, и каждый раз он говорил мне: «Ты задаешь такие каверзные вопросы, иногда мне кажется, что мне было бы лучше в британской тюрьме, чем у тебя. Там меня по крайней мере бы обслуживали по первому классу». Он был очень известным лидером, поэтому обслуживание было бы на высшем уровне — как у всех политических заключенных — все удобства, хорошая еда, отличная библиотека. И он имел бы относительную свободу, заключенных первого класса никогда не заставляют работать. Они могли писать свои автобиографии или другие книги — все индийские лидеры написали свои книги именно во время нахождения в тюрьмах. Они могли ходить на прогулку; их поселяли в живописных местах — не в обычных тюрьмах, а в специально организованных для этого местах.

Например, в Пуне прямо напротив нашей коммуны на другой стороне реки располагался дворец Ага-Кхан. Там находился в заключении Ганди и его жена, которая там и умерла. Ее могила до сих пор находится во дворце Ага-Кхан. Ты можешь увидеть ее, проезжая в Пуне через мост, — прямо на вершине холма позади великолепного здания.

Я говорил владельцу этого дворца, который жил в Мумбаи и часто приезжал навестить меня: «Возьми что хочешь, но пока я не уеду из Пуны, пусть этот дворец будет моим. Я хочу его!» Во всей Пуне это было самое высокое место, откуда виден весь город; дворец действительно прекрасен. Он отвечал: «Это сложно, ведь он принадлежит моей матери. Она владелица, и она не хочет его продавать — ведь там был заключен Ганди, а она его последовательница. Она собирается устроить в нем национальный музей памяти Ганди. Мне не удастся ее уговорить, особенно если дело касается тебя — твое имя у нас в доме вообще под запретом! Когда я

собираюсь к тебе, я вынужден говорить, что еду куда-то еще. Твое имя даже произносить нельзя». Последователи Ганди не хотят слышать обо мне, потому что я постоянно выступаю против Ганди.

Таким образом, под тюрьмы были приспособлены различные дворцы. Вокруг — километры зеленых насаждений, прекрасные виды. Бхавани Прасад Тивари говорил мне:

— Лучше бы я перестал скрываться, чтобы только не слышать этих твоих вопросов.

— Если ты не можешь на них ответить, тогда скажи, что произойдет со страной, когда мы станем независимыми? — опять спрашивал я. — Возникнут вопросы, которые необходимо будет решать. Сейчас ты не можешь ответить на них даже на словах, а тебе придется столкнуться с ними в реальности. Каким образом исчезнет бедность — только благодаря тому, что англичане покинут страну? Ты хочешь сказать, что до того, как британцы захватили Индию, она не была бедной страной?

Она была такой же нищей, как и сейчас, а возможно, даже еще более нищей — ведь англичане привезли с собой промышленные и технические разработки, которые хоть как-то обогатили страну. Они принесли с собой образование, школы, колледжи, университеты. Раньше получить образование не было вообще никакой возможности — образованными были только брамины, поскольку отец-брамин учил сына. Остальным людям брамины не позволяли получать образование — это был лучший способ держать их в рабстве, ведь образование может быть опасным.

Я спрашивал его:

— Как вы собираетесь уничтожить бедность? Каким образом вы собираетесь уничтожить сотни видов страданий и несчастий, которые не имеют никакого отношения к англичанам? Муж страдает из-за жены — как ему это поможет? Англичане уйдут, хорошо, но жена останется, и муж останется тоже — каким образом у них что-то изменится?

— Я знаю, — отвечал он, — понять это непросто, но сначала мы должны стать независимыми.

— Это ничего не изменит, — говорил я, — а возможно, проблем станет еще больше.

Их уже больше. За триста лет не был убит ни один британский губернатор, а сейчас можно расстрелять даже премьер-министра. Ваша независимость дала вам величайшую разумность! За триста лет существования Пенджаба сикхи никогда не проявляли желания стать независимой нацией. Теперь они хотят быть независимыми. Вот что приносит людям независимость. Однако истинный вопрос касается того меньшинства, которое живет в Пенджабе. Они все будут убиты. Или им придется стать сикхами, или их просто перережут. Так что проблема не только в независимости отдельного штата, проблема — в индусском меньшинстве. Куда их деть? Их всех поубивают.

То же самое произошло в Пакистане. Когда был создан Пакистан, все индусы, которые пытались там остаться, были перебиты. И Пакистан не обогатился за счет этого. Это не способ стать богаче. Сейчас Пакистан куда беднее, чем Индия; бедность возросла, поскольку население увеличилось. Вы продолжаете производить на свет детей. Политические лидеры держат людей в состоянии постоянной надежды: всегда когда-то в будущем, впереди — осуществление великой надежды. Россия более шестидесяти лет страдала во имя бесклассового общества: «Вскоре возникнет бесклассовое общество!» Когда же кончится период ожидания? Это древняя стратегия... Иисус, бывало, говорил ученикам: «Очень скоро вы все окажетесь рядом со Мной в Царствии Небесном. Вы увидите, что те, кто следуют за Мной, будут спасены, а те, кто нет, навеки попадут в ад». Этого до сих пор так и не случилось, и мы даже не знаем, действительно ли Иисус сейчас с Богом или нет.

Он даже обещал, что вернется. Мне кажется, он утратил мужество — одного распятия ему вполне хватило! Ведь теперь он снова будет распят — на этот раз в Ватикане, поскольку в этот раз он придет в качестве христианина. И Папа провозгласит: «Этот человек должен быть распят — Он лжец, антихрист! Он не наш Господь, наш Господь прибудет с почестями, восседая на облаке. Именно так Он должен прийти. А этот человек родился от женщины, а не от девственницы». И они вглядываются в небеса, откуда должен прийти Господь, а Господь так и не приходит!

Но надежда... Политики продолжают кормить людей надеждами, но они не осуществляются. Нужно запомнить одно: никакая надежда не способна помочь, никакие фальшивые объяснения не помогут. Ты должен отложить в сторону все эти ловушки и увидеть реальность такой, какая она есть. А реальность такова, что эта Земля не способна выдержать такое огромное население; население должно уменьшиться по крайней мере вдвое. Но оно увеличивается и, наоборот, вскоре станет в два раза больше. Тогда страдания тоже увеличатся вдвое.

Мне бы хотелось, чтобы людей было в два раз меньше, чем сейчас, — однако для этого необходимы разум, понимание. Ты должен понять, что это не Бог посылает детей, нет никакого Бога, Который бы посылал детей.

В действительности один-единственный мужчина вырабатывает столько сперматозоидов, что за сорок-пятьдесят лет своей жизни он способен заселить детьми всю Землю — всего один мужчина! За одну эякуляцию выбрасываются миллионы потенциальных жизней. Вряд ли это деяние Бога — или же этот Бог очень глуп. Какой смысл давать мужчине столько семени, если женщина способна за год выносить только одного ребенка? Это создает проблему: мужчина начинает заводить множество жен. Но женщина не может иметь несколько мужей: если мужчина способен оплодотворить множество женщин, то будь у женщины несколько мужей — чем им заниматься? Женщина одна — необходим один мужчина, чтобы ее оплодотворить, а все остальные идут в бар; что им еще делать?

Это не имеет никакого отношения к Богу, это просто биология. Людей нужно учить разбираться в биологии и использовать все доступные методы, чтобы снизить население вдвое.

Прекрати беспокоиться о походах в синаноги, храмы, церкви — там тебя попросту надувают. Перестань спрашивать совета у этих людей — раввинов, монахов, священников, — они прекрасно понимают, что утешали людей тысячи лет — и все эти утешения бессмысленны.

Вам нужно отвернуться от политиков и священников и обратиться к ученым. Если человечество хочет освободиться от страдания, оно должно сфокусироваться на науке.

И мою религию я назвал внутренней наукой души. Это не религия, это полностью наука. Точно так же, как наука справедлива в отношении объективного мира, она верна и в отношении мира субъективного.

Помни, наука о внешнем мире может оказаться чрезвычайно полезной, в результате чего страдание уменьшится почти на девяносто процентов. А как только ты уберешь девяносто процентов страданий физиологических, биологических — наука с легкостью с этим справится, — остальные десять впервые станут для тебя ясными. Но прямо сейчас они смешались с этими девяносто процентами. И тогда ты увидишь, что все те страдания ничто по сравнению с этими десятью процентами; эти десять — вот истинная мука. И ее можно трансформировать только за счет движения вовнутрь — назовите это медитацией, осознанностью или свидетельствованием.

Эти десять процентов обладают огромным весом; те девяносто — ничто, это всего лишь нужда: тебе нужно есть, нужно где-то спать, иметь работу, быть здоровым — и все это может быть решено с помощью науки.

Полностью уברי священников — они не несут никакой пользы для будущего. Они создали уже и так достаточно путаницы. Сконцентрируйся на науке — и ты немедленно почувствуешь, как в тебе растет новое, неведомое раньше измерение. Оно всегда было здесь — но разве голодный человек способен думать о смысле жизни? Голодный человек не может понять, прекрасен этот цветок или нет, — он голоден. С ним невозможно говорить о музыке, поэзии или живописи. Это только оскорбит его, это будет просто издевательством, полным издевательством. Но как только эти проблемы будут решены, он впервые начнет интересоваться истинными экзистенциальными вопросами, на которые может дать ответ только субъективная наука.

Так что у религии нет будущего. В отношении материальных вопросов будущее за объективной наукой и за субъективной наукой — в отношении вопросов души. Первая позаботится о физиологических, биологических нуждах, а вторая позаботится о психике и вашем глубинном центре — душе.

Глава 2

Я НАЗЫВАЮ ЭТО ПОЧТЕНИЕМ К ЖИЗНИ

*Что ты думаешь о философии ненасилия,
и в частности — о христианской идее
подставить другую щеку?*

Яне философ. Думают философы, это подход ума. Мой подход — не умственный, он полностью противоположен философии. Это не размышление о вещах и каких-то идеях, но ясное видение, которое приходит, когда ум отодвигается в сторону и человек смотрит сквозь тишину, а не через логику. Видеть не значит думать.

Восходит солнце, рассвет... если ты думаешь об этом, ты его упустить, потому что, думая, ты начинаешь удаляться от него. Когда ты думаешь, ты уносишься прочь на тысячи миль, а скорость мысли огромна...

Когда ты наблюдаешь рассвет, убедись, что ты ни о чем не думаешь. Только тогда ты сможешь его *увидеть*. Думание надевает на твои глаза вуаль. Оно окрашивает реальность своим цветом, дает ей свои интерпретации. Оно не позволяет реальности достичь тебя; оно делает собственный отпечаток на реальности, искажает ее.

Поэтому ни один философ никогда не был способен познать истину. Все они только *размышляли* о ней. Но размышлять об истине невозможно. Или ты ее *знаешь* — или нет. Если ты ее знаешь, то нет необходимости о ней *думать*; если не знаешь — как ты будешь о ней размышлять? Когда философ размышляет об истине, это то же самое, как если

бы слепой размышлял о свете. Если у тебя есть глаза, ты не *думаешь* о свете, ты *видишь* его.

Видение — это совершенно иной процесс; это побочный продукт медитации. Поэтому мне вряд ли понравится, если мой образ жизни назовут философией; он не имеет с философией ничего общего. Мой образ жизни можно назвать *фило-сия*. «Фило» означает любовь; «софия» означает мудрость, знание — «любовь к знанию». В слове «фило-сия», «фило» также означает любовь, а «сия» означает «видение»: любовь — но не к знанию, а к бытию, не к мудрости, а к сущему.

Так что это первое, что нужно запомнить. Ненасилие — это философия для Махатмы Ганди, для меня это *фило-сия*. Именно в этом месте я постоянно сражаюсь с мыслителями и философами вроде Ганди.

Ганди озаглавил свою автобиографию «Эксперименты с истиной». Это полнейший абсурд, с истиной невозможно проводить эксперименты. Когда ты пребываешь в тишине, истина присутствует в своем полном великолепии. А когда тишины нет, нет и истины. Когда ты находишься в тишине, истина не возникает перед тобой как объект — но внезапно ты осознаешь, что ты и *есть* истина. Нет того, на что можно смотреть. Видящий становится видимым, наблюдатель превращается в наблюдаемое — двойственности больше нет. И это не вопрос думания: нет никаких сомнений, никаких убеждений, никаких идей.

Ганди пытался экспериментировать с истиной. И вывод прост: ты должен знать истину, иначе с чем ты собираешься экспериментировать? А зачем человеку, который знает истину, проводить с ней эксперименты? Он проживает ее на опыте, для него нет других вариантов. Для Ганди все является философией, для меня все является *фило-сией*. Ганди мыслитель, я — нет. Мой подход экзистенциальный, не ментальный. И мне не нравится само слово «ненасилие», потому что оно негативно. Насилие позитивно; ненасилие — негативно. Никто не обращает внимания на то, что насилие вы сделали позитивным явлением, а ненасилие просто его отрицает.

Я называю это *почтением к жизни* — я не пользуюсь словом «ненасилие». Почтение к жизни — позитивно; в этом

случае ненасилие случается само по себе. Если ты чувствуешь уважение к жизни, разве ты сможешь быть насильственными? Но может быть так: человек ведет себя ненасильственно, но не испытывает при этом никакого уважения к жизни.

Я знавал этих так называемых ненасильственных людей. Ты будешь удивлен, когда узнаешь: в Калькутте у джайнов есть одно очень странное место. Во всех больших городах, в Мумбаи, в Калькутте джайны — самые богатые люди. И в Калькутте я столкнулся с очень странным явлением. Когда я впервые увидел его, то не мог поверить собственным глазам. Обычно я останавливался в доме одного уникального человека — Соханлала Дугара. Он был уникален во многих смыслах. Я любил его, он был очень колоритен. Это был пожилой человек — когда мы впервые встретились, ему было около семидесяти, а прожил он до девяноста лет. Мы познакомились в Джайпуре, его родном городе, и он пригласил меня в Калькутту, где у него был бизнес. Он управлял рынком серебра — не только по всей Индии, но также во всей Азии. Его называли Серебряным Королем. Я слышал о нем, но представления не имел, что он за человек. Когда он впервые приехал ко мне — пожилой мужчина, одетый в традиции Раджастаны, в желтом тюрбане — во всех отношениях солидный и почтенный человек, — он коснулся моих ног и, достав из своих карманов пачку денег, протянул мне.

Я сказал:

— Но прямо сейчас мне они не нужны. Оставьте мне адрес: когда мне понадобятся деньги, я вас найду; и если вы не передумаете и все еще будете богатым, тогда и отдадите их мне. Сейчас я ни в чем не нуждаюсь, к чему мне лишние заботы? У меня впереди тридцатишестичасовая поездка, и я буду беспокоиться об этих деньгах. Я не смогу нормально уснуть — вдруг кто-то их украдет, так что, пожалуйста, заберите их.

И вдруг он заплакал, слезы хлынули у него из глаз.

— Я ведь не сказал ничего, что могло вас так ранить, — заметил я.

Он ответил:

— Для меня это самая большая рана. Я бедный человек, ведь у меня есть только деньги — и больше ничего. Мне хочется сделать для тебя что-нибудь — я так много к тебе чувствую, но я беден: кроме денег у меня нет ничего. Если ты отвергнешь мои деньги, ты отвергнешь меня, ведь больше я ничем не обладаю. Возьми эти деньги. Хочешь, можешь прямо сейчас сжечь их — дело твое. Но помни: никогда больше не отказывайся от них, потому что это будет означать, что ты отверг меня. Мне больше нечего предложить.

Он плакал так искренне и по-настоящему и то, что он сказал, было настолько полно смысла, что я проговорил:

— Хорошо, давайте сюда эти деньги; и все остальные — тоже; я знаю, у вас в карманах их еще много!

— Верно! Именно такого человека я искал, — сказал он и вынул из карманов все свои деньги. Он вывернул карманы наружу и показал, что теперь они пусты: — Теперь у меня нет ничего, но ты именно тот человек, которого я искал.

И он пригласил меня в Калькутту.

Он жил в колонии джайнов. Джайны стараются селиться в одном месте, поскольку не любят смешиваться с «низшими человеческими существами». Они считают себя наивысшими, самыми чистыми и религиозными людьми.

— Сейчас я покажу тебе кое-что интересное, — сказал он и провел меня в одну из комнат. Он открыл окно: — Посмотри туда.

Я выглянул наружу... и не сразу понял, что там происходит. Там располагалось около ста кроватей без матрасов и около ста человек пытались спать на этих голых кроватях.

— В чем дело? Где матрасы? И почему у этих людей нет подушек? — спросил я. — Им ведь неудобно: посмотрите, они крутятся и ворочаются.

— Ты не понимаешь всей сути. Эти люди наняты джайнами.

— Наняты? Для чего?

— Чтобы спать на этих кроватях.

— Но какой смысл?

И он объяснил мне. В Индии, как во всех жарких странах, очень быстро размножаются насекомые. И есть один особый

вид паразитов — в Англии их называют клопами, — который заводится в таких кроватях. Джайны не могут убивать клопов, так как проповедуют философию ненасилия, и поэтому они не могут спать на этих кроватях. А если никто не будет на них спать, клопы погибнут — им нечего будет есть. Вот джайны и нанимают людей и платят им по пять рупий за ночь: люди спят на этих койках, полных клопов, и всю ночь те пьют у них кровь.

Ненасильственные люди не обязательно полны уважения к жизни. Что это за бизнес такой? Спасать клопов... Но как насчет бедных людей? Джайны об этом не думают. Они платят деньги — и проблема считается решенной. Люди соглашаются спать на этих кроватях, потому что им за это платят. Но только подумайте, в какое положение вы ставите человека! Должно быть, он страдает, так как должен из-за пяти рупий разрушать свою жизнь. Возможно, у него умирает мать, или лежит в больнице жена, или отец попал в аварию, и эти пять рупий нужны на лекарства, еду или что-то еще. И количество мест ограничено, есть всего сто коек — не каждый может попасть. Поэтому те, кто попадает, считают, что им повезло. А те, что им платят, зарабатывают себе добродетели. Их банковские счета в ином мире растут — сколько клопов спасены от смерти! Странная любовь к клопам... А о человеке, который мучается всю ночь, они не задумываются — ведь он получает деньги, так что ни о какой вине не может быть и речи.

Я хочу, чтобы ты запомнил: человек, который исповедует философию ненасилия, не обязательно будет уважительным к жизни. Но тот, кто уважает жизнь, непременно будет ненасильственным — это неизбежное следствие. И это ненасилие будет иметь совершенно иной аромат. Оно не будет похоже на ненасилие Ганди.

Например, Ганди постоянно учил своих последователей ненасилию и сам практиковал его. Он не был лицемером, — возможно, в своих убеждениях он ошибался, но он следовал им с полной отдачей. Его намерения были искренними — в этом можно не сомневаться, — но ему не хватало разумности. А человек с сильными намерениями, но не обла-

дающий высоким интеллектом, гораздо более опасен, чем любой другой, потому что намерение слепо. Ганди считал, что он учит ненасилию, но фактически он учил людей быть *насильственными по отношению к самим себе*.

В моем подходе к жизни такое невозможно. Мне не чуждо уважение к жизни. Я полон почтения ко всему живому вокруг — как же я могу быть непочтительным к собственной жизни? В глубокой тишине не существует твоего и моего. Жизнь — это просто жизнь; это единый поток. Мы соединены друг с другом невидимыми нитями. Если я причиняю вред вам, я причиняю его и себе. Если я раню себя, я раню всех вас.

Мне хочется, чтобы ты ясно понял это отличие. Оно очень тонко. Человек, который верит в ненасилие, будет чрезвычайно заботиться, чтобы не причинить кому-либо вреда, — он будет за этим следить с чрезвычайным вниманием. Но поскольку у него нет пережитого на опыте почтения к жизни, это будет всего лишь идеологией. Логически он будет считать, что это хорошо, это верный путь, но у него будет склонность причинять вред самому себе. Фактически, его насилие по отношению к другим повернется против него самого, но его интенсивность останется прежней.

Я изучал это явление среди разных людей — охотников, убийц, насильников. Недалеко от моего университета, в двухстах милях, находился природный заказник Канха Кешали — один из прекраснейших лесов во всей Индии. Сотни миль заполняли всевозможные виды дикой природы: непостижимо, но там можно было встретить кого угодно. Охота была запрещена всем, за исключением правительственных лиц. Для особых гостей делалось исключение, но для всех остальных охота была строго запрещена.

Как только у меня выдавалось свободное время, я садился в машину и ехал в Канха Кешали. Домик, где можно было остановиться, располагался в невероятно прекрасном месте — на берегу огромного озера, и повсюду, куда хватало глаз, его окружала зелень. Бывало, целыми днями я не встречал там ни одного человека, зато ночью можно было наблюдать тысячи пробегающих мимо оленей. Ночью у оленей

глаза светятся, как огни. Одна—две тысячи оленей проходили в темноте мимо моего дома, и если было полнолуние, можно было увидеть мириады маленьких огней,двигающихся в ряд. Они шли к озеру попить воды. Все животные приходили на водопой в темное время суток; нужно было лишь спрятаться в доме — и ты мог наблюдать за оленями и тиграми.

Как-то раз я встретил группу охотников; это были «особые» люди. Я был весьма удивлен: эти люди проявляли насилие, но сами при этом были очень любящими и дружелюбными. Контраст был настолько велик, что я глубоко заинтересовался этим явлением: в чем причина? Моими приятелями были известные охотники Индии: короли, принцы — в Индии много махараджей и принцев, и все они охотники. Если ты придешь во дворец какого-нибудь махараджи, то увидишь, скольких львов и тигров он убил, — они все выставлены напоказ. Весь дом полон мертвых животных — повсюду чучела. Это их гордость.

Я начал заводить дружбу с этими охотниками и обнаружил, что все они очень милые, любящие, простые и очень невинные люди. Каждый из них мог убить около сотни львов, но сам при этом оставался подобным ребенку. У них не было этой высокомерной и эгоистичной позиции, как у ненасильственных джайнов или ненасильственных последователей Ганди. Они знали, что они не святые; а эти проповедующие ненасилие автоматически начинают считать себя святыми, высшими существами, которые превосходят всех. В их эгоистичной позиции, возможно, гораздо больше насилия, чем скапливается за всю жизнь охотника, убившего множество животных.

Проповедник ненасилия не причинит вам насилия физически, но психологически он очень насильствен; он всячески будет стараться утвердить свое превосходство. И еще: как бы ты ни пытался предотвратить выход насилия вовне, оно так просто не исчезнет. Внутри живет насильственный ум, и, если не позволить ему выражать насилие в сторону других, оно развернется вовнутрь. Поэтому ненасильственные люди всячески истязают себя. Они чрезвычайно изобретательны в поиске новых способов самоистязания. Их насилие никаду

не исчезает, оно просто поворачивается на сто восемьдесят градусов. Ганди был очень насильственным по отношению к себе — по малейшему поводу он начинал голодать. Голодание — это насилие. Если ты заставляешь кого-то голодать, ты проявляешь насилие. А если ты делаешь это по отношению к себе, разве это не то же самое? Ты что, имеешь двойные стандарты?

Нет никакой разницы в том, заставляешь ты голодать себя или других, — это одно и то же. Нужно применять единый принцип, единый стандарт: я насильник — если не по отношению к твоему телу, то по отношению к своему. И проявляя насилие по отношению к себе, ты можешь получить воздаяние, — таким образом ты пытаешься предотвратить чье-то насилие по отношению к тебе. Но истязание собственного тела — самая легкая вещь в мире. Что может подделать твое тело? Оно не может дать сдачи, не может обновить тебя. У него нет средств, чтобы защищаться от тебя. Поэтому тот, кто проявляет насилие по отношению к другим, совершает это по крайней мере с тем, кто может постоять за себя и отомстить. Но тот, кто совершает насилие по отношению к себе, воистину хитер, очень хитер. Он нашел самую невинную, самую незащищенную в мире жертву. Со своим телом ты можешь сделать все, что хочешь.

Были монахи, которые каждое утро избивали себя до тех пор, пока все тело не начинало истекать кровью. И они считали себя великими святыми! Был один христианский святой в Александрии, который восседал на вершине шестидесятиметрового столба. Там было так мало места, что можно было только сидеть. Тридцать лет он просидел на том столбе. Он умудрялся там спать; люди приносили ему еду и он поднимал ее на веревке. Он испражнялся и мочился с этого столба... и это считалось великой аскезой. Люди приходили за сотни миль, чтобы выразить почтение этому сумасшедшему. Ничем другим он не отличался, но даже короли приходили, чтобы поклониться ему. Что он делал? — просто издевался над собой.

Я встречал в Индии столько истязавших себя всевозможными способами людей, что теперь мне полностью ясно: во всех религиях до сегодняшнего дня преобладают

садомазохисты. В этом нет никаких сомнений. Существует достаточно доказательств, что те, кто основывал эти религии, и те, кто им следовал, были садомазохистами. Я знал человека, который несколько лет стоял. Ты не сможешь простоять слишком долго — он же стоял много лет. Все его тело сморщилось — весь вес ушел в ноги. Его ноги стали похожи на ноги слона. Теперь даже если бы он захотел сесть, то не смог бы. Ему приходилось спать стоя. Прямо перед ним находилась подвешенная к потолку деревянная опора, на которую он клал руки и таким образом спал. А днем он стоял. И тысячи людей приходили поклониться ему.

Я спрашивал у них: «Чем таким он обладает, что вы ему поклоняетесь? Просто потому, что он все время стоит, потому, что он идиот? Что это ему дает? Посмотрите на его лицо — он хоть раз сказал что-нибудь глубокомысленное?» Это был очень заурядный человек, но ему удалось стать великим святым просто благодаря тому, что он *стоял*. Этот человек не проявлял насилия ни к кому, кроме самого себя, — это чистое насилие. И я не могу представить, как — если ты уважаешь жизнь — можно так разрушать свою собственную!

Джайнизм — единственная религия, в которой монаху разрешается, если он сам так захочет, голодать, даже если в результате он умрет. Это не называется суицидом, это называется красивым словом *сантара*. *Сантара* означает того, кто отбросил жажду жизни, кто вышел за пределы этой жажды. Множество джайнских монахов ежегодно умирают в результате *сантары*. Правительство ничего не может сделать, потому что это такая религиозная практика. Мирское правительство не может вмешиваться в дела религии. И эти люди не принимают яда и не закалывают себя ножом — нет, они выбрали очень мучительный метод. Электрический стул мог бы быть гораздо менее насильственным — ты просто садишься, и тебя больше нет, — возможно, ты даже ничего не почувствуешь. Или ты можешь надыхаться хлороформом — и тогда ты даже не сможешь определить, когда ты еще есть, а когда тебя уже нет.

Но джайнский монах будет два-три месяца голодать. Бывало, это продолжалось до девяноста дней — три месяца

без еды. Постепенно он превращается в скелет; и чем больше времени проходит, тем больше народу стекается на него посмотреть — а он даже не может открыть глаза... Люди распевая в его честь песни и мантры, но я не думаю, что он что-то слышит, — два месяца он ничего не ел, от него остались одни кости. Можно сказать, что он жив, так как он все еще дышит, но кроме дыхания и сердцебиения в нем нет никаких признаков жизни. Три месяца он может находиться на этой грани между жизнью и смертью — и таких людей называют ненасильственными!

Ганди учился ненасилию у этих идиотов. Он избрал себе в качестве гуру, учителя, джайнского монаха Шримادا Райчандру, истязавшего себя и учившего этому других, — чему еще можно учить людей? Ты учишь других тому, что делаешь сам. Поэтому я называю их садомазохистами. Эти люди делают и то, и другое. Обычно в психиатрических клиниках можно увидеть либо садистов, либо мазохистов; очень редко встречаются люди, страдающие обеими болезнями: и садизмом, и мазохизмом.

Садисты получают удовольствие, мучая других. Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, Мао Цзэдун, Тамерлан, Надиршах, Александр, Наполеон — все они садисты; они наслаждаются, когда другие страдают. И есть мазохисты, которые наслаждаются, истязая самих себя. Они предлагают себя в качестве объекта насилия — им необходимы садисты.

Кто-то спрашивал меня, какой тип мужчин и какой тип женщин могут составить идеальную пару. Я ответил, что один из них должен быть садистом, а другой мазохистом — это наилучший в мире союз. Они никогда не разведутся. Один наслаждается тем, что издевается над другим; другой — тем, что над ним издеваются. Они идеально подходят друг другу. Существует множество пар, которые считаются идеальными, и только по одной причине: один из них садист, другой — мазохист. Они подходят друг другу.

Мазохист находит этому странные объяснения, рациональные. Здесь есть одна женщина... Когда она впервые приехала ко мне пятнадцать лет назад, с ней был юноша — она привезла его с собой. Этот молодой человек искал учителя,

которые научил бы его жить, употребляя одну только воду. Она привезла с собой этого мазохиста. Но он не считал себя мазохистом, он думал, что находится в поиске наиболее естественного образа жизни. Конечно, здесь он не смог задержаться. Они приехали вдвоем; женщина осталась, а он уехал.

Такой тип людей можно встретить повсюду. Кто-то становится натуропатом и живет в соответствии с идеями натуропатии. Одна моя тетя была фанатичкой натуропатии. Я часто говорил ей: «Ты можешь просто загнуться от всех этих безумных вещей», именно так все и случилось. Она была полностью здорова, но с точки зрения натуропатии постоянно находила в себе какие-то погрешности. А если искать, то всегда можно найти. Тело — явление сложное. Легкая головная боль — и это уже повод для голодания; небольшая усталость — и за этим следовала клизма. Что-нибудь еще... — и ты знаешь, что делать, потому что ты читаешь все эти книги. Книги с инструкциями по быстрому излечению широко доступны, поэтому любой пациент превращается в мастера натуропатии. В каждой брошюре ты можешь найти рецепты — это не так сложно.

Я снова и снова говорил ей... Мы жили вместе четыре года, и я всеми способами пытался ее предостеречь. Я выбрасывал ее клизмы, ее сиденья для ванны — у нее была целая коллекция странных приспособлений. Каждый раз, когда я что-то находил, я выбрасывал это прочь. И она все время прикладывала к голове, к шее и к животу пакеты с грязью. Я говорил: «Чем ты занимаешься? Бесперывно — двадцать четыре часа в сутки? Миллионы людей живут — и никто не занимается этой ерундой». Когда я был дома, я выбрасывал все эти ее пакеты, емкости со льдом, грелки, но когда я уезжал в университет, она тут же снова принималась за все это.

На два года мне нужно было уехать в университет Джабалпура. И за эти два года она убила себя; даже не за два — это заняло всего год. Через девять месяцев, не закончив курс, я приехал домой ее проведать, но она меня даже не узнала. И это было дело ее собственных рук. Я сказал ее мужу: «Теперь ты видишь? А ведь ты тоже ее поддерживал.

Вы все были против меня, потому что я выбрасывал все ее инструменты и средства». Но она всегда находила их. У нее были всевозможные виды грязи из разных источников. Она могла пройти целые мили, чтобы найти особый вид грязи. Я сказал: «Вы обвиняли меня в том, что нехорошо выбрасывать все это, но меня не было всего девять месяцев — и она сошла с ума. Врачи сказали, что она уже не придет в себя, она полностью себя разрушила».

В Индии натуропатия традиционно связана с йогой — это традиция. И чтобы очиститься... Что именно ты собираешься чистить? Если ты решишь очиститься по-настоящему, ты умрешь, потому что все вокруг является нечистым. Внутри тебя кровь, слизь, мышечные и различные другие ткани, множество веществ, и все это является нечистым — как ты собираешься все это вычистить?

Моя тетя чистилась постоянно. Клизмой можно промыть нижние отделы кишечника, но верхние с помощью клизмы не очистить. Но в йоге для этого есть один метод: ты глотаешь тонкий, наподобие веревки, кусок ткани, длиной около десяти метров. Постепенно ты заглатываешь его все дальше и дальше, и его конец все глубже продвигается в кишечник. Затем ты оставляешь его там на столько, сколько можешь выдержать, и после вытаскиваешь. Вместе с тканью наружу выходит вся слизь и нечистоты. Я пытался удержать ее от этой процедуры, но, когда меня не было и никто ей не мешал, она проделала это и умерла. После этого я сказал ее мужу: «Теперь ты почишь себя, как она».

Другие люди едят один только рис; они уверены, что рис — единственно правильная пища. Этим людям удается убедить себя в том, что они делают для себя нечто хорошее.

Если Адольф Гитлер — садист, то эти люди — мазохисты. Они не причиняют особого вреда другим, но делают это по отношению к себе. Садисты же приносят огромный вред, так как получают удовольствие, причиняя страдания другим. Но самый большой вред исходит от садомазохистов. Махатма Ганди — садомазохист. Сначала он истязает себя, и это создает ему авторитет, чтобы мучить *тебя*. Он знает дорогу, знает путь, он прошел через все это сам. Он также был помешан-

ным на натуропатии, пакетах с грязью, клизмах и на том, чтобы есть одно и не есть другое. И все должны были этому следовать. Конечно, он значительно превосходил учеников, поэтому обладал непреложным авторитетом. Ученики понимали, что их возможности не безграничны, но старались сделать все наилучшим образом. Мастер есть мастер.

Я не исповедую никакой философии ненасилия, но то, как я живу, можно назвать почтением к жизни. И это совершенно другой подход.

Философия ненасилия просто заявляет, что нельзя убивать других. Ты думаешь, этого достаточно? Это всего лишь негативное послание: не убивай, не причиняй другому вреда. Разве этого достаточно? Почитать жизнь — значит делиться, отдавать свою радость, любовь, покой и блаженство. Чем бы ты ни обладал — поделись этим.

Если ты уважаешь жизнь, это становится поклонением. Тогда ты ощущаешь живую жизнь повсюду. Тогда поливка дерева превращается в поклонение. Угощение гостей тоже превращается в поклонение. И ты не делаешь никому одолжения, ты не прислуживаешь — ты просто наслаждаешься собой. Так же как те люди наслаждаются, причиняя другим вред, ты наслаждаешься, когда делишься.

Вот я и хочу, чтобы ты запомнил раз и навсегда: *мой подход — это уважение к жизни*. Ненасилие следует автоматически, о нем не нужно беспокоиться. А когда оно происходит само собой, оно никогда не бывает уродливым.

И ты просишь меня сказать что-то о христианской философии, христианской позиции подставлять другую щеку. Иисус научился этому принципу в Индии. Больше ниоткуда он не мог об этом узнать, потому что в иудейских писаниях нет и намека о ненасилии. У иудеев даже Бог не особенно альтруистичен. Он безапелляционно заявляет: «Я гневный бог. Те, кто не со мной, против меня. Я не так уж мил». И он говорит: «Я вам не дядя». Естественно, он вам не дядя, а отец. С дядей можно дружить и забавляться; почти все дяди — милые люди. Но отцы... Поэтому он четко дает понять: «Не пытайтесь сделать из меня дядю, я не ваш дядя, запомните! И я не добренький, я очень злой и ревнивый бог». Когда

Адольф Гитлер провозглашал: «Те, кто не с нами, те против нас», он, возможно, не осознавал, что это было очень по-еврейски! Это позиция еврейского бога.

Откуда Иисус взял эту идею ненасилия? Ее можно было встретить только в Индии. И когда Иисус двигался из Египта в Индию, атмосфера была особенно ею пропитана — прошло всего пятьсот лет со времен Махавиры и Будды. Величайший мастер Санджай Вилеттипутта, Аджит Кешкамал, тоже очень харизматичная фигура, Макхали Госал — все эти люди полностью изменили психологический климат Индии в сторону ненасилия. Каждый только об этом и говорил.

Брамины начали стыдиться своих писаний и стали исправлять комментарии к ним. Они изменили некоторые ритуалы. Ты удивишься: если ты сейчас придешь в индуистский храм, то по традиции должен преподнести кокосовый орех. Изначально этот орех был вовсе не орехом, а *человеческой головой*. Кокосовый орех похож на голову: у него есть два глаза, лоб, борода. Индусы изменили объяснения к писаниям и решили, что это не обязательно должна быть именно человеческая голова; преподнести нужно кокосовый орех. В Индии можно увидеть статуи Ханумана, выкрашенные в красный цвет. Когда-то это была кровь, но теперь ее заменили на краску, иначе они выглядели бы очень глупо.

Вся страна находилась под воздействием этих великих учителей; все они сыграли огромную роль и их действия были весьма разумными. Они отменили все виды жертвоприношений. Но как обходиться без крови? Ее заменила красная краска. В некоторых ортодоксальных храмах продолжают соблюдать старую традицию. Например, в Калькутте, в храме богини Кали, до сих пор приносятся в жертву животные и Кали омывают их кровью. В редких ортодоксальных местах это сохранилось, во всех других местах обряд был изменен.

Когда Иисус дошел до Индии, должно быть, это было как раз то время, когда вся страна была охвачена философией ненасилия. Он почерпнул эту идею именно в Индии, и это была одна из причин, почему иудеи не смогли принять Его. Он принес много идей из Индии и Египта. Когда он

вернулся, ему было тридцать. С тринадцати до тридцати — семнадцать лет он был полностью изолирован от иудейских истин. Эти семнадцать лет он провел в Индии, Египте, Кашмире, Ладакхе и, возможно, даже в Тибете. Воздействие Будды и Махавиры было еще очень сильным, так что это не было Его личным открытием. Но Он был очень впечатлен этой идеей ненасилия.

Сама идея весьма разумна: причиняя кому-то вред, ты выступаешь против Бога, ведь это его творение — нельзя быть разрушительным. Но возникает вопрос: что, если тебе причиняют вред другие? Вот откуда появилось это «подставь другую щеку», это изобретение Иисуса. Ни в одном индийском писании не говорится о том, что нужно подставить другую щеку; кажется, даже такого вопроса не возникало. Ненасилие проповедовалось настолько разумно, что никому не приходило в голову спрашивать: «А что, если другой навредит тебе?»

Махавира и Будда, вне сомнения, ответили бы: «Пускай вредит — карма ему отплатит. Не беспокойся об этом, продолжай идти своим путем».

Да, как-то раз Будде задали этот вопрос, один *бхикшу*, монах, спросил его: «Если кто-то причинит мне вред, что я должен делать?»

Будда ответил: «Представь, что ты гуляешь и вдруг на тебя падает с дерева ветка. Что ты будешь делать?» «Что я могу сделать? Это просто случайность; я нечаянно оказался под этим деревом, и на меня свалилась ветка». Будда ответил: «Так делай то же самое. Кто-то безумен, ненормален, зол — он ударяет тебя. Это равносильно тому, что на тебя упала ветка. Пусть это тебя не тревожит, не отвлекайся на это. Просто продолжай свой путь, как будто ничего не произошло».

Но когда Иисус вернулся в Иерусалим и начал проповедовать, люди, должно быть, снова и снова задавали ему этот вопрос, ведь для иудейской традиции это было совершенно необычно. Это было внедрение чуждой иностранной идеи, которая совершенно не сочеталась с иудейским умом. Иисус отвечал, что, если тебя кто-нибудь ударит по щеке, подставь другую. Ты спрашиваешь меня, что я могу сказать

по этому поводу. Это выражение — отношение человека, который верит в идею ненасилия, философию ненасилия. Но если кто-то ударяет тебя по щеке, а ты подставляешь ему другую, ты только способствуешь росту насилия в мире. Это не ненасилие.

И то, что ты пытаешься на себя взять, является полнейшей фантазией. Если кто-то бьет меня, — согласно Иисусу, я должен подставить ему другую щеку. Однако у этого человека могут быть совсем другие наклонности. Возможно, он наслаждался этим ударом, и, быть может, второй доставит ему еще большее удовольствие, — может быть, он садист. И тогда ты поощряешь развитие садизма, развитие насилия. Если ты позволяешь кому-то истязать твоё тело, ты поощряешь насилие.

Нет, эта глупая идеология разрушила всю Индию. После Будды и Махавиры Индия никогда больше не была той золотой птицей, какой она была до этого. После Будды и Махавиры началось падение. Именно они полностью ответственны за 25-вековое рабство Индии, ведь они учили людей ненасилию; они совершенно не учли, что другие окружающие страну люди не были ненасильственными. Ты поощряешь таких людей; ты говоришь им: «Придите и изнасилуйте нас».

Именно это происходило в истории Индии на протяжении двадцати пяти столетий. Любой, кто хотел богатства, женщин, рабов, приходил и завоевывал Индию. С этим не было никаких проблем: Индия была ненасильственной. Вероятнее всего, завоеватели просто проходили сквозь целые королевства, не встретив сопротивления, без всякой борьбы.

Если ты задумаешься о своем ненасилии и о том, какое насилие оно поощряет, — тогда что это получится за ненасилие? Оно принесло в мир гораздо больше насилия, чем было прежде. До Будды и Махавиры Индию никто не завоевывал. Не было никакого насилия, ибо все знали, что напасть на Индию означало смерть. Но после того, как Будда и Махавира научили людей быть подобными маслу, в них можно было воткнуть нож и они не издали бы и звука. Миллионы людей были убиты, сожжены без всякого сопротивления, потому что сопротивление означало насилие.

Но ты продолжаешь не замечать, что ты провоцируешь насилие в других. Кто ответствен за это? Подставляя другую щеку, ты как бы говоришь человеку: «Пожалуйста, ударь меня посильнее, этого недостаточно; я еще не удовлетворен. Ударь посильнее, чтобы я стал немного более святым». И у тебя всего две щеки... Что ты будешь делать, если он ударит тебя по второй? То, что говорит Иисус, звучит красиво, но оно совершенно не практично, не разумно и не научно.

Почтение к жизни рассматривает эту проблему с совершенно другой стороны. Я говорю: уважай жизнь, включая свою собственную. По существу, сначала тебе нужно проявить уважение к самому себе, только тогда ты сможешь быть уважительным с кем-либо еще. Люби себя — и тогда ты сможешь любить других.

Почтение к жизни не допускает никаких провокаций насилия. Оно не проявляет насилие первым, но если кто-то становится насильственным, оно тут же это пресекает.

Иисус говорит: «Если кто-то ударит тебя по щеке, подставь ему другую щеку». Я говорю: «Прекрасно! Подставь *его* щеку — и ударь по ней как следует! Преподай ему урок. Дай понять, то это не так уж и безобидно — бить кого-то по щеке; это может вернуться, и вернуться с удвоенной силой. И если можешь, ударь его сразу по двум щекам. Зачем давать ему шанс подставить другую щеку и стать святым? Ударь его и скажи: “Я не верю в насилие, поэтому я обрубаю его на корню. И помни, что не бывает непресеченного насилия”». Если ты уважаешь жизнь, то должен пресекать насилие.

И с другой стороны, не подставить другую щеку означает проявить уважение к этому человеку, ведь обратное очень неуважительно. Тебе это может показаться немного сложным: ты бьешь меня, я не бью тебя в ответ, но подставляю щеку со словами: «Будь так добр, ударь меня еще». Я пытаюсь быть сверхчеловеком, а тебя опускаю ниже человеческого уровня. Я унижаю тебя гораздо сильнее, чем если бы я ударил тебя в ответ. Ударяя тебя, я просто показываю, что ты человек и я человек; я говорю на том же языке, что и ты. Мы оба одного поля ягода.

Это гораздо уважительнее, так как ты не превозносишь себя — ты ставишь себя на тот же уровень, что и другого

человека. Ты говоришь ему: «Ты мой брат; если ты бьешь меня, то схлопочешь еще больше. Будь внимателен и острожен, а то у тебя возникнут проблемы».

Я не заинтересован в твоём превосходстве над другими людьми. А Иисус говорит именно это: «Будьте скромными и кроткими, подставьте другую щеку, ибо тогда обретете Царствие Божие».

Я не обещаю тебе Царства Божьего. Тебя не ждет какое наследство. Ты уже получил наследство, и это — твоя жизнь. Люби и уважай ее. Люби и уважай других. Но не старайся превосходить других и быть выше них. Не принижай другого человека.

Ты не найдешь этого в высказываниях Иисуса, но это там есть: таким образом ты унижаешь другого. Ты создаешь в другом чувство вины. Он будет думать по дороге домой: «Что я наделал? Что это был за человек? Я ударил его, а он подставил мне другую щеку. Какой же я жестокий и дикий, что снова его ударил...» Он не сможет уснуть всю ночь. На следующий день он вернется, и первое, что он захочет, — это получить прощение. Но простить его означает снова его унижить. Нет, если он ударит тебя, будь спортсменом. Не пытайся быть суперменом — будь спортсменом. Ударь его по-настоящему и скажи: «Когда тебе снова понадобится хорошая оплеуха, обращайся».

Никогда не причиняй другим зла, но и не позволяй другому причинять вред тебе — только в этом случае нам удастся создать человеческий мир. В Индии мы пробовали идти другим путем, и этот эксперимент полностью провалился. Двадцать пять столетий рабства, кровопролития, насилия — и до сих пор никто не встанет, чтобы сказать, что Махавира и Будда ответственны за это. Это они сделали всю страну бессильной и слабой. Нет, я не заинтересован в культивации бессилия, рабства и поощрении других быть насильственными по отношению к себе и другим.

Никогда не совершай насилия, но никогда и не позволяй кому-либо еще совершать его по отношению к тебе. Только тогда у мира есть возможность стать человеческим.

Глава 3

ПОЛИТИКИ И ЖАЖДА ВЛАСТИ

*Сенатор от Орегона Боб Смит процитировал
Твои слова, где Ты назвал всех жителей Орегона
идиотами. Пожалуйста, прокомментируй.*

Я не разочарован. Он подтвердил мою точку зрения. Я никогда не говорил того, что он передает людям от моего имени. То, что я сказал, было настолько ясным, что даже идиот мог бы это понять, однако бедный Боб Смит не осилил даже этого.

Я сказал вот что: «Я видел все возможные виды идиотов, и мне казалось, что никакого другого вида не существует. Однако, приехав в Орегон, я понял, что ошибался. Орегонские идиоты — это отдельный класс».

Разве здесь есть слова о том, что все жители Орегона — идиоты? Я всего лишь сказал, орегонские идиоты — это особый вид. Я щедрый человек, но не до такой степени; я не могу сделать особенным весь штат. Если бы все жители Орегона были идиотами, тогда бы он стал уникальным местом, единственным в своем роде, экстраординарным.

Но Смит просто подтвердил мое мнение. Я ждал... Кто-то должен был подтвердить его, и сенатор Боб Смит стал первым представителем этого особого класса идиотов Орегона. Он должен быть счастлив, что возглавил их! Теперь любой другой будет всего лишь вторым, а Боб Смит выиграл Нобелевскую премию.

Он также сказал, что нам нужно запретить оставаться здесь. Мы не совершали никакого преступления и никому не причиняем вреда. Мы заняты своим собственным делом —

тогда почему эти политики так потрясены, так взволнованы? Этот же самый человек полтора года назад говорил: «Эти люди действуют полностью в рамках закона, я ничего не могу сказать против них». Теперь, спустя полтора года, все изменилось.

Мы остались такими же, какими и были, но политическая ситуация изменилась, и теперь каждый, кто хочет упрочить свой политический статус, может заработать его на нас. Все политики это делают. Мы приносим им такую популярность, что они должны быть обязаны нам. Любой кандидат, который хочет победить на выборах, должен позаботиться об одном — сказать что-либо против нас; этого достаточно, чтобы выиграть. Все политики этим пользуются. А позиция сенатора сейчас очень шаткая, очень непрочная.

Мы можем помочь ему, не проблема. Он может осуждать нас, он может придерживаться линии, что нас нужно выгнать; он может делать все, что укрепит его политическую позицию. Мы будем рады, если поддержим хотя бы одного тонущего человека и спасем его статус. Возможно, он не поблагодарит нас, но мы и не ждем ничьей благодарности, мы просто оказываем гуманитарную помощь.

И помни: эти сенаторы в один прекрасный день могут превратиться в нищих. Политики либо обладают властью, либо оказываются на улице; среднего не существует. Даже такая влиятельная фигура, как Индира Ганди, однажды прислала мне письмо, в котором писала: «Я уговариваю своего сына Раджива поехать к тебе, чтобы ты отговорил его от поступления на службу в Индийские авиалинии. Он не хочет ехать».

И позиция Раджива была основательна. Он говорил ей: «В один прекрасный день ты лишишься власти — и как мы тогда будем содержать семью? У нас нет даже дома в собственности; я единственный в этой семье, кто зарабатывает деньги. Ты стара — я что, должен наблюдать, как ты окажешься на улице?» Она не смогла отговорить его. Через три года, когда она утратила свои позиции и к власти пришел премьер-министр Морарджи Десаи, именно Раджив вытянул ее. Во всяком случае, ей не пришлось просить милостыню.

Политика — странное ремесло. И стоит понять в отношении нее несколько вещей, поскольку они проливают свет на природу человеческого ума. Первое: только определенный тип людей притягивается к политике — так же, как определенный тип притягивается к науке, поэзии, живописи, музыке, танцам. Невозможно представить Уинстона Черчилля танцующим, это невозможно. Точно так же невозможно представить Нижинского в роли премьер-министра. Нижинский был танцором, возможно лучшим танцором за всю историю Земли; его танец обладал магической силой. Он был рожден, чтобы танцевать.

Это не тот талант, который можно развить; это нечто, присущее именно ему, его прирожденное качество. Его танец обладал такой магией, что никто не мог его повторить. Иногда во время танца он подпрыгивал настолько высоко, что это противоречило всем законам гравитации. Физики не могли объяснить этого. С таким весом невозможно подпрыгнуть на такую высоту. Но самое удивительное было то, как он приземлялся: очень медленно, как падающий на землю сухой лист; без всякого притяжения к полу. Это противоречило закону земного тяготения.

Земное притяжение — великая сила, магнит. Оно просто притягивает тебя, и ты ничего не можешь с этим поделать. Не в твоих силах решать, падать тебе быстрее или медленнее. Все, что летит к Земле, абсолютно беспомощно, — скорость падения определяет земное притяжение. И Земля так велика, что сила ее тяготения огромна; к тому же вес человека совсем не равен весу листа. И даже сам Нижинский удивлялся. Он видел себя медленно опускающимся — не падающим, а парящим...

Люди снова и снова спрашивали его: «Что это за техника, что это за метод?» Он отвечал: «Я удивлен не меньше вашего. Я сам не знаю. Я пытался это повторить, но у меня ничего не выходит. Это происходит непроизвольно, когда я полностью забываю о танце. Когда танцор исчезает, когда Нижинского больше нет, это случается. Я просто наблюдатель, просто зритель — как и вы. Я наблюдаю, как мое тело опускается вниз. Я пытался повторить это наедине, пробовал всеми возможными способами, и у меня никогда не получилось

подпрыгнуть столь высоко и опуститься столь медленно. Я пытался сделать это перед друзьями, перед любимой, но мне ни разу не удавалось.

Поэтому я понял одно: есть вещи, которые невозможно попытаться совершить, которые не поддаются никакому методу, никакой технике или стратегии. Есть вещи, которые просто случаются, нужно просто позволить им случиться. А позволить случиться — значит не вмешиваться; не вмешиваться настолько, чтобы тебя просто не было, потому что даже твое присутствие окажется вмешательством».

Ты знаком с этим. Физики открыли странное явление. Оно распространено среди людей. Например, ты в ванной комнате строишь рожицы перед зеркалом, зная, что никто за тобой не наблюдает. Но стоит тебе подумать, что кто-то может подсматривать в замочную скважину, как все меняется. Ты перестаешь строить гримасы и начинаешь вести себя обычным образом. Тебя застали с поличным. Ты начинаешь делать вид, будто чем-то занят, хотя еще секунду назад ничем не занимался.

Современные ученые пришли к выводу, что очень трудно наблюдать за движением электронов. Сейчас существуют приспособления, которые позволяют это делать, но проблема в том, что, как только за ними начинают наблюдать, их движение меняется — в точности как в случае с замочной скважиной. Электрон начинает вести себя по-другому. Физики так и не пришли к какому-либо выводу по этому поводу — что тут можно сказать? Но ясно одно: электрон обладает сознанием, как и мы. Другого объяснения нет; иначе каким образом он понимает, что за ним наблюдают?

Нижинский сказал: «В момент, когда я полностью отсутствую, когда меня нет, внезапно это случается. И когда это случается, я просто наблюдатель. Если в этот момент я начну смотреть по сторонам, это прекратится. Однажды я упал в середине своего прыжка с такой силой, что сломал ноги. Вошло «Я», и это явление исчезло; притяжение с такой силой повлекло меня вниз, что я неуклюже рухнул на землю». В других случаях он спускался, как перо, и, приземляясь, не издавал ни звука.

Есть прирожденные поэты, есть прирожденные танцоры. В действительности каждый рожден, чтобы быть кем-то. Некоторым удается найти то, для чего они были рождены, и это самые благословенные люди на Земле. Но те, кто начинают двигаться в другом направлении, становятся самыми несчастными.

Политики — это особый тип. Это тот же тип, что и преступники. Преступники — это несостоявшиеся политики. И те, и те другие ищут власти; и у тех, и у других жажда власти превалирует. Политики движутся к власти законным, конституционным путем; и как только они ее обретают, они могут менять и закон, и конституцию, и все остальное. Они могут продаваться, спекулировать всем, чем угодно. Но пока они еще не получили власть, они действуют строго в рамках закона, конституции и морали.

Преступник так же жаждет власти, но он не знает, как заполучить ее законным путем. Он дикий, он не столь дрессирован, как политик. Он менее образован — в отличие от политика, который использует свою образованность, как мост для толчка. Он не столь красноречив, как политик. Основное искусство политики заключается в хорошо подвешенном языке, в способности выразить твои надежды, трансформируя их в обещания. Политик красноречив, и это продолжает кормить твое сознание и бессознательное мечтами и надеждами и превращает их в обещания: если ты поможешь ему прийти к власти, он все это осуществит. Это сделка: ты даешь ему власть, а он дарует тебе землю обетованную.

И как только ты дал ему власть, кто позаботится о тебе? Человек, который давал тебе обещания, не обладал властью. Теперь это совершенно другой человек, у него есть власть. На протяжении своей жизни я снова и снова цитирую слова лорда Актона: «Власть разлагает, а абсолютная власть разлагает абсолютно». Лорд Актон говорил исходя из своего собственного опыта, он не теоретизировал. Он познал власть и познал ее воздействие — и из-за этого разлагающего воздействия он ее отбросил.

Как только ты получаешь власть, все скрывающиеся внутри тебя разлагающие силы начинают поднимать голову.

Разве кто-то в этом случае будет заботиться о других? Ты давал все эти обещания, прекрасно понимая, что не собираешься их выполнять. Это была просто уловка, чтобы получить власть, — и ты получил ее. Теперь твои бессознательные желания хотят получить удовлетворение.

Очень часто политики превращаются в преступников. Мы наблюдаем это на протяжении всей истории, тем не менее все еще это не осознаем. Перед тем как прийти к власти, Иосиф Сталин не был преступником. Он никого не убивал, он не был убийцей. Но что произошло, когда он стал властителем? Первое, что он сделал, — это устранил верховных лидеров, комитет из двенадцати членов коммунистического президиума, которые управляли всей коммунистической партией.

Он убил их одного за другим. Сначала Каменева, потом Зиновьева, потом Троцкого. Он продолжал убивать их, и, устраняя кого-то одного, заручался поддержкой всех остальных. И они были рады, что их стало одним меньше; власть сужалась во все более узкий круг, и это было им на руку. Из двенадцати сначала их осталось всего девять, затем шесть. Сталин отравил Ленина, который был главнейшей фигурой революции. Второй фигурой был Троцкий. И однажды Сталину удалось устранить и его — он был убит здесь, в Америке, в Мехико, где он скрывался. Увидев, как были убиты Зиновьев и Каменев, Троцкий пустился в бег.

Ты не поверишь, но когда он покинул страну — ему пришлось поспешить, потому что Сталин был уже готов покончить с ним, это был вопрос не более двух-трех дней... А он был министром обороны России — вся армия, все военные силы были под его командованием; и когда он понял, что его собираются убить, он уехал. Он не мог взять с собой своего пса, которого очень любил, и Сталин убил даже собаку. Такой кровожадный ум! Он послал специальных людей в Мексику, чтобы те убили Троцкого.

Троцкий писал биографию Сталина, и это была одна из самых фундаментальных когда-либо написанных биографий, потому что Троцкий знал Сталина, как никто другой: он был второй по величине фигурой революции. Сталин

тогда был еще никто, он был где-то на одиннадцатом месте из двенадцати. Но Троцкий понимал, что этот человек опасен, потому что он всегда молчал, не вступал ни в какие разговоры, и все, что его касалось, оставалось под завесой тайны. Кто его друзья, кто его враги? Ничего не было известно. Троцкий заинтересовался этим человеком — он казался опасным типом — и стал собирать о нем факты.

Когда Сталин начал свои кровавые расправы, метод, который он выбрал, был прекрасно законспирирован. Ежедневно под видом лекарств Ленину давали яд; врач был нанят Сталиным. Дозы яда были столь малы, что смерть должна была наступить через очень долгий период времени. А пока он продолжал жить и оставался лидером, так как народ все еще очень любил его. Нельзя было допустить, чтобы он умер прямо сейчас — в таком случае его место занял бы Троцкий. Перед тем как он умрет, Сталин, чтобы быть второй после Ленина фигурой, должен был укрепить свои позиции и устранить всех остальных. Поэтому жизнь Ленина поддерживалась, но он находился практически в коме. Он был парализован и медленно умирал. Он был прикован к кровати и полностью потерял зрение: он не мог прочесть ничего из того, что ему прописывали в качестве лекарств и что присылалось Сталиным. Сначала Сталин устранил всех, кого было необходимо устранить, а затем убил Ленина. Ему дали смертельную дозу яда.

Время, которое Троцкий провел в Мексике, он посвятил написанию биографии Сталина. Это редчайшая книга, потому что никогда ранее не случалось, чтобы враг писал чью-то биографию так проникновенно, с такой пронизательностью — без какой-либо ненависти; просто факты и никаких вымыслов. Его убили в момент, когда он как раз заканчивал последнюю страницу, — и она осталась незавершенной. Это была большая книга — около тысячи двухсот страниц, и когда он дописывал последнюю, его убили, ударив из-за спины по голове. Было нанесено множество ударов; голова рухнула на книгу и залила кровью последнюю страницу. В каком-то смысле, это сделало биографию на сто процентов показательной: именно так Сталин уничтожал

людей. Троцкого убили при написании последней страницы, и первое издание книги было выпущено с пятнами крови.

Прежде Сталин не убил ни одного человека, не совершил никакого преступления. На самом деле, он получил образование в православном монастыре — он был христианином — его воспитали монахи. Деревня, где он жил, находилась далеко в горах Кавказа, а этот монастырь был единственным местом, где можно было чему-то научиться, поэтому его отец, бедный человек, оставил его там. Монахи из сострадания приняли мальчика, обучали его, растили — и вот что из него получилось. Как только он заполучил власть, он убил, должно быть, миллионы людей. Их невозможно сосчитать; он просто убивал и убивал. Любой, кто вызывал в нем подозрение, мог быть убит. Другого наказания не существовало. Для него все было предельно просто: *«Либо ты за меня, либо тебя больше нет».*

Политик в своей основе — преступник. Он пытается обрести власть законным путем — и в этом вся разница. Преступник не заботится о законе — и оказывается пойманным. Политик же никогда не бывает пойман — за исключением редких случаях, как это случилось с Никсоном, когда его арестовали при Уотергейтском скандале. И знаешь, что сказал Мао Цзэдун, когда арестовали Никсона? «Что за переполох? Столько шума из ничего. Любой политик делает это!» В действительности все политики занимаются этим. Уотергейт не был чем-то экстраординарным. По всему миру каждый обладающий властью политик делает подобного рода вещи. Просто их никто не уличает в этом. Никсону просто не повезло: его поймали — и ему не удалось...

На самом деле, я испытываю определенное уважение к Никсону. На его месте такие люди, как Сталин, Мао Цзэдун, Гитлер, Муссолини сделали бы нечто, о чем ты даже не догадываешься; эта мысль приходила в голову и Никсону... Это простейший метод: когда вокруг чего-то разгораются страсти, самое лучшее, что можно сделать, — это втянуть мир в войну. Уотергейт мог быть затоплен — кто мог позаботиться о нем? Все, что было нужно сделать, — это отвлечь внимание людей. Именно так поступают правители — внезапно начи-

нают мировую войну. Никсон мог остаться в президентском кресле и стать известнейшим президентом Америки. Если бы он прошел через войну победителем, он зарекомендовал бы себя величайшим человеком в истории.

Я испытываю уважение к человеку, который отклонил преступную идею, пришедшую ему в голову. Уверяю тебя, она очень проста. Я не столь уж много знаю о политиках; хотя я и учился в политическом вузе, я ничего не знаю о действующих политиках. Но пока я учился, я четко понял, что эта идея неизбежно приходила ему в голову: ввергнуть мир в такой хаос, что Уотергейт показался бы мелочью по сравнению с проблемами, вызванными мировой войной. Все просто бы о нем забыли.

Но этот человек оказался гораздо более гуманным, чем люди о нем думали. Вот почему я говорю, что испытываю к нему уважение. Он выбрал собственное падение; это первый в истории Америки случай, когда президент, окруженный обвинениями, покинул Белый дом. Но он принял эти осуждения, этот мировой позор — и не втянул мир в войну. Он поступил больше как человек, чем как политик; он повел себя более человечно, чем на то способен любой политик.

Преступный ум жаждет власти, поскольку без власти ничего невозможно сделать. Как художнику нужны краски, а поэту большой словарь, полный различных слов и их малейших нюансов, так и политик глубоко внутри знает, для чего ему нужна власть. Если ты не собираешься рисовать, но продолжаешь покупать краски, ты сумасшедший. Если ты не собираешься играть, но продолжаешь собирать различные виды музыкальных инструментов, ты ненормальный.

Почему именно власть? Недавно я рассказывал вам о том, как Джавахарлал пригласил меня посетить его. Я приехал. Он слушал меня. В то время я был очень юн, а он был великим правителем — но он слушал меня настолько внимательно и с таким интересом, как будто я разбирался в политике и знал, что нужно делать со страной.

Он сказал мне:

— Почему бы тебе не заняться политикой? Все, что ты говоришь... если ты действительно хочешь осуществить это,

тебе нужно идти в политику. Никто не сделает это за тебя, только ты сам можешь. Мне понятны твои идеи — но кто будет их реализовывать? Вперед!

— Нет, — отвечал я, — у меня нет никакого желания бороться за власть. Сказав все это, я просто открыл свое сердце, потому что у вас есть возможность, власть и понимание, чтобы осуществить все это. Я просто поделился. И я закончил. Я не собираюсь гнаться за властью. И я не прошу кого-то еще, я прошу вас. Если вы чувствуете, что я прав, тогда докажите это, сделав что-нибудь.

— Ты прав, — сказал он, — но я не могу этого сделать, потому что люди, которые меня поддерживают и благодаря которым я нахожусь на этом посту, не разделят этих идей. Если они узнают, что я собираюсь реализовать эти идеи, меня устроят. Политика — это пирамида. Чем она выше, тем тоньше и тоньше она становится, а на вершине — всего лишь один человек. Поэтому, как видишь, на вершине — один, под ним — уже трое, под этими тремя — еще девять, а еще ниже — девятнадцать... И каждый зависит от того, кто находится под ним. Они стоят на плечах друг у друга и могут быть опрокинуты в любой момент.

А когда ты получаешь власть благодаря поддержке стольких людей, ты обязан осуществлять их желания. Кто-то оказывает тебе поддержку в получении лицензии, кто-то помогает тебе в производственных делах, кто-то в чем-то еще. Теперь ты должен исполнять их желания. Ведь ты стоишь у них на плечах, а они могут отодвинуться. Верховная фигура — это в каком-то смысле самое слабое звено: вверху никого нет, за кого он мог бы схватиться. У него под ногами люди, которые не упустят ни малейшего шанса свергнуть его, ведь если им это удастся, тогда один из трех, кто под ним, окажется на вершине. Поэтому ему приходится удовлетворять все их преступные запросы.

Я знаю это, потому что мне известно, каким образом Индира Ганди пришла к власти. Она жила вместе со своим отцом. Она была потомственным политиком, а ее муж — нет. Они полюбили друг друга во время учебы в Англии. Ее

муж не был даже индусом, брамином. Индира была брамином очень высокой касты, Кашмирским брамином. А мужчина, в которого она влюбилась, Фероз Ганди, был парси. Вся семья была против — где это видано, чтобы девушка-брамин выходила замуж за парси — мужчину, который не был даже индусом? Это совершенно другая религия.

Но Индира была единственной дочерью Джавахарлала, и, когда умерла его жена — а умерла она очень рано, — она стала самым близким ему человеком. Он подошел к ней и сказал: «Не беспокойся о бабушке с дедушкой. Я с ними все улажу. Выходи замуж. Если ты ждешь их согласия, то ты его не дождешься; даже я не могу убедить их. Это ранит их, поэтому лучше сначала ты выйди замуж, а когда вернешься домой, будучи уже женой, я уговорю их: ведь уже ничего нельзя будет поделаться, свадьба уже состоится». Вот так они поженились. Но Фероз Ганди не интересовался политикой, и только потому, что он был зятем Джавахарлала, его сделали членом парламента. Но он совершенно не интересовался этим, это было не его дело — а для Индиры это было делом всей жизни. Они сразу же начали ссориться и спорить, и вскоре Индира покинула Фероза Ганди и переехала в дом премьер-министра Джавахарлала. Они не разводились, но жили по отдельности, не встречаясь друг с другом на протяжении нескольких лет. Все это время она вела наблюдение за всеми политиками, о каждом из них собирала информацию — об их слабостях, преступлениях перед обществом, эксплуатации других, взысканиях — и при этом каждый из них на людях продолжал сохранять чистое гандианское лицо.

На каждого политика у нее была заведена папка — она показывала ее мне, — и в этом заключалась вся ее власть. Когда умер Джавахарлал, все эти политики боялись Индиру, потому что у нее был ключ. Грехи каждого из них она могла предать огласке и выставить перед судом. У нее были все улики, все записи. Они боялись ее по одной простой причине: только она могла спасти их — иначе они могли быть разоблачены. В этих папках заключалась ее власть.

Я заглянул в те папки... Все те люди эксплуатировали эту бедную страну. У каждого из них были счета в иностранных

банках — в Швейцарии, в Америке. Все они имели связи за пределами Индии, откуда получали деньги, взятки и все остальное за то, что выдавали секретную информацию. Каждый из них был связан с той или иной страной; это были агенты. Перед народом, перед нищими массами они показывали одно лицо, а на самом деле оно было совершенно другим. И они боялись также и потому, что сама Индира была абсолютно неподкупна. Это одно из качеств, которому она научилась у Джавахарлала. Он был неподкупен, потому что не был политиком, — скорее, он был поэтом. Он мог бы быть художником или скульптором; любой вид искусства был бы ближе его натуре.

В политике он оказался случайно, его почти принудили к этому — иногда такое происходит. Так как он проявлял интерес к независимости Индии, то участвовал в восстаниях против Британского правительства — но у него и мысли не было после освобождения страны становиться премьер-министром. Он никогда об этом не думал. Он был просто членом освободительного движения, как и тысячи других людей. Его могли расстрелять, убить, приговорить к смерти — могло случиться все что угодно. Вопрос о власти не стоял.

Но когда борьба за освобождение закончилась, возник вопрос: кто будет управлять страной? До этого момента темы власти не возникало вообще. Вопрос был в том, как прогнать оккупантов. Он увлекся этим, потому что был очень восприимчивым человеком, ему нравилась идея свободы. Это не имело ничего общего с политикой, он просто полюбил идею свободы — как поэт. Но когда свобода пришла, началась битва за кресло премьер-министра. В ней участвовали такие люди, как Сардар Валлабхаи Патель, который был истинным политиком, имел прочную позицию и был способен на любое преступление. Он совершал их, когда стал заместителем премьер-министра. Даже Джавахарлал не мог остановить его.

Были и другие — в освободительной борьбе присутствовали люди тысячи разных мастей. Джавахарлал был единственным, кто не интересовался ни политикой, ни властью. Именно поэтом Ганди и выбрал его — потому что выбрать

человека, который по-настоящему интересовался властью... Борьба такого человека в действительности не была борьбой за свободу, а лишь ступенькой к достижению власти. Все политики были шокированы этим выбором, так как Ганди на должность премьер-министра не принял ни одного из них; а Ганди полностью контролировал индийский менталитет.

Сардар Пател был потрясен, потому что он был очень близок к Ганди, и он, как и Ганди, был из Гуджарата и с полной отдачей служил Ганди всю свою жизнь. И в последний момент Ганди сказал Сардару:

— Отступись. Не борись с Джавахарлалом. Я назначу тебя заместителем, но премьер-министром будет он.

— Но почему? — спросил Патель.

И ответ Ганди был честным:

— Потому что он — единственный, кто не гонится за властью. А вы все передеретесь друг с другом за нее; он один выше вас всех.

Когда Ганди сказал: «Ты будешь премьер-министром», Джавахарлал ответил: «Хорошо». Когда в 1942 году Ганди сказал ему: «Ты будешь второй фигурой в освободительной борьбе» — первой был Виноба Бхаве, — он точно так же сказал: «Хорошо».

Виноба Бхаве до тех времен совершенно не был известен в Индии. Он просто жил в ашраме Ганди. Он делал Ганди массаж, купал его, читал ему писания и, поскольку был обучен санскриту, объяснял ему смысл этих писаний. Но в масштабах страны он был совершенно не известен. И на роль первого солдата освободительной борьбы Ганди выбрал анонимную фигуру — чтобы в случае чего первым в тюрьму отправился именно он; а вторым должен был быть Джавахарлал.

И Джавахарлал не сказал: «Это неуважительно по отношению ко мне. Этого человека никто не знает». Кстати, Джавахарлал никогда не любил Винобу. Джавахарлал был практически человеком Запада; он там воспитывался, получил там образование; он вел западный образ жизни. Фактически, он не был индийцем, за исключением того,

что родился в Индии. Он ел мясо — так как он жил и воспитывался в Англии, вопрос о вегетарианстве не стоял. У него были все причины не любить Винобу, но это не создавало особой проблемы, потому что они делали разную работу. Я разговаривал с обоими — и с Винобой, и с Джавахарлалом, — и оба они подтвердили, что недолюбливали друг друга.

К примеру, борода Винобы... Джавахарлалу она не нравилась. Сам он брился дважды в день и считал бороду чем-то неправильным. Он был очень неуживчив, нетерпим: одежда, которую носил Виноба, была «неправильной»; в XX веке ты должен выглядеть как человек XX века. Виноба получил ортодоксальное образование брамина; он учился в Бенаресе, в Санскритском колледже, и жил в традиции санскритского ученого. Он не знал никаких западных наук, западных языков, так что между ними не было ничего общего. И назначить этого человека первым... Джавахарлал должен был почувствовать себя задетым, но его преданность Ганди была настолько бесспорной, что если Ганди выбрал Винобу, то так и должно быть.

Если бы Ганди назначил премьер-министром Сардара Валлабхаи Пателя, Джавахарлал не стал бы спорить или возражать. Он даже предлагал Ганди: «К чему создавать для людей столько проблем? Я могу отойти на задний план, и пусть они выберут, кого хотят. Я в этом не заинтересован, я даже не думал об этом. Я боролся за свободу, и свобода достигнута — теперь я счастлив». Поэтому он не злоупотреблял своим постом. Он был второй фигурой после Ганди, и после его смерти полностью контролировал идеологическую атмосферу Индии.

Но Индира была политиком, прирожденным политиком. Она бросила мужа и забыла о нем — политика была важнее. Вся любовь закончилась, как только встал вопрос выбора между мужем и политикой. А Фероз настаивал: «Или ты живешь со мной, или со своим отцом, премьер-министром. Мне все равно, но так продолжаться больше не может. Весь день ты там, а сюда приходишь всего на пару минут, просто сказать привет — и снова уходишь в дом премьер-министра.

Ты сопровождаешь его в путешествиях, а со мной никуда не ездишь». Он четко дал ей понять, что выбор неизбежен. И Индира просто взяла и уехала. Она сказала: «Выбирать не из чего. Я принадлежу политике, и я занимаюсь ею».

У своего отца она научилась одной вещи: ни один политик не сможет сбросить тебя с поста, если ты неподкупен. Пусть все остальные берут взятки, но ты держи ухо востро и продолжай собирать о них информацию. В этом заключалась вся ее власть; никто не мог ее дискредитировать, ибо она никогда не совершала ничего неправильного — она сама могла дискредитировать кого угодно. Политики — это узаконенные конституцией преступники.

Теперь этот сенатор Боб Смит собирается вышвырнуть меня и мою коммуну из Орегона. Манера, в которой говорят эти люди, эти сенаторы, — это манера фашистов, коммунистов, нацистов. Они ведут разговоры о демократии, свободе слова, правах личности, но вряд ли они относятся к таким людям, как Вашингтон, Джефферсон, Линкольн; они относятся скорее к таким, как Иосиф Сталин, Хрущев, Брежнев. Всех их следует выставить в одну линию.

Но они получают от нас выгоду. Теперь, распространяясь о том, что я назвал всех орегонцев идиотами, этот человек пытается заработать себе популярность. Я совершенно этого не говорил, но теперь с уверенностью могу сказать, что первого идиота я нашел. Он сам это доказал. Теперь я жду второго — ведь в Орегоне два сенатора, и второй должен быть где-то поблизости. Что-то он припозднился... Сенатор Боб Смит выиграл эту гонку.

Мое утверждение настолько просто, что даже ребенок понял бы его. Я сказал, что орегонские идиоты — это отдельный класс идиотов. Как он умудрился в этом предложении услышать, что все жители Орегона — идиоты? Тогда как насчет меня? Что насчет вас всех? Мы все орегонцы и собираемся ими оставаться.

Эти люди могут сказать и сделать все что угодно. Наши санньясины присутствовали на собрании, где он выступал. Он созвал собрание, и два-три наших санньясина были там, но не участвовали — какой смысл участвовать в этом

абсурде? Это было настолько бредовое мероприятие, что невозможно представить, как люди продолжают терпеть все это.

В нашей собственности находится небольшой участок земли, принадлежащий федеральным властям. Мы получили лицензию на пятьдесят лет, и, когда мы выкупим эту землю, права перейдут к нам. Это собрание было посвящено обсуждению того, что мы не позволяем людям проходить по государственной земле, — абсолютно ложное обвинение, потому что даже офицеры полиции, патрулирующие федеральную территорию, говорили, что не имеют ничего против и в наших действиях нет ничего противозаконного. К тому же трудно представить кого-то, кому может понадобиться проходить через пустынную холмистую местность.

Поэтому мы никогда и не участвовали в подобных собраниях — за нас это сделали государственные служащие, сказав, что мы не совершаем ничего нелегального и все происходит так, как и должно быть. Но все эти фанатики, невзлюбившие нас с самого момента нашего приезда, присутствовали там и давали против нас показания.

И этот сенатор давал указания своим исполнителям, объясняя, каким образом следует разрушить нашу коммуну, наш город. Он говорил все это в присутствии наших людей: как, используя закон, сделать нашу жизнь здесь невыносимой и заставить нас уехать.

И это демократия, демократичные люди! Те, кто заботятся о нуждах всех людей. Это демократия под названием «для людей». Не знаю, кто эти люди, — определенно не мы.

Каждый из нас рождается в одиночестве и в одиночестве умирает; одиночество — естественное состояние нашего существа. Тогда в чем назначение коммуны?

Назначение коммуны именно в этом: помочь тебе осознать свое полное одиночество.

Семья не позволяет тебе этого. Семья дает тебе ложное убеждение, что у тебя есть мать, есть отец, муж, брат, сестра, что ты не один.

Общество дает тебе идею, что ты член Ротари клуба, Клуба Львов; что ты принадлежишь такой-то церкви, такому-то

храму, этой или той общине — что ты не один. Общество снабжает тебя всеми видами толпы, чтобы ты смешался с ней. Ты республиканец, демократ, либерал — ты не один, с тобой все республиканцы.

Функция коммуны в том, чтобы разрушить все эти фантазии. Никого с тобой нет. Ты одинок, и ты должен понять, что это одиночество настолько ценно, что тебе никогда не следует терять его.

Это не означает, что ты не можешь общаться с другими. Это просто означает, что ты не веришь во взаимоотношения. Попытайся понять разницу.

Общение — это текущая река. И ты можешь общаться, только если ты одинок, если ты индивидуальность — если есть кто-то, кто может взаимодействовать с твоей стороны. И взаимодействовать ты можешь только с тем человеком, который понимает свое одиночество, иначе общения не получится.

Если ты познал собственное одиночество и ты влюбляешься в женщину, которая свое одиночество не познала, эта любовь никуда вас не приведет. Она закончится раньше, чем ты можешь себе представить, потому что женщина захочет взаимоотношений. Одинокий человек будет просить отношений: «Заполни мою дыру, я одинока. Стань частью моего существа».

Но познавший свое одиночество человек знает, что никто не может заполнить твою пустоту, как и ты не можешь заполнить чью-либо пустоту. Вы можете встретиться, но вы останетесь двумя одиночествами.

И это прекрасно, что два одиночества, две индивидуальности могут встретиться, но эту встречу невозможно скрепить, зацементировать. Ее невозможно свести к отношениям — она останется *взаимодействием*. Она останется изменчивым потоком, движением, потому что другой изменится, и ты изменяешься тоже. Ты не статичен — однако именно этого ожидают люди.

Когда двое вступают в брак, каждый из супругов вступает в брак с определенным образом, который завтра обязательно изменится. Женщина, на которой ты женился, завтра не будет прежней. Она живая, она растет, она движется —

и завтра будет именно завтра. Но если ты ожидаешь от нее, что она замрет на месте, — в моменте, когда вы расписались, ты пытаешься остановить часы.

Но если они остановятся, они перестанут отсчитывать время. И каждый супруг будет нести в своем уме запечатанный образ, который ты обязан воплощать. Если каким-то образом ты будешь отличаться от него — тогда ты обманщик, жулик. Никто не может воплотить этот образ, это невозможно, это противоестественно.

Функция коммуны состоит в том, что она дает тебе возможность находиться рядом друг с другом без всяких взаимоотношений. Она дает тебе возможность взаимодействовать с людьми, не надевая на них оков. Она дает тебе возможность узнавать других, чувствовать их, не заключая при этом никаких сделок, не навешивая ярма, не попадая в заключение. Ты остаешься собой, другой остается другим.

Здорово, что сегодня мы встретились, мы наслаждаемся присутствием друг друга, но если завтра это прекратится, нет необходимости причитать над сбежавшим молоком. Это бессмысленно. Возможно, эта встреча должна произойти всего раз. Ты останешься незнакомцем, другой останется незнакомцем — и вы не будете сводить друг друга к уровню знакомых. Эта неизвестность абсолютна, ненарушаема.

Поэтому коммуна — это не еще одно сообщество. Она не предлагает тебе компанию, клуб, общину или партию. Нет, она просто предоставляет тебе пространство и понимание, что все эти люди обладают тем же одиночеством, что и ты. Но не пытайся наполнить их — если ты попытаешься это сделать, ты будешь действовать против природы и ты будешь страдать.

Поэтому не размышляй в терминах одиночества; лучше думай в терминах одиночества. Быть в одиночестве так прекрасно... Никто по тебе не ходит, никто не топчется, тебе полностью предоставлена возможность быть самим собой, ты позволяешь другим быть самими собой. Да, иногда вы будете встречаться...

Индия породила в этом столетии несколько великих гениев, и один из них — Рабиндранат Тагор. Мне нра-

вится одна его новелла под названием «Последняя поэма». В ней два героя. Один — молодой поэт, философ, который выражает то, что хотел бы сказать сам Рабиндранат, он олицетворяет его. А второй — женщина, которая ищет взаимоотношений. Она постоянно донимает его вопросом женитьбы. А в Индии, если мужчину с женщиной увидели просто прогуливающимися рядом, это уже повод для сплетен. Они могут ничего больше не делать, но просто одной их прогулки достаточно для пересудов. Весь город будет взбудоражен, множество историй будет придумано из ничего. И конечно, при этом больше страдает женщина, потому что повсюду люди начинают показывать пальцем именно на нее.

И женщина была в отчаянии, она говорила:

— Почему ты все время откладываешь? Ты любишь меня, ты хочешь быть со мной. Если не любишь, я тебя не заставляю.

Мужчина отвечал:

— Я люблю тебя, именно поэтому я не женюсь на тебе.

Женщине это понять очень непросто. Если бы она была из моей коммуны, она бы поняла. Но что за смысл в этой фразе: «Я люблю тебя и поэтому не могу жениться на тебе?» Она продолжала и продолжала спрашивать, и в конце концов он ответил:

— Я женюсь на тебе, но с одним условием.

Они сидели на берегу озера. Он сказал:

— Я построю себе дом на этом берегу, а ты — на том. Иногда, прогуливаясь, возможно, мы будем встречаться. Быть может, иногда ты услышишь мой стук в твою дверь или сама постучишь в мою. Иногда, быть может, проплывая на лодке по озеру, я встречу в другой лодке тебя.

Но это всегда должно происходить без всяких приготовлений. Это не должно быть свиданием. Я не буду предупреждать тебя о своем приходе и ты — тоже. Я женюсь на тебе только при этом условии. Ты не будешь меня спрашивать: «Где ты был?» — и я никогда не спрошу тебя, где была ты. Мы ни разу не нарушим свободу друг друга. Мы останемся друг для друга такими же незнакомцами, как и сейчас.

— Тогда какой смысл жениться? — ответила женщина.

Естественно, она не могла понять, какова цель такого брака.

Цель брака заключается в том, чтобы сидеть друг у друга на головах двадцать четыре часа в сутки, чтобы под именем любви разрушать друг друга: пилить, изводить, ругаться. Этот человек предлагал действительно верное решение: «Это будет таким счастьем — внезапно встретить тебя на озере. Для меня это будет неожиданностью. Внезапно я увижу тебя среди деревьев на другом берегу». Взаимодействие — это просто думать об этом неожиданном моменте; это не взаимоотношения.

Он не пошлет записку: «Так как ты моя жена, ты должна прийти ко мне сегодня ночью, иначе я обращусь в суд». Фактически, муж не имеет права сказать своей жене: «Спи в другой комнате», ведь это повлечет за собой проблемы. Жена не имеет права сказать мужу: «Ты не можешь спать в моей постели» — это создаст неприятности, поскольку мы полностью забыли об одной простой вещи — нашем одиночестве. И мы пытаемся забыть как можно больше — сама идея должна быть отброшена. Но одиночество — это естественное явление. И в нем нет никакой боли. Когда ты познал его, это величайшее блаженство.

Функция коммуны — дать тебе пространство, дать тебе понимание, позволить тебе испытать ощущение одиночества, опыт взаимодействия без вступления во взаимоотношения.

Глава 4

ОПАСНО: ИСТИНА ЗА РАБОТОЙ

Почему общественное мнение выступает против Тебя, ведь то, что Ты говоришь, кажется самой истиной?

Именно поэтому — потому что оно кажется самой истинной. Истина опасна; опасна для всех тех людей, которые прожили жизнь в фантазиях, прекрасной лжи, красивых снах, утопии.

Все эти люди воспринимают истину как врага, ведь она неизбежно пошатнет все, во что они верили и во имя чего жили. Истина — это смерть для всех возможных видов лжи, какой бы утешительной она ни была.

Почему общество было против Сократа? Почему люди были столь нетерпимы к Мансуру? Почему ортодоксы, верующие, благочестивые были против Иисуса? Единственная вина этих людей: все они говорили о том, что невероятно беспокоило человеческий сон. Никому не нравится, когда его будят посреди прекрасного сна. А у людей нет ничего, кроме снов.

Повсюду можно встретить торговцев снами, которые продают людям сны, эксплуатируют людей и ничего не отдают им взамен. Все религии до сегодняшнего дня были торговлей снами, эксплуатирующими человеческие слабости. Да, человек слаб. Каждый, кто родился, должен будет умереть. Истину смерти скрыть невозможно.

Как долго ты будешь украшать кладбища? Цветы, гирлянды, мраморные надгробия... все равно тебе не удастся скрыть факт смерти. Должно быть, ты заметил, что во всех странах кладбища располагаются за пределами города. На самом деле, их следует устраивать в самом центре, чтобы каждый, проходя через них, снова и снова вспоминал о смерти — ведь это единственное, что неизбежно произойдет. Все остальное лишь *возможно*; оно может случиться, но может и не случиться. Но смерть — это не возможность.

Смерть — это единственная определенная вещь в твоей жизни. Ее невозможно избежать, невозможно спрятаться от нее где-либо. Смерть встретит тебя, куда бы ты ни пошел.

Мне вспомнилась древняя притча. Одному великому правителю приснилось, что перед ним предстала смерть — темный силуэт. Даже во сне король испугался, но он был смелый человек — набравшись мужества, он спросил у странной фигуры:

— Кто ты и чего ты хочешь?

— Я твоя смерть, — ответила фигура. — И я пришла забрать тебя. Помни, мы встретимся завтра в правильном месте и в правильное время.

Это все, что она сказала: «Не забудь, что мы встретимся завтра в правильном месте в правильное время». Он был настолько потрясен услышанным, что тут же проснулся. Была глубокая ночь, но он созвал всех придворных мудрецов, астрологов, толкователей снов и предсказателей, чтобы те помогли ему объяснить этот сон.

Они начали совещаться, обсуждать и спорить, что означает этот сон. Старый королевский слуга, который был королю как отец — он растил его с самого детства... Мать короля рано умерла, а его отец постоянно отсутствовал в своих походах, вторгаясь в другие страны, завоевывая их и расширяя империю. Так что мальчик был оставлен на попечение верного слуги, который заботился о нем, почти как родной отец.

Старик подошел к королю и прошептал ему на ухо:

— Не трать времени! Эти люди могут спорить веками; они уже проспорили целые столетия. Эти философы, астрологи,

прорицатели — они никогда не придут к согласию. Уже светает; скоро настанет завтра, и времени очень мало. Мой тебе совет: возьми самого быстрого скакуна и уезжай отсюда.

Совет звучал убедительно: «Пусть они спорят. Они никогда не придут к общему мнению. Они будут спорить до вечера, но так ничего и не решат. Если ты понадеешься на них, то пожалеешь. Просто уезжай! Пусть они остаются здесь и продолжают спорить, а я послушаю, что они говорят».

Оседлав свою самую быструю лошадь, король поскакал как можно быстрее прочь от дворца, где ему приснился этот сон. К вечеру он преодолел сотни миль и был очень рад, что ускакал так далеко: «Теперь смерти будет нелегко найти меня в правильном месте в правильное время».

Солнце садилось. Он выехал на окраину города Дамаска. Просто чтобы отдохнуть... Весь день он ничего не ел, он даже не взял с собой и чашки воды — время было на вес золота. За один день ведь не умрешь от голода или от жажды. Он увидел сад на окраине города и заехал в него, чтобы немного отдохнуть. Привязав лошадь к дереву, он поблагодарил ее, — возможно, это была лучшая лошадь во всем мире. Он благодарил коня, приговаривая: «Ты сегодня был так неутомим! Даже я не знал, что ты можешь скакать так быстро. Теперь отдыхай, а я раздобуду тебе воды и еды».

И в этот момент он почувствовал чью-то руку у себя на плече. Он оглянулся. Все та же темная фигура стояла позади него и смеялась. Король был шокирован:

— Почему ты смеешься?

— Это то самое место и то самое время, — ответила смерть. — Я беспокоилась, успеешь ли ты, — но твой конь и правда лучший в мире. Я тоже ему благодарна.

Куда тебе бежать? Возможно, именно там, куда ты едешь, и есть правильное место и время.

Сегодня такие факты, как смерть... Религии пытались утешать тебя с помощью идей, которые проливают масло между тобой и страхом смерти, нейтрализуют шок, чтобы ты не находился в нем постоянно, иначе жить было бы невозможно. Поэтому в различные мифы и легенды были вплетены всяческие виды лжи. Каждый, кто говорит правду,

вынужден прорываться сквозь эту паутину, сквозь эти мифы и вымыслы.

И когда внезапно ты видишь голую правду, ты чувствуешь враждебность к человеку, который преподнес тебе такой шокирующий подарок. Тебе хотелось бы верить, что это не так, но ты понимаешь, что именно так и есть. Отсюда и гнев — иначе зачем было убивать Сократа?

Если ты прав и уверен в своей правоте, позволь этому человеку дурачить своей «истиной» самого себя — для тебя это не имеет значения. В Афинах верили в жизнь после смерти, как практически везде на Земле. Все, за исключением атеистов, так или иначе верят в загробную жизнь. Греческая вера изобиловала мифами на эту тему, но Сократ заявил: «Про смерть ничего нельзя сказать, ибо оттуда еще никто не возвращался. Так что не нужно засорять себе голову. Мы не должны верить всяким выдумкам о смерти и жизни после смерти — нет ни одного свидетеля этому. Пока я еще не умер, я не могу сказать, есть ли жизнь после смерти. А когда я умру, то и вопроса не возникнет — меня просто не будет».

«А что ты скажешь про то время, когда еще не родился?» И его доводы были вески: «Ты страдал, беспокоился, испытывал затруднения? Ты понимаешь, что до твоего рождения никакого вопроса страдания или беспокойства не возникает. Кто мог страдать или испытывать беспокойство? Тебя просто не было!»

Сократ смотрит на смерть с той же точки зрения. Если ты просто перестаешь существовать, как говорят атеисты, если ты полностью исчезаешь и ничего не остается, тогда нет никакой проблемы — тебя просто нет. Все проблемы, все беспокойства исчезают вместе с тобой. Это один вариант.

Второй вариант — если правы теисты: ты продолжаешь жить. Но в таком случае, говорит Сократ, тоже нет никакой проблемы: «Ты выжил прямо сейчас и каким-то образом перенес свое страдание, беспокойство, свои проблемы; как-то ты выдержал их. И поскольку ты продолжаешь жить, ты станешь более опытным, ты справишься с ними».

Потому он говорит: «Я не вижу ничего, о чем стоило бы беспокоиться. Или я умру — и тогда нет никаких про-

блем, или я буду продолжать жить, но стану более опытным, мудрым. И я верю в себя: раз я смог пройти через жизнь, то пройду также и через смерть. Но я ничего не могу об этом сказать, пока не испытаю все на собственном опыте. И не могу пообещать вам, что, когда я испытаю это на собственном опыте, я вернусь и расскажу об этом, потому что оттуда еще никто не возвращался. Возможно, пути назад нет. Возможно, как только ты пересекаешь мост, тот падает и общение больше невозможно. Так что ничего об этом сказать нельзя».

Он не говорил ничего определенного, и в этом была проблема — он создавал беспокойство в умах людей. И в этом — одна из причин, почему на него ополчились в Афинах: «Он должен быть либо изгнан, либо приговорен к смерти — этот человек вызывает в людях беспокойство и смятение. Люди, полностью довольные и удовлетворенные своей работой... как только они пообщаются с этим человеком, они совершенно утрачивают покой».

И это было обычным делом для Сократа: подловить кого-нибудь в окрестностях города и начать задавать ему вопросы. Даже если человек хотел ускользнуть, Сократ не позволял: «Ты должен ответить!» И как только тот отвечал, Сократ начинал атаковать этот ответ со всех возможных сторон, и в итоге человек уже не мог ответить ничего. «Можешь прийти в мою школу, — говорил тогда Сократ, у него была школа, — если хочешь чему-нибудь научиться, ибо твои ответы совершенно не истинны. Какой-то дурак продал тебе этот ответ и обманул тебя. Ты жил во лжи».

Да, ложь может быть удобной, очень комфортной. А правда в самом начале очень неудобна и некомфортна, зато в итоге она становится предельным блаженством.

Мы можем подвести итог: ложь всегда сладка вначале и горька в конце; правда горька вначале и сладка в конце. Но чтобы дождаться конца, необходимо терпение. Если ты будешь нетерпеливым, то приобретешь ложь.

Большинство людей не имеют собственного мнения. Веками им постоянно что-то внушают, обуславливают, промывают мозги. И чтобы услышать то, что говорит человек

вроде меня, потребуется отвага. Затем потребуется невероятное мужество, чтобы выпить это, потому что это горько, это идет против всей твоей обусловленности.

Потому очень немногие люди, только истинные искатели правды, будут готовы пройти через всю эту неразбериху. Все будет перевернуто с ног на голову: их Бог, их небеса, их ад, дьявол, мессии, пророки...

Между тобой и истиной — толстая стена. И все эти люди также стоят между тобой и истиной. Вам нужно им сказать: «Отстаньте! Отправляйтесь в Орегон!» Это мой перевод фразы «Идите к черту!» — она устарела, поговорки нужно обновлять.

Христианин должен будет отодвинуть в сторону Христа, а это очень сложно. Иудеям трудно было сделать то же самое с Моисеем, когда Иисус говорил им гораздо более истинные вещи. Было трудно отставить в сторону Моисея; теперь та же проблема встает перед христианами: трудно отставить в сторону Иисуса. А Иисус провозгласил гораздо более весомые вещи, чем Моисей. Моисей никогда не заявлял, что он — единородный сын Бога.

Иисус заявил, что он единородный сын Господа. Сможешь ли ты отставить это в сторону и сказать ему «Иди в Орегон!»? Это будет непросто. Скорее ты предпочтешь выслать из Орегона меня. Именно это пытаются сделать твои политики — они говорят мне: «Уезжай из Орегона». Сделать это гораздо проще — у них нет со мной никаких связей, я не продавал им никаких сладких снов. Я не обещал им ничего, как не обещаю ничего и сейчас.

Вся моя работа заключается в том, чтобы разрушить всю ту ложь, которой тебя окружили, и, ничем не заменяя ее, оставить тебя полностью обнаженным в твоём одиночестве. По моему мнению, только в своём одиночестве ты сможешь познать истину — ибо ты и есть истина.

Не нужно никуда идти, чтобы найти ее. Ни Иисус, ни Кришна, ни Будда, ни я не сможем дать ее тебе. Это не вещь, которую кто-то может тебе передать. Просто подумай: если истина — это вещь, нечто такое, что может быть отдано тебе, тогда ее можно продать, можно забрать обратно, можно потерять — все что угодно может случиться.

Но с истиной ничего не случается. Это она случается с тобой, с ней же ничего не происходит. Ее невозможно продать, невозможно купить.

Есть одна история из жизни Махавиры... Как-то раз один очень известный король Бимбисара завоевал всю Индию, соседние к ней страны и создал огромную империю. Он был из тех, кто всегда добивался того, чего хочет. Если он ставил себе цель, не было такого, чего он не мог бы достичь. Много раз он слышал о Махавире, который переживал сезон дождей, просто отдыхая за городом недалеко от столицы.

Король заинтересовался: «Чем обладает этот человек? Тысячи людей стекаются к нему!»

Некто ответил ему: «Он обладает истиной». Бимбисара сказал: «Все понятно. Сколько он за нее просит? Я готов заплатить. Не торгуйся, просто спроси, сколько он хочет». Тот человек не мог сказать королю, что он говорит глупости, он просто сказал: «Ваше Величество, лучше, если вы сами пойдете к нему и договоритесь. Я бедный человек, не заставляйте меня это делать. Вы великий король, а он великий *тиртханкара* — может состояться величайшая сделка. За весь круг существования мира всего двадцать четыре человека достигли такой высоты».

Он говорил, что за миллионы и миллионы лет всего двадцать четыре... и Махавира — последний из них. Другого такого в этом цикле больше не будет. Когда весь этот мир сторит в огне — все звезды, все галактики и солнечные системы исчезнут и возникнет новый мир, тогда появится новый первый *тиртханкара*. «Это очень редкий человек, потому что еще миллионы лет не будет никого, сравнимого с ним. Так что лучше идите вы сами».

Со всей своей свитой Бимбисара пришел к Махавире и выразил ему почтение — просто формально. В Индии даже король, приходя к святому, должен коснуться его ног — это формальность. Он сказал:

— Я пришел по простому вопросу. Отдай мне свою истину, а взамен проси все, что пожелаешь, — хоть всю мою империю, я отдам ее тебе. Это мой принцип: я должен получить все, что захотел. Не важно, сколько это стоит.

Махавира рассмеялся и сказал:

— Ты напрасно шел так далеко. В твоей столице живет один мой ученик; у него тоже есть истина. Он очень беден, поэтому, возможно, согласится продать тебе ее, но я не готов этого сделать. Должно быть, ты слышал, что я тоже сын короля. Я унаследовал королевство моего отца, но отрекся от него, чтобы получить истину. Разве теперь я смогу продать ее по цене королевства? Даже если ты отдашь мне всю империю, разве я смогу продать ее? Я уже отказался ради нее от целого королевства, и спустя сорок лет борьбы я ее нашел. Я не могу ее продать.

Должно быть, у Махавиры было хорошее чувство юмора, которое у джайнов полностью отсутствует. Он отправил короля обратно в столицу, к тому бедному человеку. Король никогда не был в этом квартале города — это был беднейший район, где жили те, кто даже не имел никакой касты. Золотая колесница остановилась у хибары того бедняка. Бедняк вышел, и Бимбисара сказал:

— Возрадуйся! Я готов отдать тебе все, что ты только пожелаешь, за твою истину. Твой учитель Махавира прислал меня к тебе.

— Мой учитель, наверное, пошутил, — ответил бедняк. — Должно быть, он не хотел задеть тебя в присутствии стольких людей — с тобой ведь была вся свита: советники, министры, генералы. Он не хотел поставить тебя в неловкое положение или сказать нет, поэтому отправил ко мне. Если хочешь, возьми мою жизнь. Я просто твой бедный слуга, я подметаю улицы. Можешь взять мою жизнь — вот она. Можешь отрубить мне голову — но истину... Да, я обладаю ею, но сама ее природа такова, что отдать ее невозможно. Не то чтобы я не хочу тебе ее отдавать, я бы очень хотел. Если хочешь, возьми ее. Можешь убить меня — если ты найдешь ее внутри, будет хорошо, я готов. Я буду счастлив, что послужил тебе таким деликатным образом. Но предупреждаю, что ты ее там не найдешь, потому что истина должна быть неотъемлемо твоей — только тогда это истина. Если она чья-то, тогда она больше не истина. Моя истина не может стать твоей истиной. Как только я говорю об истине, ты слы-

шишь лишь слова, а она остается позади них. Ее невозможно уместить в слова, не существует такого способа.

Слова долетают до обычных людей, которые верят, что слова и есть истина: кто-то верит словам Иисуса, кто-то словам Будды, кто-то словам Мухаммада — но эти слова не истина.

Ни одна книга не содержит истины, слова не могут содержать ее. Но в тебе рождается убежденность, и, если кто-то внезапно тревожит ее, ты злишься. И конечно, большинство людей на твоей стороне, и это чрезвычайно тебе помогает — столько людей не могут ошибаться. Но истина никогда не случается с толпой, она случается только с индивидуумом. Когда приходит истина, она приходит воплощенной в индивидуальность, поэтому индивидуальность всегда выступает против толпы.

В противном случае вся толпа будет с тобой, потому что ее кормили те же повара. Католики... сколько их? Возможно, около шестисот миллионов. Сегодня у католика есть великое утешение, что вместе с ним — шестьсот миллионов человек. Шестьсот миллионов не могут ошибаться. А против всего один человек... Естественно, они воспринимают такого человека как помеху. Лучше покончить с ним и идти дальше спать, обратно к своим снам.

Для меня это не ново. С самого детства я находился в этом положении... Мой отец, бывало, брал меня с собой на различные церемонии, свадьбы, дни рождения или куда-либо еще. Но брал с условием, что я буду абсолютно безмолвным:

— Иначе, пожалуйста, оставайся дома.

— Но почему? — говорил я. — Всем разрешено говорить, а мне нет!

— Ты сам знаешь, как и я и все остальные, почему тебе не разрешено: ты нарушаешь спокойствие.

— Тогда, — говорил я, — пообещай мне, что не будешь вмешиваться в дела, которые касаются только меня, — и я пообещаю, что буду молчать.

Но много раз случалось так, что он вмешивался. Например, если там присутствовал какой-нибудь пожилой

человек, дальний родственник, — но в Индии это не имеет значения, — отец должен был коснуться его ног.

И он сказал и мне:

— Коснись его ног.

— Ты вмешался! — отвечал я. — Наш контракт закончен. Почему я должен касаться ног этого старика? Если ты хочешь, можешь коснуться их дважды, трижды — это твое дело, но почему должен касаться я? И почему ног, а не головы?

И этого было уже достаточно для возникновения суматохи. Каждый начинал объяснять мне, что этот человек стар.

Я отвечал:

— Я встречал много старых людей. Как раз напротив моего дома обитает один старый слон, но я никогда не касался его ног. Это слон священника, и он очень стар. Я ни разу не касался его ног, а он очень мудр — думаю, гораздо мудрее этого старика. Сам по себе возраст не дает человеку никаких преимуществ.

Глупец остается глупцом — а возможно, становится еще более глупым. Идиот по мере взросления становится еще более идиотичным, потому что человек не может оставаться прежним, он развивается. И когда идиот стареет, его идиотизм умножается. И именно в это время он становится уважаемым. Я не собираюсь касаться ног этого человека, пока не получу доказательства, почему я должен это сделать.

Однажды я был на похоронах; умер один мой учитель, преподававший санскрит. Это был очень тучный, забавно выглядящий человек. Он очень чудно одевался — носил наряд древних браминов, который довершал огромный тюрбан. Это было посмешище всей школы, но при этом он был очень невинным человеком. На хинди «невинный» звучит как «бхол», поэтому мы называли его «бхол». Когда он входил в аудиторию, весь класс мог громко прокричать: «Джай Бхол!» — «Долгих лет Бхолу!» И естественно, он не мог наказывать всех нас — как бы тогда он преподавал, кого бы он учил?

Он умер. Мой отец не попросил меня ни о каком контракте, думая, что, раз это мой учитель, я буду вести себя хорошо. Но я не смог. Потому что никак не ожидал того, что произошло, — никто этого не ожидал. Мы пришли к месту,

где лежало его мертвое тело. Вышла его жена. Она подбежала к нему, упала перед ним и сказала:

— Мой Бхол!

Все хранили молчание, но я не сдержался. Я очень старался, но чем больше я пытался, тем труднее это было.

Я взорвался смехом:

— Это прекрасно.

— Я не стал заключать контракт с тобой, думая, что, раз это твой учитель, ты будешь вести себя уважительно, — сказал отец.

— Я не проявил неуважения, — ответил я, — просто я удивлен случившимся. «Бхол» — это его прозвище, слышав которое он злился. Теперь этот бедняга мертв, и, когда жена назвала его «Бхол», он не смог ничего поделать. Мне просто неловко за него.

Куда бы мой отец ни брал меня, он всегда заключал со мной контракт, и каждый раз он первым нарушал его, поскольку так или иначе что-то случалось и он неизбежно что-то говорил мне. И этого было достаточно, потому что было условие: он не должен был вмешиваться в то, что касается меня.

Как-то раз в наш город приехал джайнский монах. Джайнские монахи восседают на таком высоком пьедестале, что даже в положении стоя твоя голова не сможет коснуться их ног, — высота почти два метра. И они путешествуют группами по пять человек; им не разрешено передвигаться в одиночку. Это установлено для того, чтобы четверо из пяти следили за одним и никто не пил кока-колу, — если только они не стоваривались все вместе. Бывало, я видел, как они стоваривались и покупали кока-колу, — вот я и запомнил это.

Им не разрешается среди ночи даже просто пить, но я видел, как ночью они пили кока-колу. Пить кока-колу днем было опасно — кто-нибудь мог это увидеть, — так что оставалась только ночь... И я сам приносил им ее, мне было нетрудно. Кто еще мог это делать? Ни один джайн не пошел бы на это, но они знали меня и знали, что я способен на самые возмутительные поступки.

Итак, было установлено пять пьедесталов, но один из монахов заболел, и когда я пришел туда с моим отцом, я

подошел к пятому пьедесталу и забрался на него. Я до сих пор помню выражение лица моего отца, он даже не мог найти слов — что тут скажешь? И он не мог вмешаться, ведь я не сделал никому ничего плохого. Просто забравшись на пьедестал, деревянный постамент, я никому не причинил вреда. Отец подошел ко мне и сказал:

— Заключили мы контракт или нет, ты продолжаешь делать все что хочешь. С этого момента мы больше не заключаем контрактов, это совершенно бессмысленно.

И эти четверо монахов чувствовали себя настолько неловко, что тоже не могли промолвить ни слова — что тут скажешь? В конце концов один из них сказал:

— Это неправильно. Кроме монаха, никто не должен сидеть на такой высоте.

И он сказал моему отцу:

— Снимите его.

— Подумайте дважды, — ответил я. — Вспомните о бутылках!

Я приносил им кока-колу.

— Верно, мы помним. Сиди тут, сколько тебе заблагорассудится.

— Что за бутылки? — спросил отец.

— Спроси у них, — ответил я. — У меня двойной контракт: один с тобой, а другой с ними, и никто не может остановить меня. Или вы все вчетвером соглашаетесь с тем, что я тут сижу, или я произношу название бутылок.

— Нас все устраивает, — сказали они. — Можешь сидеть, это никому не мешает, но, пожалуйста, не говори ничего о бутылках.

Там было много людей и все заинтересовались, что за бутылки? Когда я вышел из храма, меня тут же окружили и спросили:

— О каких бутылках ты говорил?

— Это секрет. И в этом — моя власть над теми глупцами, к чьим ногам вы продолжаете прикасаться. Если я захочу, то сделаю так, что это они будут касаться моих ног, а иначе — бутылки...

Что за глупцы!

По дороге домой отец спросил меня:

— Но мне ты ведь можешь сказать? Я никому не расскажу. Что это за бутылки? Они пьют вино?

— Нет, — ответил я, — все зашло не так далеко, но если они останутся здесь еще на несколько дней, я устрою и это. Я заставляю их пить вино — а иначе расскажу о тех бутылках.

Весь город обсуждал эти бутылки: что это были за бутылки и почему монахи так испугались? «Мы всегда думали, что они великие святые, а этот мальчик так напугал их. Они согласились, чтобы он сидел там, что полностью против писаний». Все охотились за мной, все готовы были меня подкупить:

— Проси чего хочешь, но скажи, что это за тайные бутылки?

— Это великий секрет, и я ничего вам не скажу, — отвечал я. — Почему бы вам не пойти и не спросить ваших монахов, что это были за бутылки? Я тоже буду присутствовать, поэтому они не смогут соврать, — и тогда вы узнаете, каким людям поклоняетесь. И именно эти люди обрабатывают ваш мозг.

В университете был профессор, который хотел из-за меня уволиться. Это был самый старший, почтенный и уважаемый профессор. Возможно, он до сих пор жив. Его звали доктор С. Н. А. Шривастава; он был доктором наук. В философии это очень известное имя — и из-за меня он грозился уйти с поста.

Он поставил условие: или отчисляют меня, или увольняется он; остаться мог только один — или я, или он. А я был всего лишь студентом, студентом первого курса. Меня только-только зачислили, и я впервые прибыл в большой город из своей деревни. И всего за три месяца он пришел в такое негодование, что, только завидев меня, немедленно выходил из класса.

Я догонял его и спрашивал:

— В чем дело? Почему вы уходите? Я плачу за обучение. Предполагается, что вы должны учить, а я — учиться, и все, что я делаю, — это учусь. Если я задаю вопросы, то только для того, чтобы учиться.

— Но ты задаешь такие вопросы, которые ставят меня в неразрешимое положение. Если я говорю «да», я пойман, если я говорю «нет», я также пойман. Любой вопрос только вызывает следующий, и этому нет конца. Прошло три месяца, а ты не даешь мне продвинуться дальше первого дня. Мы так и застряли там, и я знаю, что так будет продолжаться все два года, пока ты будешь здесь. Ты не даешь завершить даже первый день обучения. Поэтому лучше...

— Но вы так образованны, — говорил я. — У вас столько степеней, почетных степеней, тридцатилетний опыт преподавания, через вас прошло столько студентов — почему вы так переживаете? Если вы не знаете, то ведь можно просто сказать: «Я не знаю». Вся проблема в том, что вы не можете сказать «Я не знаю». Проблема не во мне. Вы хотите сохранить статус всезнающего человека, притом что в действительности никто не может знать все — даже вы.

Он преподавал аристотелевскую логику; он был профессором философии и логики. А в Индии первые два курса необходимо изучать именно логику, поэтому два первых года были посвящены Аристотелю и его логике. Я говорил этому профессору, что даже сам Аристотель не был всезнающим; он был невежествен так же, как и любой другой. В своей книге он написал, что у женщин на один зуб меньше, чем у мужчин. Сейчас это кажется глупостью. У него было две жены — он мог просто попросить миссис Аристотель-один или миссис Аристотель-два: «Открой ротик!» А у женщин рот и так все время не закрывается — поэтому не нужно было даже просить. Если он боялся, то мог сосчитать у них зубы ночью, пока они спят. Но нет, греки были уверены, традиционно уверены, что женщина во всем должна быть ниже мужчины. Разве у нее может быть столько же зубов, сколько у мужчины? Аристотель никогда даже не пытался проверить.

Я спросил Шриваставу:

— Вы говорите, этот человек логик, отец логики? Это настолько просто, что даже посредственный человек первым делом бы подумал, что нужно сосчитать зубы, и только после этого писал бы об этом. Чем он вообще занимался со своими

двумя женами? Не сосчитав у них зубы, он просто поверил общественному мнению. И на протяжении тысячелетий в Греции это мнение было распространено — никто не удосуживался сосчитать. Но странно, что никто из мужчин и женщин не захотел проверить. Хотя бы одна женщина должна была сосчитать и заявить, что это был полный абсурд.

— Довольно, я не хочу больше этого слышать. Я иду к директору писать заявление. Либо он отчислит тебя, либо я уволюсь.

И его не было три дня. Меня вызвали к директору.

Я спросил его:

— В чем мой проступок? Можете меня отчислить — это не проблема, — но, пожалуйста, объясните мне, что я сделал не так? Задал ли я хотя бы один вопрос, который бы не имел отношения к логике? И если я пришел учиться логике, я должен задавать вопросы, мои сомнения должны быть разрешены. В противном случае этот человек должен сказать, что он не знает, и я допускаю это. Как только он сказал бы «Я не знаю», я больше не поднял бы этот вопрос. Но у него не хватает мужества сказать это. И теперь он угрожает, что уволится.

— Ты знаешь, что он ценный профессор, — ответил директор. — Если он уволится посреди семестра, как ты думаешь, где мы найдем специалиста его уровня? Он знает, что поскольку его противник студент, проучившийся в колледже всего три месяца, выбор будет сделан в его пользу.

— Но, — сказал я, — не думайте, что все будет так просто. Тогда мое сражение, которое проходило с С. Н. Л. Шриваставой, продолжится с вами. Я буду здесь, в вашем кабинете, каждый день. И вы должны будете предоставить мне письменные основания того, почему меня отчислили.

Это был действительно хороший и интеллигентный человек.

Он сказал:

— Я не вижу никакой причины выгонять тебя и буду последним, кто отчислит тебя. Но, пожалуйста, пойми и мое положение: мы не можем потерять этого профессора. Поэтому сделай вот что... Я не буду отчислять тебя, а подго-

товлю документы для перевода тебя в другой колледж. Тебе не придется ни о чем заботиться, но сделай мне одолжение: я договорюсь с другим колледжем, и ты перейдешь туда. Джабалпурский университет включает в себя как минимум двадцать колледжей, поэтому ты можешь выбрать любой, какой хочешь.

— Дело не в моем выборе. Обзвоните всех этих директоров и убедитесь, захочет ли кто-нибудь из них принять меня, — сейчас каждый знает об этом деле С. Н. Л. Шриваставы, о том, что лучший профессор философии собирается уволиться. Кто захочет зачислить меня? Попробуйте, я готов.

Из двадцати только один директор согласился принять меня — и с условием, что я вообще не буду посещать занятия. Он напишет для меня все необходимые ведомости, но я не должен ходить на занятия.

Я сказал:

— Это прекрасный поворот событий. Я и сам не хочу без надобности ходить и встречать там идиотов, которые не знают, что они делают и чему они учат. Отлично, можете так и сделать. Только запомните: я не собираюсь платить за учебу. Я делаю вам одолжение, а вы заботитесь о плате за эти два года. Я никогда не появлюсь в том колледже; вы договариваетесь об оплате и берете на себя все. Через два года я приду к вам, и если что-нибудь будет не так, отвечаете вы.

— Я беру на себя всю ответственность.

И он выполнил свое обещание. Через два года я пришел к нему и сказал:

— Дайте мне мою экзаменационную ведомость для вступительных экзаменов. Я не посещал тот колледж, я даже никогда не видел его.

Вот что такое толпа. Даже образованные люди относятся к толпе — они не обладают ни целостностью, ни разумом, ни даже смелостью сказать «Я не знаю». Теперь мне известно, что условие о том, что я не должен посещать занятия, исходило от одного профессора. Директор тогда спросил его:

— Можем ли мы принять этого студента? Там были проблемы...

И профессор ответил:

— Мне не нужны проблемы в аудитории. Можешь при-
нять его, но с условием, что он не будет посещать занятий.

Недавно я прочел статью этого профессора — его имя
Солери, — в которой он с гордостью заявлял, что я был его
студентом. Я даже не видел его лица, а он не видел моего; я
ни разу не был у него на занятиях, на территории его кол-
леджа или даже в окрестностях. И теперь он гордится тем,
что я был его студентом и что он всегда знал, что я был осо-
бенным. Какие дураки! Им ничего не стоит соврать, вся их
жизнь полна лжи.

Все люди в каком-то смысле невежественны, но педагоги,
священники, политики — именно эти люди продолжают
отравлять их и удерживать на уровне толпы.

Явление, которое мы называем демократией, еще не
достигло того уровня, когда это может называться демокра-
тией. Это все еще не более чем толпокрафия, потому что
люди, участвующие в выборах, — это толпа; они до сих пор
не осознанны и не бдительны.

Всего несколько дней назад здесь проходили выборы.
Я слышал, что в ночь на пятое число, за день до выборов,
которые были назначены на шестое ноября, напротив
окружного суда Васко собрались все христианские конфес-
сии. Все священники, которые являются врагами, постоянно
сражаются друг с другом, спорят, кто прав, а кто неправ;
кто ближе к Христу и Богу, а кто дальше; кто более орто-
доксален, а кто ушел в сторону, — все они собрались вместе
перед зданием окружного суда. Для чего? Чтобы помолиться
о спасении округа Васко от антихриста.

И кто же антихрист в округе Васко? И нужно ли спасать
от него округ? Я по-настоящему наслаждался тем, что они
молились обо мне, — не думаю, что здесь есть кто-то еще,
кто может быть назван антихристом. Но я немного сумас-
шедший. Они называли меня Анти-Христом, Анти-Буддой,
Анти-Махавирой, Анти-Кришной, Анти-Семитом. Кто
угодно — просто поставьте приставку «анти», и это будет
иметь отношение ко мне. Но в действительности я всего
лишь за самого себя и не против кого бы то ни было. Меня
не заботит Христос — какой смысл быть Анти-Христом?

Меня никто из них не заботит. Они не заботились обо
мне — почему я должен о них заботиться? А эти люди про-
должают... Журналисты спрашивали у них:

— И кто же антихрист?

И у них не хватило смелости даже назвать мое имя. Они
ходили вокруг да около, отвечая:

— Мы просто молимся за то, чтобы округ был спасен от
темных сил.

Почему только округ Васко? Или все темные силы скон-
центрировались именно здесь? Им следовало было отпра-
виться в Вашингтон к Белому дому и молиться там, ведь если
темные силы где-то и скопились, то для этого есть только два
места: Кремль и Белый дом. И если мир страдает, то источ-
ники этого страдания находятся в Кремле и в Белом доме.

Но самое странное в отношении этих священников в
следующем: в период Второй мировой войны в Англии они
молились Богу, христианскому Богу, за победу англичан,
за безопасность Уинстона Черчилля. А римские христиане
в Ватикане молились тому же самому христианскому Богу
за безопасность и победу Муссолини. Но это еще не все...
Христианские архиепископы благословили Адольфа Гитлера
на победу и молились за него тому же христианскому Богу.
Что же было делать этому христианскому Богу? Он должен
был покончить с собой — что предпринять? Все они — его
люди, и они молятся. В чью пользу ему решать?

И христиане не замечают, что, когда у власти Адольф
Гитлер, христианский священник молится за него. Он про-
сто-напросто трус. Он не в состоянии сказать: «Я не буду
молиться за тебя и идеологию, которую ты защищаешь. Я буду
молиться за то, чтобы ты потерпел поражение». Но смелые
люди не становятся священниками, они находят себе более
стоящие занятия. А это — трусы. И эти трусы продолжают
отравлять умы других людей и делать из них трусов. Они
разрушили весь мир и превратили его в сумасшедший дом.

Так что, если толпа против меня, этого следовало ожи-
дать. По-другому и быть не может, это естественно. Что
неожиданно, так это то, что в мире есть небольшое число
людей, способных встать рядом со мной, у которых доста-

точно мужества, чтобы отставить в сторону свои предрас-судки и прислушаться ко мне, у которых достаточно разума, чтобы распознать истину, когда они с ней сталкиваются, — какова бы ни была цена и к чему бы это ни привело.

На самом деле, ни у кого прежде не было настолько интеллигентных людей, какие по всему миру есть у меня; людей такого уровня: настолько восприимчивых и готовых пройти испытание огнем.

Да, движение к истине — это хождение по огню.

Оно сожжет тебя, сожжет полностью. И то, что останется, что выживет в огне, — и есть твоя реальность. Все остальное, все, что сгорит, — мусор, который высыпали на тебя другие. Никто не в силах сжечь истину, но чтобы достичь ее, необходимо отбросить столько всего, столько лишнего...

Но мне повезло, что по крайней мере один процент человечества практически готов совершить прыжок и создать первую в мире истинную религию — религию истины и осознанности, в которой не будет никаких выдумок о божестве, небесах, аде, дьяволе, — просто чистейшая правда в двадцать четыре карата.

Даже один процент всего населения Земли — это огромная сила. Это не значит, что против этого одного процента выступает девяносто девять. Нет, те девяносто девять — ничто, у них нет никакого внутреннего огня. Они умерли еще до смерти; это просто ходячие трупы.

Этот один процент невероятно могуществен, потому что это живые люди.

Их внутренний огонь трансформирует весь мир. А те девяносто девять можно просто не брать в расчет.

Поэтому меня не заботит, что обо мне думает толпа. Меня интересует только один процент разумных людей и то, что они обо мне думают.

Глава 5

БЛАЖЕНСТВО — ЭТО СЕЙЧАС. К ЧЕМУ ЖДАТЬ?

Что такое отречение?

И каково его место

в Твоем понимании религиозности?

Идея отречения — одна из фундаментальных идей любой псевдорелигии. Ее происхождение следует понять очень глубоко. Все религии проводят разделение между этим миром и тем, который за пределами смерти; разделение между телом и душой. Тело принадлежит этому миру, а душа принадлежит тому, и потому, если ты намерен достичь мира за пределами смерти, мира вечного, где царит нескончаемое счастье, тогда это счастье не стоит даже называть счастьем; оно преходяще, оно ускользает, подобно сну. Оно приходит, и не успеешь ты его схватить, как оно уйдет. Это иллюзия, мираж в пустыне.

Когда ты еще далеко, тебе кажется, что ты видишь озеро. Тебе хочется пить и в тебе рождается великая надежда. Озеро кажется абсолютно реальным, вот доказательства: ты видишь воду, отраженные в воде деревья. Если вокруг есть горы, ты видишь в воде и их отражение. Какие еще нужны доказательства? Если бы воды не было, то не было бы и отражения. Ты устремляешься туда с великой надеждой, но чем больше ты приближаешься, тем дальше отодвигается озеро — расстояние между вами остается неизменным. Это была всего лишь иллюзия, созданная солнечными лучами, отраженными от раскаленного песка. Когда лучи отражаются от песка, они движутся вверх, подобно волнам, что издали воспринимается как вода. И в этом движущемся состоянии они при-

обретают способность отражать, они становятся подобными зеркалу. И это — половина из того, что создает мираж.

Вторая половина — твоя жажда. Если бы ты не хотел пить, то, возможно, смог бы распознать, понять, что это мираж. Ты видел раньше подобные явления, ты знаешь, что мираж может казаться совершенно реалистичным, — но ты так хочешь пить... Пятьдесят процентов этого миража составляет феномен отражения солнечных лучей. Другая, и гораздо более важная, половина создается тобой и твоей жаждой. Тебе хочется верить, что это так. Даже если кто-то начнет убеждать тебя, что воды не существует, ты разозлишься на этого человека: тебе хочется пить — и вот она вода, а он пытается доказать, что это иллюзия. Он не знает, что такое жажда; возможно, он просто не хочет пить. Жаждущего человека невозможно убедить в нереальности того, что он видит. Все, что ты видишь, не обязательно существует в реальности. Кажущееся не означает действительность.

Религии на протяжении миллионов лет говорили людям, что счастье в этом мире имеет ту же природу, что мираж в пустыне. Вот почему тебе никогда не удастся удержать счастье. Ты не можешь зажать его в кулаке — оно приходит и уходит. Ты можешь ощутить его, как дуновение ветерка, но как только ты осознаешь, что оно есть, оно уже ушло. Возможно, оно еще больше нереально, чем мираж. У миража по крайней мере есть какие-то объективные причины — наполовину его составляют отраженные солнечные лучи, и лишь наполовину — твоя жажда. Но твое так называемое счастье — на сто процентов твой вклад, больше в нем ничего нет.

И ты знаешь это.

Сегодня некая женщина кажется тебе настолько прекрасной, что Клеопатра не идет с ней ни в какое сравнение, — ты считаешь ее самой красивой на свете. Ты не можешь представить, что где-то или когда-то встретишь женщину большей красоты. Это всего лишь твоя проекция, ибо для других эта женщина не представляет никакого интереса, и завтра она станет никем и для тебя. И тогда ты будешь изумлен, шокирован — что случилось? Что произошло с этой жен-

щиной? С женщиной ничего не произошло, она осталась прежней — это с тобой что-то произошло.

Вчера ты испытывал жажду, и страсть создавала проекцию. Сегодня страсть удовлетворена — и биологической проекции больше нет. Эта женщина — обычная женщина, и счастье, что ты испытывал, было всего лишь твоей проекцией — ты сам создал всю эту игру. Самое большее, что сделала женщина, — это сыграла в ней пассивную роль; она позволила тебе спроецировать что-то на нее. Возможно, она тоже проецировала на тебя что-то, так что это была двухсторонняя проекция. Рано или поздно это должно закончиться — как только пропадает причина проекции, она не может больше существовать.

А причина твоей проекции — в биологии, а биология не заботится о любви, поэзии, романтике и прочих вещах, биология означает бизнес! Ее не интересуют прелюдии и эпилоги — это пустые траты. Ее интересует воспроизводство. Как только проекция сделала свое дело, она исчезает. И тогда ты здесь, и эта женщина тоже здесь, но прежнего больше нет. Куда же ушло счастье?

Вы чувствовали себя на вершине Эвереста, а теперь упали в глубины океана... Женщина обманула тебя, и она тоже считает тебя обманщиком, вы оба обвиняете друг друга. Но никто никого не обманывал — просто оба обмануты биологией. И инстинкты — это не что-то за пределами тебя, это неотъемлемая часть твоего тела. Ты спроецирован двумя другими биологиями — твоей матери и твоего отца, каждый из которых спроецирован биологиями своих родителей. Это непрерывность, подобный реке поток.

И религии пытались использовать эту фундаментальную истину. Верно, что романтика и поэзия... Все твои так называемые любовные истории — всего лишь тень биологии. Все не так уж сложно: определенная инъекция гормонов прямо сейчас способна создать всю поэзию и романтику. А другая инъекция может швырнуть тебя в глубины Тихого океана! Теперь мы знаем, что мужчина может стать женщиной, а женщина может стать мужчиной — нужно всего лишь

небольшое изменение в соотношении гормонов, изменение химического состава.

Религии эксплуатировали эту простую истину. Она проста, но вместо того, чтобы объяснить ее, они ее использовали. Они говорили: «Это преходящее счастье. Не гонись за ним, ты тратишь свое время. Истинный мир — за пределами смерти». Почему за пределами смерти? Потому что смерть разрушит всю твою биологию, физиологию, химию, она унесет с собой все материальное. Останется только духовное, а духовное знает вечное. Материальное, физическое знает только преходящее.

Это выглядит очень логичным; первая часть верна, а вторая часть — полный обман. Да, это верно: счастливые моменты в жизни очень быстротечны, но это не значит, что где-то за пределами смерти есть другая жизнь, где они длятся вечно. Этому нет никаких доказательств. *Эти* моменты по крайней мере существуют, и их испытывает каждый. Какими бы короткими и быстротечными они ни были, но они есть — никто не сможет этого отрицать. Ты можешь сказать, что они сотканы из той же ткани, что и сны, — но они существуют. Даже сны обладают своей особой реальностью. Они случаются и они воздействуют на тебя; а когда что-то воздействует на тебя, оно реально.

Например, ты голоден. Весь день тебе не удавалось ничего съесть, но ты устал и уснул. Тело голодно и требует пищи. Твой ум создает прекрасный сон, что ты приглашен на пир. Таким образом ум помогает тебе, потому что, если он не будет создавать эти картины, ты проснешься от голода и твой сон будет нарушен. Но ему как-то удается убедить тебя, что ты ешь и больше не голоден, и ты можешь продолжать спать. Сон совершает с тобой нечто реальное. Разве нереальное может создавать нечто реальное? У сна есть своя собственная реальность. Да, она отличается от реальности камня, но цветок розы тоже отличается от камня. А сон отличается еще больше; но он воздействует на тебя, воздействует на твою жизнь, твой образ жизни — и эти изменения реальны.

Следует запомнить одну вещь: в этой жизни бывают моменты удовольствия, быстротечные моменты счастья, вне-

запные взрывы радости — но ты не можешь удержать их. Ты не можешь положить их на депозит, не можешь сделать их постоянными. И именно потому, что ты не можешь сделать их постоянными, религии эксплуатируют тебя. Это очень хитрая стратегия. Ты хотел бы, чтобы это длилось постоянно; в глубине души больше всего тебе бы хотелось вечно оставаться счастливым, — не зная боли, печали, мучений, — вечно. Все время пребывать в раю — вот твоя мечта.

Религии используют это. Они говорят: «Такое место существует, но за все нужно платить». Это выглядит очень прагматичным, математическим. Они советуют тебе распять эту жизнь, чтобы достичь вечного рая, который находится за пределами смерти. И это ничего не стоит, потому что ты распинаешь всего лишь преходящий, изредка случающийся, быстротечный опыт. Если подсчитать все моменты счастья за семьдесят лет твоей жизни, возможно, их наберется не больше семи.

За семьдесят лет — и не больше семи мгновений?.. Тогда чем ты тут занимаешься — мучаешь себя и других? Да, ты не сможешь насчитать более семи таких моментов, потому что природа их такова, что, когда они случаются, они полностью захватывают тебя — и это верное слово — они полностью овладевают тобой. Но когда они проходят, они уходят бесследно, полностью освобождая тебя от себя, — остаются только воспоминания. А как долго можно жить воспоминаниями, которые ко всему прочему, оказались обманчивыми?

Через несколько дней ты начинаешь сомневаться, а было ли это вообще: «Может быть, мне показалось?» По отношению ко всей твоей жизни эти моменты настолько редки... проходят годы и случается лишь один момент... Да и это не в твоей власти: ты не можешь решать, когда и где это произойдет. Годы прозябания — и всего лишь момент, который оставляет одно только воспоминание... Постепенно след от этого воспоминания тоже начинает исчезать.

Если спросить семидесятилетнего человека, он не сможет назвать даже семь таких мгновений. И чем старше ты становишься, тем меньше вероятность того, что они случатся. Все больше разочарования и все меньше иллюзий. Впереди

только смерть и мрак, а позади — сплошной обман. Религии нашли прекрасное поле для эксплуатации людей и занимаются этим по всему миру. На протяжении тысячелетий они ведут отличный бизнес — лучше, чем у кого бы то ни было: они продают тебе рай — и практически бесплатно.

Они просят только одного: «Отрекись от этой преходящей жизни — и мир блаженства твой». Вот из-за чего отречение превратилось в основу веры: чем больше ты отрекаешься, тем большего ты достоин и тем больше твоя уверенность в том, что ты приближаешься к Богу. Потому люди пытаются отречься от всего.

Махавира должен был стать царем. Его отец был стар и постоянно просил его: «Позволь мне отойти от дел, я устал. А ты молод, хорошо образован и подготовлен — меня это полностью удовлетворяет. Где еще я найду лучшего сына, чем ты? Подготовься, чтобы отпустить меня».

Но у Махавиры были другие планы. Пока он учился у священников и монахов, они отравили его ум. Он внушили ему, что, если он отречется от царства, «... царство Бога будет твоим». Чем больше отречение, тем, естественно, больше и награда. Вот почему все двадцать четыре великих джайнских Мастера были царями.

Я спрашивал у джайнских монахов: «В чем секрет? Неужели во всей стране не нашлось больше никого, кто мог бы стать великим мастером, — ни одного воина, брамина или ученого — почему одни только короли?» И им нечего было ответить. И я говорил им: «Я спрашиваю вас не для того, чтобы получить ответ, — я его знаю, — но для того, чтобы вы задумались об этом».

А ответ прост: они отреклись от королевств — и в их руки попала величайшая из наград. Бедняк может отречься от всего, что имеет. Но что у него есть? Он не может стать *тирханкарой*, наивысшим Мастером. Даже если он попадет в рай, он будет жить где-то за пределами города. Он не сможет войти вовнутрь, поскольку у него спросят: «От чего ты отрелся? В первую очередь — что у тебя есть для отречения?»

Поэтому, конечно, короли будут ближе всего к дворцу Бога, затем последуют богатейшие, супербогатые люди;

затем — средний класс; потом — низшие слои, и позади всех — те, кому не от чего отречься, у них уже ничего нет. В действительности, так как у них ничего нет, они уже должны быть рядом с Богом. Но они останутся за чертой рая, так как не смогут показать, каков их банковских счет в ином мире.

Все индийские *аватары* — короли: Рама, Кришна... Будда также был принцем. Странно, что все они — выходцы только из королевских семей, но если понять структуру, стратегию священников, то все становится ясным: они отреклись от самого большого, и, естественно, им больше и дается. Никто не знает, получит ли он что-то после смерти или нет, но эта идея пустила глубочайшие корни. И все потому, что в ней есть зерно истины: в этом мире все является преходящим.

По моему мнению, если что-то является преходящим, в этом нет ничего плохого. В действительности именно из-за своей быстротечности оно так волнующе, настолько наполнено блаженством. Сделай это постоянным — и оно умрет.

Утром бутон розы раскрывается — он так свеж, так ароматен, его лепестки покрыты капельками росы. Ты представить не можешь, что вечером эти лепестки опадут и цветок исчезнет. Тебе бы хотелось, чтобы он был таким всегда, но в таком случае тебе необходим пластиковый цветок — живой цветок на это не способен. Настоящий цветок должен быть временным. Быть живым — значит быть временным, только пластиковые вещи могут быть постоянными. Пластмасса была открыта недавно. Во времена Будды, Махавиры, Мухаммада, Иисуса о ней никто не знал, но я могу сказать, что рай, о котором они говорят, скорее всего, сделан из пластика. Если рай где-то и существует, он может быть сделан только из пластмассы, потому что она обладает качеством вечности и никогда не умирает.

Сейчас ученые беспокоятся — особенно экологи. Из-за того что пластик стоит очень дешево, люди постоянно его выбрасывают. Стекло не было настолько дешевым — ты сохранял бутылки или сдавал их и получал обратно деньги. Пластмасса стоит так дешево, что все, что из нее изготавливается, подлежит выбрасыванию: вещью пользуются один

раз и выбрасывают. Но тебе не известно, куда она поступает дальше. Дальше она скапливается в океанах, в реках, подземных озерах, и природа не в силах переработать ее, потому что она для этого не приспособлена.

Если Бог и создал этот мир, он определенно знал не все. По меньшей мере, он точно не учел одного: что однажды будет изобретена пластмасса. Он не создал в природе никаких веществ, которые могли бы перерабатывать пластик, поэтому он продолжает накапливаться. Скоро его станет так много, что это нарушит плодородие Земли, отравит воду. Его ничто не может уничтожить, а он уничтожает все.

В индуистском раю *ансары* — знаешь, как переводится это слово? Так называют девушек, предназначенных для великих святых, живущих в раю. Конечно, этим святым необходимы девушки. Эти девушки, *ансары*, — самые прекрасные из прекрасных, и так и должно быть. Они всегда остаются молодыми — вот почему я предположил, что они сделаны из пластика. Они застряли в возрасте шестнадцати лет; на протяжении миллионов лет им все еще шестнадцать. В индийском понимании это возраст самого расцвета женщины, поэтому они остаются шестнадцатилетними.

Ансары не потеют; ни Махавира, ни Будда, ни Иисус, ни Мухаммад не имели представления о дезодорантах, поэтому единственное, что можно было придумать, — это то, чтобы эти девушки не потели. Но ты не будешь потеть только в том случае, если твое тело сделано из пластика, а иначе потение неизбежно. И эти девушки не стареют, не умирают.

В раю ничто не умирает, ничто не старится, ничто не изменяется — должно быть, это жутко скучное место. Представь себе, какая это скука, когда изо дня в день все остается неизменным! Нет никакой необходимости в газетах. Я слышал, что там была издана всего лишь одна газета. Ее издали, и после она закрылась, потому что больше ничего не происходило! Они описали все в первом издании. Оно же стало последним.

Эта жажда постоянства — некая болезнь, но поскольку она имеет место, эти корпорации — да, я называю их корпорациями — христианство, индуизм, мусульманство —

веками вели отличный бизнес. И они все еще продолжают его, и, возможно, так будет продолжаться все время по одной причине: они продают тебе невидимый товар. Они забирают у тебя осязаемые вещи и дают невидимые, в которые ты должен верить.

Мне вспомнилась одна история. Один король завоевал весь мир и озаботился: что делать теперь? Ему казалось, что как только он завоеует весь мир, то будет отдыхать; он никогда не думал, что будет так обеспокоен, — никогда ранее его не охватывало такое беспокойство. Пока он воевал, вторгался в разные государства — ведь всегда где-то оставалось незанятое место, неразгромленный враг, незавоеванная страна, — у него не было времени для беспокойства, он был занят. Но теперь он завоевал весь мир и полностью потерял покой: что теперь делать?

Об этом прослышал один мошенник. Он пришел во дворец и сказал:

— У меня есть лекарство от этого беспокойства, — и попросил аудиенции с королем. Его тут же впустили, так как все врачи уже потерпели фиаско. Король не мог ни спать, ни сидеть, он ходил взад-вперед и постоянно волновался. Он вопрошал: «Что же делать? Может, где-то есть другой мир? Нужно найти. Мы завоеуем его!»

Мошенник вошел, встал перед королем и сказал:

— Не беспокойтесь. Вы первый человек, завоевавший весь мир. Вы заслужили одежды самого Господа Бога — и я могу их вам доставить.

Это была роскошная идея. Король тут же заинтересовался. Он сказал:

— Ступай же! Одежды самого Бога... Когда-нибудь раньше они уже бывали на Земле?

— Нет, — ответил человек, — никто ранее не был этого достоин. Вы первый. Поэтому впервые я привезу их израя для вас.

— Нужно все как следует подготовить... А сколько потребуется денег?

— Это выше любой цены, — ответил человек, — потребуются миллионы рупий, однако это ничтожная сумма...

— Не беспокойся о деньгах, это не проблема. Но не вздумай меня обмануть! — сказал король.

— Никакого обмана, — ответил человек. — Я останусь у вас во дворце, и вы можете окружить его кольцом стражи. Я буду работать отсюда, и моя комната может быть заперта до тех пор, пока я не постучу изнутри. Можете закрыть ее на замок, чтобы быть полностью уверенными, что я не сбегу. Однако сколько бы денег я ни попросил, вы должны будете немедленно отослать их человеку, имя которого я назову. Это не займет более трех недель.

И за три недели он вытянул у короля миллионы рупий. Каждый день, утром, днем и вечером он называл имя... срочно! Немедленно!

Король понимал, что это сложная работа... И этот человек не мог его обмануть — куда он денется? Он закрыт на замок. Без сомнения, он не мог убежать. Через три недели тот постучал в дверь изнутри. Ее открыли. Он вышел, держа в руках огромный великолепный ларец.

— Мне нужно взять его с собой, — сказал он, — чтобы положить в него одежду, которую я вам принесу.

Чтобы исключить обман, король заглянул вовнутрь и убедился, что ларец пуст. Его вернули аферисту.

Тот ушел и снова вернулся:

— Ларец будет открыт в присутствии всего двора и придворных — мудрецов, ученых, генералов, королевы, короля, принца и принцесс — все должны присутствовать, ведь это уникальное событие.

Должно быть, это был очень смелый человек — как и все мошенники. Он подозвал короля:

— Подойдите ближе, сейчас я открою ларец. Отдайте мне вашу чалму. Мне нужно положить ее в ларец — такие мне были даны указания: сначала я кладу туда вашу чалму, а затем вынимаю ту, что отдал Бог. И вы сами наденете ее. И еще один нюанс: это божественные одежды, поэтому их смогут увидеть только те, кто рожден от своих отцов. Те же, кто родился вне брака, ничего не увидят. Таково условие.

Но все сказали:

— Ничего страшного! Мы все родились от своих отцов.

Чалма короля была отправлена в комнату; мошенник вышел с пустыми руками, говоря:

— Посмотрите, какая великолепная чалма!

У него в руках ничего не было, но все заплодировали и, пытаясь перекричать друг друга, восклицали, какой невиданной красоты эта вещь.

Король задумался: «Если я скажу, что его руки пусты, значит, я внебрачный ребенок, а все эти байстрюки на самом деле родились от собственных отцов! Лучше молчать».

И в такой же ситуации был каждый присутствующий: каждый видел, что руки того человека пусты, но разве кто-то решился бы выдать себя и быть осужденным, в то время как другие видели что-то? Они начали сомневаться: «Возможно, я родился вне брака, поэтому лучше молчать. Зачем без надобности подвергаться насмешкам?» И они начинали кричать еще громче, восхваляя красоту чалмы.

Король надел несуществующую чалму на голову. Но это было только начало. Постепенно, одна за другой, все его одежды начали исчезать. И в конце концов он остался стоять в одном только нижнем белье. На мгновение король задумался: «Что дальше?» Но отступить было слишком поздно. «Если я увидел чалму, кафтан и рубашку, почему тогда я не вижу белья? Лучше увидеть и его. Дороги назад нет. Этот человек...»

А человек, держа в руках невидимое белье, расхваливал его:

— Посмотрите, сколькими бриллиантами оно украшено! Двор аплодировал:

— Такого еще не случалось в истории человечества!

Нижнее белье короля также было унесено. Но это был еще тот мошенник!

Он сказал:

— Когда я уходил, Бог сказал мне: «Эти одежды впервые отправляются на Землю, поэтому передай от меня королю, что, когда он их наденет, он должен прошесть в них по всей столице, чтобы все люди увидели их. По-другому эти бедные люди не смогут их увидеть». Колесница готова, пожалуйста, садитесь.

С каждым шагом повернуть назад было все труднее. Король подумал: «Нужно было прекратить все это еще на чалме, но сейчас уже поздно. Если я скажу, что я гол... но ведь все аплодируют».

И он сказал:

— Да, сэр, ты прав. Если Бог так сказал, так и нужно сделать. Это достойный ритуал чествования Его одежда.

Улицы были заполнены людьми — молва о том, что скоро все увидят божественные одежды, распространялась, как огонь. Король согласился. Обнаженный, он стоял в своей колеснице, а стоящий перед ним слуга объявлял:

— Эти одежды могут видеть лишь те, кто рождены от собственных отцов.

Поэтому все видели их, кроме маленького мальчика, который пришел вместе со своим отцом. Сидя на плечах у отца, он закричал:

— Да! — «Да» означает «папа». — А король-то голый!

— Тише, глупец! — сказал отец. — Когда вырастешь, тогда сможешь увидеть. Для этого требуется определенная зрелость, а такой ребенок, как ты, не может видеть их. Замолчи, если хочешь увидеть. Не зря я не хотел брать тебя с собой!

Но ребенок не мог удержаться. Снова и снова он говорил:

— Но я ясно вижу, что он голый.

Отец с ребенком вынужден был уйти, ведь другие все слышали и могли подумать, что ребенок родился от кого-то другого.

С помощью невидимого товара очень легко манипулировать людьми, заставлять их поступать против самих себя — и именно это означает отречение. Это мошенничество, совершенное священниками во имя Бога, истины, *мокиши*, нирваны.

Названия могут быть разными, но священники — это величайшие в мире мошенники.

Другие мошенники — всего лишь мелкие преступники. В чем они могут провести тебя? Но священники, пророки, мессии, аватары, *тирханкары* — это величайшие мошенники.

Они продают то, чего никто никогда не видел и никогда не увидит. Нет ни единого свидетеля. Никто не возвращался

после смерти и не говорил: «Да, существует вечное блаженство, вечная радость, вечная тишина, вечный мир». Этот бизнес продолжается, поскольку никто не может ничего возразить. Если ты возразишь, тогда ты не прав, ибо в это верит весь мир.

Но доля истины, которую религии попытались впечатать в свою стратегию эксплуатации, все же существует. И она в том, что все в мире меняется. Но в этом нет ничего неправильного, так и должно быть. Если бы было по-другому, жизнь была бы невыносимой.

Все меняется, и это хорошо — в противном случае все было бы просто мертвым. Изменение — это жизнь.

Ты меняешься постоянно. Помнишь ли ты тот день, когда ты выпрыгнул из детства и стал молодым человеком? Или когда закончилась юность и ты состарился? Ты не сможешь провести черту между детством и юностью, юностью и зрелым возрастом, зрелостью и старостью. Разве сможешь? Нет, ты меняешься каждый момент, это непрерывный процесс.

Ты изменяешься с самого момента зачатия. В утробе матери, за эти девять месяцев ты изменился чрезвычайно; в последующие девять лет жизни изменения будут не столь велики. Если тебе показать твои фотографии тех девяти месяцев, проведенных в утробе матери, ты не поверишь, что это твои фотографии. Или ты думаешь, что сможешь узнать себя? Ты изменился полностью, и ты меняешься каждый момент; и не только ты — все вокруг тебя меняется. Все звезды движутся и изменяются. Ежедневно несколько звезд умирают и исчезают — возможно, они прожили миллиарды лет, — а другие звезды рождаются. Это происходит ежедневно.

Жизнь — это поток, движение, непрерывность. Наслаждайся моментом, который приходит и уходит. Испей из него все, что сможешь, потому что он быстротечен — поэтому не трать времени на раздумья. Не начинай думать о его быстротечности. Не беспокойся о том, что произойдет завтра, останется это с тобой или нет; и не думай также о вчера.

Пока длится этот момент, выпей из него весь сок, осуши его полностью. Тогда будет ли тебя заботить, останется он

или пройдет? Если останется, мы будем пить его дальше. Если пройдет, мы будем пить другой момент.

Зачем стремиться к тому, чтобы этот момент длился вечно? Откуда тебе знать, что наступил уже самый лучший момент? Еще мгновение назад ты и не думал о нем. И кто знает: когда он пройдет, возможно, настанет еще лучший момент. На самом деле он уже в пути, и если ты полностью раствориться в текущем моменте, ты научишься чему-то, что обладает чрезвычайной важностью, и ты будешь использовать это в следующий момент. Каждое мгновение твоя зрелость растет. Каждое мгновение ты становишься все более и более центрированным, все более здесь-и-сейчас, более бдительным и более способным жить.

А тогда кто будет волноваться о смерти? Когда мы будем умирать, мы будем наслаждаться этим. Смерть — это также момент жизни. Это не окончание, а только момент трансформации, ибо ничто не умирает. Невозможно что-либо разрушить, можно лишь произвести изменение вида, формы. Сегодня наука способна уничтожить Хиросиму, Нагасаки, весь мир... Но это не совсем так. Она не может уничтожить даже кусочек камня; она не в силах полностью его уничтожить, истребить — он будет продолжать существовать. Ты можешь раскрошить его на кусочки, но эти кусочки никуда не исчезнут. Ты можешь спалить его, награв до такой степени, как если бы солнце спустилось прямо на него, — он расплавится, но все равно будет существовать. Да, можно изменить форму, но нет способа вышвырнуть его из существования.

Ничто не рождается и ничто не умирает.

Рождение всего лишь означает, что форма, в которой ты существовал, не такая, как эта, и ты не можешь узнать ее. Ты не можешь узнать себя даже на фотографиях внутриутробного периода. Если я покажу тебе твой облик в прошлой жизни, думаешь, ты его узнаешь? Что говорить про внутриутробный период! Ты не узнаешь себя даже на фото, где тебе три, шесть, девять месяцев. Все постоянно меняется.

Смерть — это великая трансформация.

Ты спрашиваешь, каково место отречения в моем представлении о религиозности. Прежде чем ответить, я хочу

обратить твое внимание еще на один момент: эта идея отречения настолько укоренилась в умах людей, что даже те, кто отрицает жизнь после смерти, все равно используют эту логику. Логика стала практически универсальной.

Например, в Индии есть школа атеистов, которых называют *чарваками*. Стоит разобраться в значении слова *чарвака*. Их противники — а все религии являются противниками чарваков — сожгли все их книги, так что ты не найдешь ни одной книги чарваков. Все, что о них известно, можно прочесть в критикующих их писаниях индуистов, джайнов и буддистов. То есть кое-что о них можно почерпнуть из этих писаний, но это не даст полной картины. И это религиозные люди! Они сожгли все писания чарваков, а возможно, даже убили многих из них, потому что сейчас в Индии ты не найдешь ни одного чарваки. И все религии настолько яростно выступают против них, что скорее всего они обладали огромной силой — а иначе зачем было так критиковать тех, чьей философии никто не следует?

Все три основные религии постоянно выступали против чарваков и обвиняли их. Должно быть, это была очень популярная философия. И надо сказать, что она до сих пор популярна во всем мире, но из-за того, что люди лицемерны, они не признают этого. Просто послушай, о чем они говорят, и ты убедишься, что из ста человек девяносто девять — чарваки. Не важно, христиане они, индуисты или мусульмане — это всего лишь маски.

Итак, вражески настроенные писания разъясняют смысл слова «чарвака» следующим образом: оно означает есть, пить и состоять в браке. Чарвака означает того, кто верит в еду, в еду и еще раз в еду — во всех смыслах этого слова. Я не утверждаю, что чарваки говорили именно так, но это возможно. Писания цитируют чарваков следующим образом: «Даже если тебе придется красть деньги, не переживай — ешь, пей и женись. Продолжай воровать, потому что после смерти не будет ни тебя, который должен будет вернуть украденное, ни другого, который спросит: «А где мои денежки?» Смерть — это конец всему, потому что не слушай священников, пугающих тебя кармической расплатой.

Получай удовольствие любым возможным способом. Не пропускай удовольствий!»

Это то, как описывают их противники, но в одном из писаний — должно быть, над ним работал очень либеральный человек — сказано, что это определение противников, наше определение, но сами чарваки по-другому разъясняют смысл своего названия. Оно означает того, кто исповедует философию сладости, — еще одно значение этого слова — «тот, чьи уста источают сладкие слова». И они действительно говорили сладкие слова, но они попали в капкан той же самой логики.

Религии заявляют: «Если хочешь наслаждаться тем миром, отрекись от этого», а чарваки говорят: «Отрекись от того мира, если хочешь наслаждаться этим». Но логика одна и та же. Они смотрят на вещи с разных сторон, но и те, и другие советуют тебе отречься от одного во имя другого. Чарваки говорят, что нужно отречься от того мира; нет ни Бога, ни нирваны, ни рая — отрекись от этого. Этот мир — все, что есть. Наслаждайся!

В Греции Эпикур исповедовал ту же философию и был заложником той же логики. Даже Карл Маркс был пойман в ту же ловушку: он считал, что другого мира не существует. Первое, что нужно сделать, — отречься от того мира, и только после этого ты сможешь получать удовольствие от этого. Поэтому прежде всего отриньте тот мир — нет ни бога, ни рая, ни небес, ничего. Нет никакой души, которая живет после смерти; вместе с телом умирает все остальное. Ты не более чем твое тело, твоя химия, биология, физиология — ты производная всех этих процессов, собранных вместе. Это похоже на часы, которые продолжают идти, — что не значит, что это душа внутри них двигает стрелки. Разбери часы — и ты не обнаружишь никакой души, а просто определенное соотношение частей. Собери их — и они снова начнут идти.

Карл Маркс сказал: «Сознание — это всего лишь производная, оно не обладает независимым существованием». Когда умирает тело, сознание исчезает. Откуда такое настойчивое отрицание иного мира? Причина проста: до тех пор

пока ты не отречешься от него, ты не сможешь получать удовольствие от этого мира.

Но, пожалуйста, увидь мою точку зрения, которая totally отличается от мнения всех этих людей — религиозных, антирелигиозных, теистов, атеистов. Я не отношусь ни к кому из них. Я утверждаю, что жизнь продолжается, но нет необходимости называть это другим миром. Это тот же самый мир, та же непрерывность.

Ганг берет свое начало в Гималаях, там это всего лишь маленький ручеек. По мере того как он спускается вниз, к нему присоединяются другие ручьи и потоки, и постепенно он становится все больше, и в месте выхода из Гималаев это уже огромная река. Трудно представить, что это тот же самый ручей. Но ты можешь посмотреть на его исток. Индусы установили на том месте голову коровы, сделанную из камня, — корова почитается индусами как мать. И Ганг тонкой струей вытекает из этой головы — настолько он мал, настолько тонок.

Но к моменту, когда Ганг достигает Бенареса, он достигает невероятных размеров. А в месте, где он впадает в океан, недалеко от Калькутты, он сам становится океаническим. Находясь там, невозможно определить, океан это или еще река, — настолько он огромен. Он встречается с океаном, но и после этого он продолжает существовать. Куда он может деться? Да, он больше не река — часть воды испаряется и превращается в облака, часть воды превращается в лед и направляется к Арктике, — но он продолжает жить, ничто не утрачивается.

Потому я не говорю, что нужно от чего-то отречься: от этого мира ради того или от того во имя этого. Не нужно ни от чего отречься.

Нужно жить! Ты должен жить интенсивной полной жизнью, где бы ты ни был, кем бы ты ни был.

И если ты наслаждаешься этим временем, этим пространством, этой данной тебе возможностью во всей ее полноте, твое сознание неизбежно будет двигаться к большим высотам. Ты будешь развиваться, учиться, понимать, становиться более осознанным. Жизнь будет продолжаться. Какую форму

она примет, зависит от твоей осознанности — более высокую или низкую, будет ли она больше тяготеть к страданиям или к блаженству — это зависит от текущего момента. Потому я не говорю, что нужно отвергнуть этот мир.

В каком-то смысле я странный человек, так как я против религий. Индийские религиозные деятели в книгах и статьях выступают против меня, и против меня же в книгах и статьях выступают коммунисты.

Однажды я путешествовал, и со мной в купе ехал президент коммунистической партии Индии С. А. Данге. Его племянник только что опубликовал свою книгу, написанную против меня. Он спросил меня:

— Вы видели книгу моего племянника, где он выступает против вас?

Я ответил:

— Я так увлечен жизнью, что меня не заботит, кто и что про меня пишет. Те, кто пишут обо мне, должно быть, дураки, ведь они тратят на это свое время. Им следовало бы жить! Или, если им так хочется писать, они должны писать о себе. Почему я должен читать эту писанину? Он ваш племянник — вы и читайте. Мне это не интересно.

Он собирался дать мне эту книгу.

Я сказал:

— Выбросьте ее в окно. Против меня написано столько книг — я не собираюсь тратить на них свое время. Просто чтобы вы знали: странно, но против меня пишут как религиозные люди, так и антирелигиозные, коммунисты. Этого никогда не случалось ранее.

Но суть в том, что я пытаюсь дать тебе совершенно новую точку зрения, которая противоречит всей этой старой логике. И то, и другое направление — это партнеры по одной и той же игре, а я пытаюсь разрушить всю эту игру, всю эту логику.

Оба они верят в то, что один мир нужно отвергнуть; какой именно — это другой вопрос. Но в одном они сходятся: что от одного из миров необходимо отречься. Религиозные люди утверждают, что отречься нужно от этого ради того, а коммунисты — что отречься нужно от того ради этого, и в этом единственное различие между ними. Но основа логики

сходна: можно иметь лишь какой-то один мир. А я говорю: почему бы не иметь оба? Я не вижу никаких противоречий, я обладаю каждым из этих миров. И мой опыт показывает, что чем больше ты обладаешь одним миром, тем больше у тебя и другого мира, потому что ты становишься более опытным.

Если рай и существует, ясно одно: ваши монахи не смогут им наслаждаться. Чем они будут наслаждаться? Всю жизнь они осуждали и обличали женщин, а там они встретят прекрасных девушек. Они начнут нервничать, у многих случится сердечный приступ. В этом мире они от всего отрекались: не следует есть с удовольствием, ведь это создает привязанность к пище, а там им предложат самые изысканные блюда — их будет тошнить. Весь образ их жизни был против этого.

Только мои люди смогут в полную силу насладиться раем!

На это не способны ни религиозные люди, ибо они разрушили и искалечили себя, ни коммунисты, ибо они не смогут открыть своих глаз. Они отвергают существование жизни после смерти, потому будут держать глаза закрытыми, чтобы убедиться, что там действительно ничего нет, а иначе вся их жизненная философия окажется неверной. Лучше не открывать глаз — именно это и делают люди, если возникает что-то против их убеждений, если происходит какое-то событие, вызывающее беспокойство. Они просто стараются избегать всего этого. Коммунисты будут идти с закрытыми глазами — они не смогут принять, что Карл Маркс заблуждается и *Das Kapital* — ошибка.

Но с самыми большими проблемами в раю столкнутся верующие люди — им будет трудно на каждом шагу. Кажется, в раю тоже существует разделение. Мусульманский рай по описанию отличается от индуистского, христианского или джайнского — наверное, предполагается, что разные типы людей должны распределяться по разным зонам. В мусульманском раю текут реки вина. Можно пить, сколько угодно: плавать, нырять, растворяться в вине — делать все, что вздумается. Но в этом мире мусульманам к вину нельзя и прикасаться! Это кажется очень нелогичным. В этом мире люди должны тренироваться и готовиться к такому величайшему опыту — иначе они не выдержат и умрут. Сидя на берегу

реки, в которой течет шампанское, они не смогут пить, ведь это противоречит всему их образу жизни — в прошлой жизни они тренировались и обучались совсем другому. Ни в одном писании не упоминается река с обычной водой; в мусульманском раю все реки из вина. Почему? Потому что если доступно вино, к чему беспокоиться о воде? Они или умрут от жажды, или начнут пить через силу. Это будет воистину дилемма для них; многие сойдут с ума — что же это за награда? Это наказание!

Только мои люди будут способны фланировать в любой зоне. В мусульманском раю они не растеряются — они будут наслаждаться. Они приспособятся к любому месту, ведь они не придерживаются какого-то конкретного порядка, фиксированного образа жизни.

И все, чему я учу, — это оставаться гибкими, свободными, доступными, открытыми к новому опыту, к новым исследованиям. Потому мои люди не отправятся в какую-то одну область. Они будут пользоваться всеми зонами и наслаждаться всеми сторонами рая; никто не сможет им помешать.

Ты можешь иметь оба мира — так зачем калечить людей? Преврати эту жизнь в опыт, в обучение, в эксперимент, тогда и после смерти тебе откроется нечто неизведанное, и тебе нужно подготовиться к этому со всех возможных сторон. Не упускай ни одной возможности жить. Кто знает, что за жизнь ждет тебя после смерти?

Я не даю тебе никаких определенных идей — если бы я это делал, я был бы твоим врагом; я сделал бы из тебя неподвижного человека, негибкого, жесткого, мертвого. Будь гибким, и тогда ты сможешь двигаться в любом доступном направлении.

В моем видении нет места отречению.

С санскрита отречение переводится как *санньяса* — идея отречения стала настолько важной, что само слово «санньяса» было отдано под это значение. Но я даю ему новый смысл. Люди, которые называли отречение *санньясой*, подразумевают под этим словом «правильный способ отречения от жизни». Я под *санньясой* понимаю «правильный способ проживания жизни». Слово *санньяса* может означать и первое, и

второе. Если она означает правильный способ жить, тогда зачем калечить людей, отсекал их от собственной жизни, разрушать их естество, их спонтанность? Почему бы не помочь им испытать все, какие только возможно, аспекты и измерения жизни?

Мое видение имеет множество измерений. Перед тобой целая жизнь. Люби ее, проживай ее в полную силу. Это единственный способ правильно подготовиться к смерти.

Тогда ты сможешь прожить во всей полноте также и смерть; и это один из самых прекраснейших опытов. Кроме глубокой медитации, ничто не может сравниться с переживанием опыта смерти.

Поэтому те, кто познали медитацию, познали нечто из смерти — только таким способом можно узнать что-то о ней еще при жизни.

И если я говорю, что в жизни не существует более значительного переживания, чем смерть, я говорю это не потому, что после смерти я вернусь назад, чтобы рассказать тебе, а потому, что я познал: в медитации ты движешься в то же самое измерение — где ты больше не являешься ни психологией, ни биологией, ни химией, ни физиологией. Все это остается позади.

Ты приходишь к своему сокровенному центру, где существует только чистейшая осознанность. И эта чистейшая осознанность останется с тобой после смерти, отнять ее невозможно. Все, что может быть отнято, отпадает само во время медитации.

Так что медитация — это опыт смерти во время жизни.

И это так прекрасно, так неопишимо прекрасно, что относительно смерти можно сказать только одно: это тот же самый опыт, но помноженный на миллионы. Переживание медитации, увеличенное в миллионы раз, и есть переживание смерти.

И когда ты *уходишь*, ты просто оставляешь свою форму позади. Ты абсолютно не затронут и впервые выходишь из заточения физиологии, биологии и психологии.

Стены пали — и ты свободен. Впервые ты можешь раскрыть свои крылья Сушему.

Глава 6

ТРАНСФОРМАЦИЯ,
А НЕ ОТРЕЧЕНИЕ

Действительно ли в Твоем видении абсолютно нет места отречению? Вопрос возник, потому что с тех пор, как я в контакте с Тобой, многие вещи в моей жизни полностью отпали. Я не имею ничего общего даже со своим старым «я».

В моем видении действительно абсолютно нет места отречению. Мне понятен этот вопрос и затруднение спрашивающего. Он не смог провести различие между *отбрасыванием* чего-то и теми вещами, которые *отпадают сами по себе*.

Отречение — это насильственное отбрасывание чего-то. А когда ты делаешь это насильственно, в действительно-сти ничего не отбрасывается. Оно просто погружается в более глубокие слои бессознательного и превращается в еще большую проблему. Теперь оно будет пытаться выйти наружу различными способами — в виде разных обличий и масок, — и ты даже не сможешь его распознать. Но оно будет заявлять о себе, и очень настойчиво. Когда ты заставлял уйти все это в подсознательное, ты наделил его силой.

Когда ты делаешь нечто с усилием, ты наделяешь его силой. Нечто становится крепче и превращается во врага, скрывающегося внутри тебя, в темноте, — там, где ты более всего уязвим. Пока оно находилось в сознании, оно было на свету и ты был менее уязвим по отношению к нему.

Отречение — это подавление. И это верное психологическое определение: *подавление*. Как можно отречься от секса, кроме как с помощью подавления? А подавленный секс становится извращением.

Гораздо легче понять секс, все больше и больше осознавая его и позволяя ему отпасть самому по себе, чем когда он извращен, ведь тогда он принимает неестественные формы. Во-первых, становится трудно распознать, что это именно секс. Человек, слишком жадный до денег... Можешь ли ты предположить, что эта страсть к деньгам имеет нечто общее с подавленным сексом? Это тянется настолько издалека, что необходим Зигмунд Фрейд, чтобы это увидеть. Обычный человек не сможет увидеть связи. Каким образом? Деньги и секс кажутся настолько разными вещами! Но на самом деле они не так далеки друг от друга.

Если ты подавляешь секс, он возвращается в виде амбиций. Он превращается в политику. Политик может полностью забыть о сексе, поскольку вся его сексуальность, его сексуальная энергия полностью трансформируется в политические амбиции. Достигая все более и более высоких постов на иерархической лестнице, он будет получать сходное удовольствие. Чем выше он поднимается, тем больше ощущает некое подобие сексуального удовольствия, чего тебе не понять.

Как-то мне пришлось пожить в доме одного очень богатого человека. Он был холост и абсолютно не интересовался женщинами. Единственный его интерес представляли деньги — дни напролет он работал ради них, но так как я жил в его доме, он заинтересовался и моими идеями. У него был огромный дом, и он жил один; его родители уже умерли. Он не был женат, у него не было детей — одна только прислуга. Мне нравилось это место, поскольку там меня никто не беспокоил — ни дети, ни старики, ни ссоры, ведь жены там не было. Там было по-настоящему тихо; прислуга уходила вечером, и в таком большом доме мы оставались практически вдвоем.

Его не интересовало ничто, кроме денег. Поэтому вечером он закрывался в своей комнате — там не было никого, кроме меня, но он все равно закрывался изнутри — и начи-

нал работать: подсчитывать, сколько он заработал, сколько потерял; сколько денег принес этот бизнес, сколько — тот. И только после этого он ложился спать — иногда в два, иногда в три ночи. Бывало, в это время я вставал, чтобы прогуляться, а он только ложился спать.

Однажды я спросил его:

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, что ты будешь делать с этими деньгами? Ты не расточителен, ты скупец. У тебя нет детей, кому можно было бы оставить все эти деньги. Ты не настолько щедр, чтобы раздать их друзьям или тем, кто нуждается. Ты не участвуешь ни в каких предприятиях. Что ты собираешься с ними делать? Возьмешь с собой в могилу? Какой смысл во всех этих деньгах?

Поскольку смысл денег в том, чтобы их тратить, вся их ценность заключается в том, как их расходуют. У тебя может быть столько же денег, сколько и у меня, но если ты будешь тратить их особым образом, ты будешь богаче меня. Ценность денег измеряется их использованием. Тот, кто умеет тратить деньги, использует их в тысячу раз эффективнее, чем тот, кто не умеет. У него может быть столько же денег — но он беден.

И этот человек тоже был беден. Его деньги лежали в сейфах, в банках, в акциях — но он был беден.

Я сказал ему:

— Кажется, тебе не нужно больше зарабатывать, у тебя уже достаточно денег. Даже если ты проживешь двести лет, их хватит вполне. А с твоим скупым образом жизни их хватит на две тысячи лет. Двести — это если бы ты жил, как я; а так — тебе не истратить их и за две тысячи лет. С этого момента просто из интереса ты мог бы попробовать жить вечно. Почему ты так беспокоишься? Ты не можешь нормально спать, у тебя ни на что не хватает времени — ты когда-нибудь задумывался, каким образом с тобой приключилась эта болезнь, где ты подхватил этот рак?

— Я никогда не думал об этом, но ты прав. У меня достаточно денег, и я мог бы жить... Конечно, я не собираюсь жить две тысячи лет — семидесяти или восьмидесяти вполне хватит. Мой отец умер в семьдесят, его отец тоже умер в семь-

десят, так что и я проживу не больше семидесяти, в крайнем случае — восьмидесяти, лет. Да, в этом есть смысл... Но не скажешь ли ты мне, почему я продолжаю делать все это?

— По одной простой причине: всю свою жизнь ты избегаешь женщин.

— Но какая связь между женщинами и деньгами? — спросил он.

— Это мы обсудим позже. А для начала позволь мне объяснить, почему ты избегаешь женщин.

А причина очень проста. Он наблюдал, как бабушка постоянно изводила, пилила и терзала его деда. Он наблюдал в этой же ситуации своего отца, а также дядю. Все они страдали, и он подумал, что причина их страданий — женщины. С самого детства он стал женоненавистником. А позже он попал под влияние джайнских монахов, так как его отец был очень религиозным человеком. Мужчины, которых изводят жены, становятся религиозными. Кроме религии, для них не остается никакого прибежища. Только она может их утешить: «Не беспокойся, это вопрос всего нескольких лет. В следующей жизни не совершай той же ошибки. И начинай отрекаться уже сейчас. Женщина имеет власть над тобой, только если ты в ней заинтересован сексуально. Она использует твою слабость». И это то, что он слышал от джайнских монахов. В джайнизме секс — это первый объект для отречения, ибо вместе с ним автоматически отпадает множество вещей; над ними уже не нужно работать специально. Секс представляется самой важной проблемой.

Видя, в какой ситуации оказался его дед, отец, дядя, соседи, а потом слушая слова джайнских монахов, глубоко внутри он принял решение, что не собирается устраивать себе такую головную боль.

Я сказал:

— Вот откуда твой интерес к деньгам. Энергии необходим какой-то объект для влюбленности, какой-то выход.

И я продолжил:

— Возможно, это тебя заденет, но я видел, как ты пере-считываешь купюры, и должен сказать, что ты касаешься их в точности так, как если бы ты касался своей возлюбленной.

Шокированный, он взглянул на меня. Мгновение он хранил молчание, а потом сказал:

— Возможно, ты прав. Я действительно испытываю удовольствие, касаясь этих банкнот. Я трогаю их снова и снова. И даже ночью вновь пересчитываю их, хотя накануне уже делал это. Просто прикасаться к ним доставляет мне странное удовольствие — даже если это чужие деньги.

И действительно: иногда он входил в мою комнату, и если на столе лежали какие-то деньги — а это было единственное место, где я их хранил, — первое, что он делал, это брал их и пересчитывал. Я говорил ему:

— Но это глупо. Это не твои деньги, зачем ты их считаешь?

— Я просто получаю удовольствие — не важно, чьи они, — отвечал он.

Ты можешь уловить смысл? Если тебе понравится замужняя женщина, будет ли тебя волновать, чья именно она жена? Это не имеет значения — она красива, и все, поэтому ты и обратил на нее внимание. За кем бы она ни была замужем, это не твое дело. И случай с этим человеком был в точности таким же: деньги есть деньги, в действительности они ничьи. И просто прикасаться к ним, пересчитывать их, играть с ними...

Я сказал ему:

— Если ты хочешь освободиться от этой одержимости деньгами, которая абсолютно идиотична...

Я не против денег, я против одержимости. Одержимый деньгами человек не может ими пользоваться. На самом деле он разрушает деньги, полностью уничтожает их назначение. В любом языке другое название для денег — «поток», и это очень важно. Деньги нуждаются в том, чтобы течь, быть подобными реке, быстро перемещаться. Чем больше их оборот, тем богаче общество.

Если у меня есть стодолларовая купюра и я просто держу ее в кармане при себе, никогда не используя, тогда какая разница — есть она у меня или нет? Я могу держать в кармане любой клочок бумаги, и он будет выполнять то же назначение. Но если я трачу эту банкноту, и она начинает двигаться,

и каждый, кто получает ее, тоже немедленно ее использует, тогда эти сто долларов увеличиваются в сто раз — и именно столько денег теперь в этой комнате.

Скупец в реальности против денег. Он уничтожает саму их суть, так как переключает им возможность двигаться.

Я сказал ему:

— Сделай вот что: начни интересоваться женщинами.

— Что?! — воскликнул он.

— Просто попробуй. Я устрою тебе знакомство с несколькими женщинами.

Ко мне приходили из университета много женщин, профессоров колледжей, — поговорить о медитации и связанных с ней вещах.

— Не беспокойся, — сказал я. — Просто дай понять, какая из них тебе интересна, и я тебя познакомлю. Тобой заинтересуется любая женщина.

— Почему? — спросил он.

— Из-за денег. Они заинтересуются не тобой, а твоими деньгами. Но как только ты сам заинтересуешься женщиной, ты начнешь тратить деньги, ты расслабишься. Энергия, которая прежде была извращенной, потечет в естественное русло. И никто лучше женщины не покончит с твоими деньгами. Нет нужды жить две тысячи лет — деньги кончатся гораздо раньше. И как только ты заинтересуешься женщиной, твоя влюбленность в деньги перейдет в естественное русло.

— Я подумаю над этим, — сказал он.

— Подумай, но не трать слишком много времени. Сейчас тебе почти сорок пять. Когда тебе будет шестьдесят, даже мне будет трудно свести тебя с кем-нибудь. Так что не жди пятнадцать лет. Подумай сегодня вечером, а завтра утром, когда мы увидимся, расскажешь мне.

Он не мог уснуть всю ночь. Снова и снова он думал об этом и постепенно ему стало ясно: «Да, это все из-за женщин. Я постоянно занимаю себя деньгами, чтобы их избежать, ведь если у меня нет ни времени, ни свободного пространства внутри, разве женщина может появиться в моей жизни? И теперь ясно, откуда у меня такая одержимость деньгами — это замена женщины».

Так что будет это жажда денег, или власти, или славы — сексуальность может принимать разные формы, — зависит от конкретного типа человека. Знаешь ли ты, что, хотя поэты постоянно слагают стихи о женщинах, большинство из них держатся от женщин в стороне. Большинство писателей не проявляли интереса к женщинам. Большинство великих художников опасались женщин — и все по одной причине: или ты рисуешь, или ты женишься. Невозможно иметь двух жен — вместе они убьют тебя.

В Индии есть одна древняя притча. Вора поймали с поличным при ограблении дома. Он предстал перед судом, и судья спросил:

— Ты признаешь свою вину?

— Я признаю ее полностью, — ответил он, — но я должен кое-что сказать. Назначьте мне любое наказание, только не заставляйте меня жениться на двух женщинах.

— Я никогда не слышал о подобном наказании, — сказал судья. — Всю свою жизнь я выносил разным людям приговоры, но ни одного из них я не наказывал таким способом.

— В таком случае вы воистину хороший человек. Можете приговорить меня к смертной казни, только не...

— Но я хочу знать, откуда такое условие.

— Именно из-за этого я и попался. Я пробрался в дом человека, у которого были две жены. Одна жила на первом этаже, а другая этажом выше. И обе они дергали мужчину — одна вверх, а другая вниз. Мне стало так любопытно, что я забыл, зачем пришел. Мне было интересно узнать, чем все это кончится, кто в итоге победит. Ясно, что у мужчины не было шансов выиграть — его поколачивали с обеих сторон.

Вот почему меня поймали; а так я ни разу не попадался за всю жизнь — разве ранее вы видели меня в суде? Я прирожденный вор; мой отец был вором, отец моего отца был вором — это наше семейное ремесло. И в нашей семье это первый случай, когда кто-либо попался, мне стыдно. Душа моего отца и душа деда стыдятся за меня. Я мог без труда взять ценности и скрыться, но эта история с двумя женщинами и мужчиной... Собралась толпа, и из-за этого

меня поймали. Кто-то сказал: «Кто этот человек и что он тут делает? Кажется, он не из этой округи!» Поэтому приговорите меня к смерти или к пожизненному заключению — как вам угодно, — но, пожалуйста, не приказывайте мне жениться на двух женщинах.

И в этом же положении оказываются поэты, художники, музыканты, танцоры — любой человек искусства предпочитает не связывать себя с женщиной или вступает в эти связи лишь время от времени, с незнакомками. Он может заинтересоваться какой-нибудь женщиной в поезде, так как это безопасно — на следующей станции он сойдет. Художники, бывало, рассказывали мне, что вступают в связь только с незнакомками, чьих имен они не знают да и не хотят знать. И своих имен они им не называют; они остаются друг для друга незнакомцами.

Этот страх имеет глубокие корни и свою собственную реальность. И возможно, в этом — одна из причин, почему в прошлом женщины никогда не занимались творчеством: они не могли позволить себе жить в одиночестве в обществе, которое было полностью создано мужчинами. Женщина, живущая в одиночестве, подвергается постоянной опасности. Только недавно за всю историю человечества несколько женщин начали делать карьеру в качестве писателей, поэтов, художников. Всего лишь несколько последних лет — и то только в очень прогрессивных, развитых, авангардных регионах — женщины могут жить независимо, как мужчины. Они начинают рисовать, сочинять стихи, музыку.

Женщины обладают всеми возможными талантами, но в течение тысячелетий единственным их творчеством была сексуальность; а когда вся сексуальная энергия расходуется на рождение детей... Можешь ли ты представить женщину, окруженную дюжиной детей, которая сочиняла бы музыку? Эти дети вокруг нее шалят и безобразничают. Сможет ли она сочинять музыку, писать стихи или рисовать? Ты думаешь, эти двенадцать будут сидеть спокойно? Они начнут рисовать раньше нее!

Это кажется странным, но наименьший опыт общения с женщинами имеют поэты. Возможно, именно из-за этого

они и пишут об этом — это извращение. А иначе зачем сочинять о женщинах стихи? Поэтам не хватает реального опыта, они почти монахи. Почему художники продолжают рисовать обнаженных женщин? Почему скульпторы ваяют статуи голых женщин — для чего? Это все извращение — куда более прекрасное, чем накопление денег или уход в политику, — но все же извращение. Они удовлетворяют свои естественные инстинкты неестественным способом. Потому, с одной стороны, они продолжают музицировать, писать стихи и картины, а с другой — ощущают бессмысленность жизни.

Творческие люди больше других страдают от бессмысленности жизни. Это странно: ведь они создают прекрасные стихи, рисуют великолепные картины, и все же жизнь для них не имеет смысла. Она не потеряла смысл для клерка, но *потеряла* для Жан-Поля Сартра, выигравшего Нобелевскую премию! Она не потеряла смысла для школьного учителя, который, должно быть, несчастнейший из людей — тридцать детей против одного бедного парня, — но он не ощущает бессмысленности.

На самом деле жизнь бессмысленна для тех, кто живет неестественно, чья энергия приняла искусственный, произвольный оборот. Такие люди никогда не ощутят смысла, потому что они отдалились от самого источника жизни.

Сходным образом монахи, совершенно не имея никакого опыта с женщинами, рьяно выступают против них. Я спрашивал индуистских, буддистских, джайнских, христианских монахов: «Каков у тебя опыт общения с женщинами? Ты высказываешься против них, но для этого необходим еще больший опыт, чем когда ты выступаешь в чью-то пользу. Так каков твой опыт?» Но никто из них не мог сказать, что располагает каким-то опытом... «Тогда почему ты продолжаешь осуждать их?» — спрашивал я.

Да, у монахов есть единственный опыт взаимодействия с женщинами: женщины постоянно стаскивают их с пьедестала под названием «Я более свят, чем ты». Монахи переносят на женщину свой антагонизм — бессознательно, сами того не понимая, — переносят его на любую встречную женщину. Все женщины — зло, агенты дьявола.

У этих людей нет опыта абсолютно. На самом деле, если они перестанут осуждать женщин, есть опасность, что страсть к женщинам может вернуться — она постоянно стучит в дверь. Им необходимо все время быть занятыми, как можно громче осуждать женщин, чтобы только не слышать этот стук, говорящий, что женщина здесь. Если они прекратят выступать против, они его услышат и не смогут не открыть дверь — а это станет для них провалом.

Я сказал тому другу:

— Просто попробуй — в этом нет вреда. Женщины, что приходят ко мне, не бедны; они не станут просить у тебя денег или дорогих подарков. Я представляю тебя просто как друга, чтобы у тебя была хоть какая-то возможность пообщаться с женщиной.

Следующим утром он сказал:

— Я готов. Возможно, ты прав — и я потеряю интерес к деньгам. Всю ночь я обдумывал, взвешивал, что мне делать. Но в итоге я решил, что так все и есть, я коллекционирую мусор.

Я познакомил его с женщиной, которая спустя шесть месяцев стала его женой, — и я покончил с его карьерой! Он собирался стать богачейшим человеком в городе, но эта женщина начала *тратить* его деньги. Каждый день, встречая меня, он говорил:

— Ты устроил мне проблемы, ее запросам нет конца. И меня больше не интересуют деньги, так что больше я не гонюсь за ними, как сумасшедший. Если они приходят, хорошо, если нет — меня это не беспокоит, но она постоянно их тратит. Двести лет или восемьдесят... Думаю, она покончит со мной около шестидесяти или раньше. Но ты был прав.

Я отвечал:

— Теперь появилась *возможность*. Раньше ее не было. Отказавшись от денег, ты отрекся от того, что не было естественным инстинктом в тебе. Ты отрекся всего лишь от пути извращения — а оно могло принять и другую форму. Ты мог гнаться не за деньгами, а быть вовлеченным в политику, и тогда той же проблемой стала бы власть. Но сейчас ты стоишь

на естественной почве. А любая трансформация способна случиться только с естественным человеческим существом.

Философия отречения состоит в том, что нужно отречься от денег. Но я знаю, что, поскольку деньги — искусственная, созданная человеком вещь, отречение от них никуда не приведет. Эти люди говорят: «Отрекись от дома», но что это даст? Ты начнешь останавливаться в храмах и превратишься в груз для общества. Эти люди говорят тебе: «Перестань зарабатывать сам себе на жизнь» — и ты начинаешь просить милостыню.

В Индии можно встретить множество нищих, но ты никогда не увидишь на их лицах чувства вины из-за того, что они попрошайничают. Я не видел ни разу. Проведя в путешествиях тридцать лет, я не встретил ни одного нищего, который бы считал, что он делает что-то неправильное. Если ты не подаешь ему, ты виновен.

Однажды... Это произошло на вокзале в Кандве, на пересадочной станции. Я приехал из Индоры и дождался отправления поезда в Мумбаи. Я был один в купе и просто смотрел в окно; поезд должен был отправиться через час. Ко мне подошел нищий и сказал, что его мать умерла и ему нужно немного денег для погребальной церемонии. Я дал ему одну рупию.

Он не мог поверить — за всю жизнь ему никто еще не подавал целую рупию. Он глянул на меня. Я сказал:

— Я это сделал сознательно. Твоя мать умерла. Ступай домой и займись делом.

«Должно быть, этот человек сумасшедший или про-стак», — подумал нищий и ушел.

Но через пятнадцать минут он вернулся — уже без пальто — и, притворяясь другим человеком, сказал мне:

— Мой отец очень болен.

— Что ж, бывает, — ответил я и дал ему еще одну рупию. — Пойди и помоги отцу. Несколько минут назад у одного человека умерла мать; твой отец тоже может умереть. Ступай, помоги ему.

Теперь этот человек не мог так просто оставить меня в покое. Через пятнадцать минут он снова вернулся — теперь уже без кепки.

— Что-то с кем-то из семьи? — спросил я.

— Как ты догадался? — спросил он. — Да, моя жена беременна, в любой момент она может родить, а у меня нет ни единого пенни.

— Возьми рупию и поспеши, — сказал я. — Сегодня столько всего случается. У одного человека умерла мать — он носил пальто и кепку. У другого человека отец был при смерти — у него не было пальто, но была кепка. У тебя нет ни пальто, ни кепки, и твоя жена в опасности. Беги!

Через пятнадцать минут он вернулся.

Я спросил:

— Какие-то семейные проблемы?

— Нет, — сказал он. — Я думал, что надуваю тебя, но теперь чувствую себя виноватым.

— Из-за чего? — спросил я. — То были другие люди.

— Нет. Это все был я.

— Не переживай, — ответил я. — Тогда я, должно быть, был другим человеком. Скорее всего, тут сидел кто-то другой — иначе такому невинному человеку, как ты, вряд ли бы все это удалось.

— Это уже слишком, — сказал он. — Возьми свои четыре рупии обратно.

— Нет, это ты возьми еще одну, чтобы тебе не пришлось в следующий раз приходить голым, ведь если ты еще что-нибудь снимешь... И откуда тебе взять еще родственников? С ними будет покончено, они все перемрут!

Я никогда не забуду того, что он сказал. Он ответил:

— Ты первый человек, заставивший меня испытать вину. А так — кто бы нам ни подавал, мы считаем этих людей простакими. Если они ничего не дают нам, мы говорим, что они грешники. Мы никогда не задумываемся о себе.

Ни один нищий не задумывается. Он просто дает тебе возможность быть добродетельным — ты должен чувствовать себя обязанным ему. Он ставит перед тобой лестницу, по

которой ты можешь подняться в рай. Ни один нищий, хотя он и попрошайничает, никогда не чувствует себя ниже тебя.

Ум настолько хитер, что способен принять любое направление и исказить твое простое, естественное существо.

Конечно, никто не хочет попрошайничать, никто не рождается, чтобы просить подаяние. Но сексуальный инстинкт способен принять любую форму — он может превратиться в жадность богатого или в жадность бедного.

Когда я был профессором, один мой студент, обучающийся в аспирантуре философского отделения, всегда приходил в дорогой одежде и выглядел весьма респектабельно. Однажды я выходил из вокзала — я постоянно путешествовал из Джабалпура по всей Индии, двадцать дней в месяц я отсутствовал в городе. Я мог вернуться через три дня на несколько часов — просто чтобы показаться в университете, потому что меня не могли отпускать так надолго и я не мог брать столько выходных — иначе откуда бы я брал деньги?

Итак, это было вступление... Один из моих студентов брал мою машину и парковал ее в том же месте, где обычно это делал я. Машина всегда была припаркована, и это был признак того, что я в университете. Я говорил ему: «Пригоняй машину к двум часам дня, а в четыре можешь уезжать — всего два часа. Все будут думать, что я здесь; это самые насыщенные часы, когда все приходит. И каждый знает, что раньше двух меня не бывает — с двенадцати до двух я сплю, так что проблемы нет».

Поэтому раз в четыре дня я приезжал и уезжал: приезжал утром, а уезжал вечером. И там был один нищий, который постоянно получал от меня одну рупию — каждый раз, когда я приезжал или уезжал, я давал ему рупию. Однажды я просто случайно увидел этого своего студента рядом с тем стариком, как раз за навесом, где была припаркована моя машина. Я подошел ближе: что сын богача может делать рядом с этим нищим? А этот нищий отдавал ему рупии...

Я вышел наружу и подозвал их. Они оба задрожали. Старик сказал:

— Пожалуйста, не говори никому — это мой сын.

— Сколько ты зарабатываешь? — спросил я. — Этот юноша обеспечен лучше всех в университете; должно быть, ты набираешь тридцать, сорок или даже пятьдесят рупий в день?

— Ты прав, — ответил он.

— И сколько же у тебя на счету в банке?

— Теперь я не могу что-либо от тебя скрывать, — сказал он.

У него оказалось пятьдесят тысяч рупий.

— Тогда почему ты нищенствуешь? Ты мог бы заняться каким-нибудь бизнесом.

— Это и есть мой бизнес. И он не требует никаких вложений — где еще в Индии ты заработаешь пятьдесят рупий в день?

— Верно, — ответил я.

— И я оставляю сыну достаточно денег, он сможет прожить богатую жизнь. Я еще проживу сколько-то лет, так что заработаю для него достаточно; даже сейчас он уже хорошо образован. Но, пожалуйста, не говори никому, иначе это может помешать его карьере.

Этот человек просит подаяние и не считает, что в этом есть что-то плохое. Для него это бизнес, не требующий вложений и приносящий хорошие доходы. Все, что нужно делать, — это дурачить людей.

Сексуальный инстинкт может принять множество форм. Он может обернуться жадностью. Он может превратиться в жажду власти. Он может превратиться в тонкую игру эго под названием «Я более свят, чем ты».

Именно этим занимаются монахи; у них нет другого источника удовольствия. Они истязают себя и отрекаются от всего, что ты считаешь удовольствием и радостью.

Тогда что заставляет их стрелки идти, что заставляет их тикать? Откуда они берут энергию? Энергия берется из позиции «Я более свят, чем ты», «Вы все грешники, а мы — единственные, кто не грешен, мы святые». И они с небес будут смотреть на тебя, сторающего в адском огне.

Благодаря отречению ты можешь отбросить секс, отбросить удовольствие от вкусной еды, отречься от одежды, ходить голым, отказаться от всех видов собственности — но

странным образом ты останешься привязанным ко всем этим вещам.

Когда я был в Мумбаи, ко мне пришел вместе со своим учеником один индуистский монах, который хотел узнать, какая именно медитация подошла бы ему.

Я сказал ему:

— Завтра утром встретимся на пляже, где и займемся медитацией. Лучше, если ты придешь туда, так как это вопрос практики.

— Но завтра утром мне будет сложно приехать. Я смогу послезавтра.

— А что за проблема завтра? — спросил я.

— Проблема в том, что мой ученик завтра утром должен сделать некоторую работу, он не может поехать.

— Так пусть он делает свою работу — ему не нужно приходить.

— Ты не понимаешь, — сказал монах, — я отрекся от денег.

— Ты все больше запутываешь меня. Ты отрекся от денег — прекрасно, но какое отношение это имеет к тому мужчине, его завтрашним делам и тому, что ты не можешь прийти в мою медитационную группу?

— Ты что, не понимаешь простых вещей? — сказал он. — Я не могу прикасаться к деньгам, поэтому вместо меня он обращается с ними. А в Мумбаи я должен ехать на такси — кто будет платить? Я не могу касаться денег; я от них отрекся. Все мои деньги у него; он платит за меня, и если кто-то жертвует деньги мне, получает их он. Я полностью вне этого, я не имею ничего общего с деньгами.

— Прекрасное распределение сил! — сказал я. — Ты не имеешь ничего общего с деньгами, но что ты делаешь с этим человеком? Ты отправишься на небеса, а этот человек попадет в ад — он, бедняга, все время служит тебе, следует за тобой везде, но все же попадет в ад. Если ты отрекся от денег, тогда живи без денег, страдай без них. Но к чему посылать его в ад? Ты ответствен за это, и ты отправишься в еще более глубокий ад, чем он!

Люди находят странные способы, не понимая, что они делают. Они просто следуют мертвым догмам, мертвым принципам. Они отрекаются от денег, потому что деньги веками осуждались религиозными людьми. Я сказал:

— Это еще больше усложняет дело. Если бы ты опускал руку в собственный карман, все было бы гораздо проще, но ты опускаешь ее в чужой карман. Это воровство! Чем ты занимаешься? Ты вор-карманник. И ты гораздо более опасный вор, чем кто-либо другой, потому что обычный вор по крайней мере пользуется собственной рукой, а ты, вытаскивая деньги из его кармана, используешь *его* руку. Рука — его, карман — его, а ты полностью вне этого, ты *над* всем этим.

И я сказал ученику:

— Уезжай прямо сейчас, пусть он остается здесь. Я не отпущу его вместе с тобой. Уезжай как можно быстрее и туда, где он не сможет тебя разыскать, ибо этот человек прокладывает для тебя дорогу в ад. И все деньги, что у тебя есть, — твои. Он отрекся от денег и не может на них претендовать.

— Правда? Все деньги? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду, говоря «все»?

— Ну, когда мы едем куда-нибудь, обычно у меня в кармане двести-триста рупий, но в нашем храме их тысячи.

Я сказал:

— Все эти деньги твои, отправляйся за ними. Я задержу его здесь, чтобы ты мог взять деньги и уехать. А если он попытается уехать отсюда, я сдам его полиции, — ведь он отрекся от денег. Он не может даже заявить в полицию, что их у него украли.

— Что? — воскликнул монах. — Я приехал сюда учиться медитации!

— Я учу тебя тому, что такое отречение, — ответил я. — А то, что ты делал до сих пор, — это обман. Ты обманывал себя, этого бедного человека и Бога — обмануты все.

Отрекись от чего-нибудь — и ты привяжешься к этому еще больше, чем был привязан прежде. Твои мысли постоянно будут крутиться вокруг этого.

Древняя притча. Один человек очень хотел постичь тайну чудес. Он столько слышал о том, что в Тибете, среди высочайших вершин Гималаев живут святые, которые могут этому научить, — они владеют всевозможными видами чудес. Так что он постоянно служил различным святым. В Индии их так много — так же как и здесь. Когда я впервые приехал сюда и увидел, сколько тут святых, я подумал, что эти люди не оставят меня в покое.

Этот человек нашел одного очень старого мудреца, которому начал прислуживать: массировать ноги, приносить еду и делать все, что в его силах. Этот мудрец знал — как знал и весь город, — в чем причина такого служения. Старый мудрец говорил ему:

— Я простой человек и не знаю никаких чудес.

— Это верный признак святости, — отвечал человек. — Те, кто кричат об этом, недостойны. Ты тот, кто знает секрет.

— Это непросто, — отвечал святой. — Если я скажу, что знаю, тогда ты скажешь: «Научите», но, уверяю тебя, я не знаю никаких чудес и не думаю, что кто-либо знает, — разве что такие люди, как ты, которые продолжают сочинять мифы о чудесах. Но чудес не существует.

Однако человек не сдавался; день и ночь он прислуживал мудрецу. Однажды ночью, когда старик хотел спать, человек начал делать ему массаж.

Тот сказал:

— Прекрати!

Но человек ответил:

— Я не перестану до тех пор, пока вы мне не расскажете. Если хотите уснуть сегодня ночью, просто расскажите мне секрет, чтобы я мог творить чудеса.

— Хорошо, — ответил старик. — Я расскажу тебе. Он очень прост. Иди домой, прими душ, сядь в позу лотоса и вот тебе тибетская мантра: «*Ом мани падме хум*». Повтори ее пять раз, и утром ты сможешь совершать любые чудеса, какие только пожелаешь.

Услышав это, человек вскочил и выбежал из комнаты.

— Подожди! — крикнул старик. — Ты не дослушал условие.

— Я приду снова утром, — ответил тот.

— Нет, нужно выполнить условие, иначе мантра не работает.

— И что это за условие?

Мудрец ответил:

— Когда будешь повторять мантру, ты не должен думать об обезьянах.

— Не беспокойтесь, — сказал человек. — За всю свою жизнь я ни разу не подумал об обезьянах. Я всегда думаю только о мудрецах и святых, так что это пустяк, а не условие.

Но как только он вышел из храма, он повсюду стал замечать обезьян — они сидели на деревьях, скрывались в кустах...

Он сказал:

— Боже мой! Сегодня вокруг столько обезьян!

Их всегда было много, просто раньше он не отрекался от них, а теперь отрекся. К моменту, когда он подошел с дому, он уже не мог понять, кажется ему это или нет, — толпы обезьян преследовали его, корча рожи. Он сказал:

— Первым делом нужно принять ванну, возможно, это поможет.

Но ничто уже не помогало. Пока он принимал ванну, обезьяны заполнили ванную комнату. Он сел в *падмасану*, закрыл глаза — и вдруг... обезьяны, и не одна, а целая толпа! Он не смог произнести короткую мантру «*Ом мани падме хум*» даже один раз. Обезьяны никуда не исчезали. Он пытался всю ночь: снова ванна, та же позиция, закрытые глаза, но эти обезьяны...

Еще до рассвета он ворвался в храм. Мудрец расхохотался, но человек был очень зол! Он сказал:

— Не время для смеха! Вам смешно?!

— Я всегда говорил тебе, что не знаю никаких чудес, секретов и мантр, но ты не слушал меня, вот мне и пришлось соврать.

— Если вам пришлось соврать, вы по крайней мере могли не упоминать об этих обезьянах!

— Но без обезьян мантра не была бы завершенной. Они побеспокоили тебя?

— Побеспокоили? Вы старый мудрец и я считаю вас своим мастером, иначе я убил бы вас!

Как только ты отрекаешься от чего-то насильственно — а само слово «отречение» означает насилие по отношению к себе, — ты разделяешь себя. Любое отречение создает в тебе состояние шизофрении: одна часть отвергается, а другая приветствуется, — ты расколот надвое.

Все эти религии преступны, потому что создают в человечестве раскол. Ты можешь быть целостными, только если ты естествен.

И я понимаю затруднение спрашивающего. Но его затруднение состоит лишь в том, что он не может провести четкого различия. Да, мои *санньясины* обнаруживают, что многие привычки, которые они долгое время пытались отбросить, исчезают сами по себе. Они даже не прикладывают никаких усилий. В действительности даже если бы они хотели вернуть эти привычки, это было бы невозможно.

Но это не отречение, а *трансформация*. По мере того как ты становишься более осознанным, более естественным, более безмолвным, обретаешь больший мир с самим собой — без всякой борьбы, в глубоком приятии, — ты начинаешь видеть бессмысленность этих привычек и просто больше не можешь продолжать их. Не то чтобы ты перестаешь что-либо делать, наоборот, внезапно, в один день ты замечаешь: что случилось? Какая-то привычка, которая преследовала тебя двадцать четыре часа в сутки, не появляется уже много дней — и все эти дни ты даже не вспоминал о ней.

Среди моих коллег в университете был один профессор, заядлый курильщик. Доктора запрещали ему курить, жена, дети, коллеги — все были против, так как это сжигало его легкие, разрушало здоровье. Врачи сказали: «Если вы не перестанете, медицина не сможет вам помочь. Вставая утром, вы первым делом выкуриваете сигарету, и последняя процедура перед сном — это сигарета, и так постоянно».

Его невозможно было увидеть без сигареты во рту. Когда заканчивалась одна, он прикуривал от нее следующую. Он

никогда не носил зажигалки — в этом не было необходимости; он просто носил полные карманы сигарет. Однажды я сидел в учительской. Так получилось, что один из стульев без всяких усилий с моей стороны с первого же раза закрепился за мной. Я просто пришел и сел на него, так как он был свободен. Постепенно все начали считать, что это мой стул. В учительской не было ничьих личных стульев, любой профессор мог сесть на любой стул. Только этот стул был моим, так как люди побаивались меня, — я не интересовался сплетнями, не интересовался кино, политикой; мне было не важно, кого выберут деканом, кого проректором и прочее. Было совершенно ясно, что я считаю это все дерьмом. Поэтому не только этот стул, а еще два с левой и два с правой стороны были в моем распоряжении. Только изредка кто-то мог подойти и робко спросить: «Могу я здесь сесть?» «Без проблем», — отвечал я.

Как-то раз ко мне подошел этот профессор; его практически трясло. В дрожащей руке он держал сигарету. Я до сих пор помню эту картину: его обожженные пальцы, обожженные губы. Я сказал:

— Да, садитесь. Могу я быть чем-то полезен? Сюда никто не подходит, пока не почувствует во мне какую-то необходимость.

Он ответил:

— Только в одном: я хочу бросить курить. Обо мне беспокоятся врачи, семья, друзья, и все они разгневаны. Не то чтобы я не хочу бросать — я испробовал все возможные способы, — но я не могу жить без сигарет. И это верно, что они меня погубят. Вы могли бы помочь?

— Да, я могу помочь, — ответил я. — Во-первых, скажите всем своим друзьям, врачам, жене, родителям и детям: «Я буду продолжать курить, и хватит уговаривать меня бросить. Я слышал это уже множество раз; если вы не прекратите, я уйду из дома».

Можете переехать ко мне домой. Это сработает, этой угрозы будет достаточно. Скажите им, что никогда не вернетесь домой, если кто-нибудь будет упоминать о сигаретах. И скажите также следующее: «Отныне, если у меня

получится, я буду курить даже во сне», дайте им это понять совершенно четко.

— Но, — сказал он, — как же это поможет мне бросить?

— Не нужно бросать, просто сделайте то, что я сказал. Отбросьте саму идею бросить — это первый шаг. А второй — продолжайте курить, но будьте осознанным.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

Я ответил:

— Когда достаете пачку, вытаскивайте ее из кармана осознанно. Покажите, как вы это делаете.

Он достал пачку сигарет. Я сказал:

— Это неосознанно. Вы не бдительны даже во время такого простого действия. Нужно почувствовать все — как ты опускаешь руку в карман, насколько тяжела пачка, ощутить саму пачку, ее поверхность. Попробуйте прямо сейчас.

Он попробовал:

— Так совсем по-другому.

— Хорошо. А теперь вытащите сигарету — не как обычно. Будьте бдительны. Постучите ею по пачке — не как вы это делаете всегда, а осознанно. Если обычно вы постукиваете три раза, постучите шесть — это не повредит, но сделайте это осознанно. Положите сигарету в рот, подождите немного, не торопитесь. И носите теперь с собой зажигалку. Сделайте еще паузу, будьте бдительны; и сделайте то же самое с зажигалкой. Зажгите сигарету, продолжайте все осознавать. Начните курить. Вдохните дым; почувствуйте, как он входит вовнутрь, как выходит наружу — осознавайте это. Это то, что делал Будда, — только он делал это без сигарет. Он проделывал это с чистым воздухом. А вы современный человек — вы проделываете это с грязным воздухом; но это не повредит, осознанность остается той же. Не важно, совершаешь ли это со свежим утренним воздухом или грязным сигаретным дымом.

И какая разница — умрешь ты двумя годами раньше или двумя годами позже? Что ты будешь делать, если твоя жизнь продлится на два года больше? Ты выкуришь еще больше сигарет, а эти люди еще больше будут донимать тебя, — так что не переживай, забудь об этом. Нет необходимости бро-

сать курить — нужно с полным вниманием осознать, что происходит.

Это был по-настоящему очень разумный человек, так как всего лишь через двадцать четыре часа он доложил мне:

— Я чувствую себя полностью по-другому. И я могу делать то же самое просто с дыханием.

Я ответил:

— Это неплохо. Попробуйте просто с дыханием. Можете не использовать сигарет, но всегда носите их с собой. И как только вы почувствуете беспокойство, вытащите одну из них — но по-новому, новым способом.

В течение семи дней этот человек делал *випассану* с дыханием.

— Вы выбросили сигареты? — спросил я.

— Нет, они отпали сами по себе, — ответил он. — И эта осознанность помогла мне не только бросить курить, но и почувствовать многие другие вещи, которых я раньше не осознавал.

Медитирующий человек заметит, что его привычки отпадают сами по себе, но это не он их отбрасывает. Я повторю категорически: *в моем понимании религиозности нет места отречению*. Но это не означает, что ты останешься прежним.

Я даю тебе потенциальный метод трансформации, который освободит тебя от всего бессмысленного, ненужного, глупого; всего, что является лишь твоим *реагированием*, что ты делал просто по привычке или из желания отомстить и сделать наоборот.

Да, в тебе родится совершенно новый человек, который поймет, что не имеет никакого отношения к себе-прошлому, — и это естественно, потому что прошлый ты — это не что иное, как клубок старых привычек, потерянный где-то по дороге. И ты даже не можешь вспомнить, где именно ты его потерял.

А твоя новая суть постоянно оттачивается, очищается и обновляется твоей осознанностью.

Я хочу научить тебя только одному — осознанности. Она освободит тебя от всех твоих проблем. Но если осознанность

в тебе отсутствует, тогда, что бы ты ни делал, это создаст только еще большие проблемы и ты все больше и больше будешь отдаляться от собственного естества; эти проблемы будет очень трудно решить, потому что они надуманные.

Но даже если тебе удастся разрешить их, это не сыграет никакой роли; твое извращение начнет двигаться в другом направлении, примет другую форму. Возможно, теперь оно войдет через другую дверь — ибо в твоём доме множество дверей, и о многих из них ты даже не подозреваешь.

Но благодаря свету, благодаря пламени осознанности ты впервые узнаешь свой дом — со всеми его дверями, со всеми его окнами. И как только твой дом озарится светом, я больше не скажу: «Делай то, не делай этого». В этом не будет необходимости; ты сам будешь поступать только правильно.

Люди постоянно спрашивают меня: «Что правильно, а что неправильно?» Мой ответ таков: правильно все, что исходит из осознанности. А что происходит без осознанности, не правильно. Поступки не могут быть правильными или неправильными — верным или неверным может быть только источник, из которого они исходят.

Глава 7

ЕСТЕСТВЕННО ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ

Почему все религии используют подавление в качестве основной стратегии?

Религия проходила в своем развитии через несколько фаз. Первой фазой была магия, и она жива до сих пор. Племена американских индейцев все еще находятся на первой стадии развития религии; в Южной Африке, среди аборигенов Индии религия состоит из магических ритуалов жертвоприношений богу. И это — своеобразный подкуп бога, с той целью, чтобы он защищал и помогал. Так что все, что у тебя есть самого дорогого, — пищу, одежду, украшения — все, что ты считаешь ценным, — нужно преподнести богу.

Конечно, нет никакого бога, который получал бы все эти вещи; их получает жрец — он посредник, и прибыль переходит к нему. И удивительно, но эта религия магических ритуалов владеет человеческим сознанием на протяжении по меньшей мере десяти тысяч лет.

Было уже столько примеров несостоятельности магии — в девяноста девяти процентах случаев она не работает. Например, если долгое время нет дождя, люди проделывают ритуал жертвоприношения и верят, что теперь Бог чувствует себя счастливым и скоро пойдет дождь. И иногда дождь действительно идет — но не только для тех людей, которые проделали ритуал и восхваляли Бога. Он проливается даже на их врагов. Этот дождь не имеет никакого отношения к ритуалу, но он становится доказательством того, что ритуал эффективен.

В девяноста девяти процентах случаев ритуал не дает эффекта, и так и должно быть, поскольку он не имеет никакой связи с погодой. Нет никакого научного обоснования причинно-следственной связи между ритуалами, церемониями огня, мантрами и облаками с дождем. Священник определенно более хитер, чем те люди, которых он эксплуатирует; он прекрасно понимает, что происходит на самом деле.

Священники никогда не верят в Бога — запомни это. Они не могут в него верить, но они притворяются, что верят больше, чем кто-либо. Они обязаны это делать, ведь это их профессия. Чем сильнее их вера, тем больше облаков они смогут вызвать, вот они и притворяются. Но я никогда не встречал священника, который бы верил в то, что Бог существует. Как он может в это верить? Ежедневно он видит, что это всего лишь случайность, что дождь приходит изредка и ритуал лишь иногда дает эффект. В девяноста девяти случаях из ста он не работает. Но для бедных людей у него есть объяснения: «Ты неверно совершал ритуал; во время совершения обряда твои мысли не были полностью чисты». Но у кого сейчас чистые мысли? И что означает чистота мысли? Ведь это естественно... Например, при совершении джайнского ритуала люди должны голодать. И вот, пока они проделывают свой ритуал, они думают о еде — и эта мысль нечиста. Голодный человек думает о еде — не вижу в этом никакой нечистоты. Это абсолютно правильная мысль. В действительности, участвуя в такой момент в ритуале, он совершает неправильное действие — ему следовало бы отправиться в ресторан!

Но у священника есть очень простое объяснение, почему ритуал не сработал: «Бог никогда не обманывает, он всегда готов защитить тебя. Он тот, кто создает, поддерживает и снабжает всем необходимым; он никогда не позволит тебе упасть. Это ты обманываешь его во время молитвы или ритуала: ты полон нечестивых мыслей!» И люди понимают, что священник прав, — они думали о еде или о проходящей мимо красивой женщине; внезапно промелькнула мысль, что она красива, возникло желание ею обладать... Человек

отбросил эти мысли, но было уже слишком поздно — он уже подумал об этом.

Каждый знает, что его мысли нечисты. Но я не вижу в этом ничего нечистого. Если прекрасная женщина подойдет к зеркалу, зеркало отразит ее красоту. Разве зеркало нечисто? Твой ум — это зеркало, он просто *отражает*. Он осознает все, что происходит вокруг него. Он констатирует факты, постоянно все комментирует. Если ты понаблюдаешь, то будешь удивлен — тебе не удастся найти лучшего комментатора.

Ум говорит тебе, что эта женщина красива; и если ты испытываешь желание прикоснуться к красоте, я не вижу в этом ничего плохого. Если бы тебя тянуло к чему-то уродливому, тогда что-то было бы не так, тогда ты был бы болен. Красота должна цениться. Когда ты видишь прекрасную картину, тебе хочется ею обладать. Каждый раз, когда ты сталкиваешься с чем-то прекрасным, как тень проскальзывает мысль: «Это должно быть моим...» И это совершенно естественные мысли.

Но священник скажет: «Дождь не пошел из-за твоих нечистых мыслей», и ты будешь абсолютно беззащитен перед этим. Ты знаешь, что это так, — и тебе стыдно. Ведь Бог никогда не ошибается.

Но когда дожди приходят, эти нечистые мысли так же мелькают у тебя в голове... ты был в точности тем же человеком. Если ты был голоден, ты думал о еде; если тебе хотелось пить, ты думал о воде. К тебе в голову приходили те же мысли, но дождь пошел, и это уже никого не волнует. Священник начинает тебя восхвалять — твой великий аскетизм, твою глубокую молитву: «Бог услышал тебя». И твое эго в этот момент чувствует себя настолько польщенным, что ты не задаешь вопрос: «А что насчет нечистых мыслей?» Кто захочет вспоминать о них, когда ты одержал победу и Бог тебя услышал? Но в девяноста девяти случаях никто тебя не слышит; небо остается безоблачным, ответ не приходит. Однако магические религии по-прежнему продолжают существовать.

Магическая религия — самая примитивная из всех, но ее отголоски перешли и во вторую фазу; четкой границы

не существует. Вторая фаза — это псевдорелигии: индуизм, христианство, мусульманство, иудаизм, джайнизм, буддизм, сикхизм — около трехсот «измов». Все это псевдорелигии, но они продвинулись немного дальше магической религии.

Магическая религия использует один лишь ритуал; она упрашивает Бога помочь тебе. На страну напал враг, дождь не выпадает или, наоборот, дождей слишком много; реки вышли из берегов и урожаи под угрозой. Каждый раз, когда ты сталкиваешься с подобными трудностями, ты просишь Бога помочь. Но эта религия не является для тебя дисциплиной, именно потому магические религии не содержат подавления; они не имеют связи с твоей трансформацией, твоим изменением.

Псевдорелигии перемещают твое внимание с Бога на тебя самого. Бог продолжает оставаться в центре, но отодвигается от тебя далеко. Для человека магической религии бог находится очень близко; с ним можно разговаривать, его можно убеждать. Псевдорелигии продолжают исповедовать идею Бога, но теперь он находится далеко — очень, очень далеко. И единственный способ достичь его — это не совершить ритуал, а произвести значительные перемены в стиле твоей жизни. Эти религии начинают отливать тебя в форму, менять.

Магические религии оставляют людей такими, какие они есть, потому эти люди более естественные, менее лицемерные, но и более примитивные, неискушенные, некультурные. Люди, принадлежащие псевдорелигиям, более изоциренны, более образованны и имеют более высокий уровень культуры. Для них религия — это не просто ритуал, а философия всей жизни.

Твой вопрос относится именно к этому периоду — ко второй фазе. Ты спрашиваешь: *почему все религии в качестве базовой стратегии используют подавление?* Для чего? Чрезвычайно важно понять феномен подавления, поскольку во всем остальном религии крайне расходятся друг с другом, во всех остальных аспектах они полностью противоречат друг другу.

Ни в чем, кроме идеи подавления, две разные религии не сойдутся друг с другом. Поэтому кажется, что подавле-

ние — мощнейший инструмент в их руках. Как же они с ним обращаются? Подавление — это механизм порабощения человека, погружения его в физиологическое и психологическое рабство.

Еще задолго до открытия явления подавления Зигмундом Фрейдом религии успешно использовали его на протяжении целых пяти тысяч лет. Метод прост, и он заключается в том, чтобы настроить тебя против самого себя, — и после можно творить чудеса.

Как только ты оборачиваешься против самого себя, происходит множество вещей.

Во-первых, ты становишься слабым. Ты никогда больше не будешь тем сильным человеком, каким был до этого. Раньше ты был единым; теперь тебя даже не двое, а целое множество. Раньше ты был целостным существом, а теперь ты — толпа. С одной стороны, в тебе звучит голос твоего отца, с другой — голос матери, и они продолжают сражаться друг с другом, хотя их обоих может уже не быть в живых. Все учителя, все священники имеют свои апартаменты внутри тебя; все монахи, доброжелатели, моралисты плотно в тебе обосновались.

Все, кто произвел на тебя впечатление, стали частью тебя. И теперь ты — это множество людей — мертвых, живых, вымышленных, о которых ты прочел в книгах, священных писаниях и которые являются не более чем религиозной выдумкой. Если ты заглянешь внутрь себя, то увидишь, что сам затерялся в этой огромной толпе. Ты не сможешь понять, кто же среди всех этих людей *ты*? Каково твое истинное лицо? Все эти люди притворяются тобой, у них у всех такие же лица, и они постоянно друг с другом ссорятся. Ты превратился в поле брани.

Сила, присущая отдельному индивидууму, потеряна. Твой дом против твоей воли был поделен на части, и ты, не будучи целостным, не способен ничего предпринять: одни части за, другие против, а третьи безразличны. Если ты решишься на какой-то поступок, то те, что были против, начнут непрерывно говорить, что ты поступил плохо; они заставят тебя чувствовать себя виноватым. Те, что сохранили нейтраль-

тет, прикинутся святыми и назовут тебя ничтожеством — поскольку ты слушаешь тех, кто ничего не понимает.

Так что в любом случае — совершил ты что-то или нет — тебя осудят. Ты будешь находиться в постоянной дилемме. Куда бы ты ни двинулся, тебя ждет поражение, так как большая часть твоего существа всегда будет против тебя. Ты всегда будешь делать что-то с наименьшей поддержкой. Это определенно означает, что большинство захочет взять реванш — и оно его возьмет. Оно скажет тебе: «Если ты не сделал это, ты должен был сделать то. Если ты не выбрал то, нужно было выбирать это, — но ты глупец, ты не хочешь слушать. Теперь страдай и рви на себе волосы!» Но проблема в том, что, если ты не целостен, ты ничего не сможешь сделать и никто не упустит возможности осудить тебя и сказать, что ты глуп и неразумен.

Так что, во-первых, псевдорелигии разрушили единство, целостность и силу человека. И это первое, что необходимо сделать, если ты хочешь поработить людей, — ведь сильного человека поработить невозможно. И это очень тонкий вид рабства — психологическое, духовное рабство. Нет необходимости надевать наручники, сковывать человека цепями или сажать за решетку — псевдорелигии изобрели гораздо более действенный способ. И они начинают обрабатывать тебя прямо с самого рождения; они не упускают ни минуты.

В индуизме брамин берет шефство над ребенком с момента его рождения; и первое, что он делает, — это составляет карту рождения. И далее он сопровождает его на протяжении всей жизни. В каждом ответственном событии главным является брамин: он принимает решение насчет женитьбы, участвует в церемонии похорон. После смерти брамин — главный гость семьи — в индуизме на третий день после смерти устраивается пиршество, на котором собираются все брамины, родственники и друзья, чтобы упокоить душу ушедшего. Священник хватает тебя за шею с самого рождения и не отпускает, даже когда ты мертв.

В индуизме ежегодно проводится определенный фестиваль с церемонией молитвы за мертвых: ты молишься за своего отца, деда, за всех, кто тем или иным образом предшествовал тебе, — целая цепочка поколений. В каждой орто-

доксальной индуистской семье можно увидеть фамильное дерево — карту поколений.

Одна такая была и у меня дома, но я сжег ее. Мой отец был очень разгневан. Я сказал:

— Но когда-то ты полностью сжег этих людей — и никто не злился, а я сжег всего лишь карту. Какой смысл держать ее здесь, на стене?

— Но чем она тебе мешала?

— Тем, что мне ежедневно приходилось думать об этих людях. Я прохожу через эту комнату два-три раза в день и вижу это дерево поколений!

Так как отец ничего не мог поделаться, он вновь принялся записывать все, что помнил. Когда он приехал в Пуну, чтобы жить со мной, он сказал:

— Я помню не так много — ты уничтожил все дерево; я вспомнил только своего отца и отца его отца — всего четыре поколения.

— Этого достаточно; даже слишком, — сказал я. — Что ты намерен делать с этими людьми и их именами? Если хочешь, я могу нарисовать дерево и написать любые имена — это будет то же самое.

Но он взмолился:

— Прошу тебя, не уничтожай эту карту — хотя бы эти четыре поколения. Ты — пятое поколение; также здесь мои братья, их дети, дети их детей и мои сестры с их детьми.

Он снова принялся составлять это дерево.

— Ты тратишь время понапрасну, — сказал я ему. — Когда-нибудь эта карта перейдет мне, и я сожгу ее. Так какой смысл ее делать?

Но брамины используют эти карты. Если ты приедешь в Аллахабад или Бенарес, где живут семьи браминов, ты можешь прийти в ту же семью, в которой бывал твой отец. В своих книгах они ведут учет, что твой отец был там-то и тогда-то, совершил такое-то жертвоприношение, такой-то ритуал и что отец твоего отца тоже был там. У них есть записи целых поколений, потому что на протяжении веков люди из одной семьи приходят сюда. И теперь ты вписываешь свое имя и становишься частью этого. Они могут пока-

зять тебе список длиной в тысячи лет, так как их семья всегда занималась этой работой. И тебя охватывает истинный трепет при мысли, что столько людей из твоей семьи приходили сюда — ты не единственный.

Целый поток твоих предков был здесь, и эта семья браминов хранит всю информацию в качестве священников этих людей. И они записывают все в преувеличенном виде — именно так они эксплуатируют тебя: отец твоего отца пожертвовал десять тысяч рупий — и эти деньги уходят семье браминов, — а его отец пожертвовал двадцать тысяч. А у тебя нет никаких записей, ты не располагаешь никакой информацией, и ты будешь чувствовать себя нищим, если ничего не дашь. Ты должен отдать хотя бы десять тысяч рупий — как твой дед, — тебе будет стыдно, если ты не поддержишь честь своей семьи. Но сколько бы ты ни дал, не беспокойся, — для твоих детей эта сумма будет увеличена в несколько раз, потому что они тоже сюда придут.

У этих людей ты можешь найти все свое генеалогическое древо. Мой отец не мог поступить так, потому что джайны не ходят к браминам в Аллахабад или Бенарес. Только для совершения определенных ритуалов, например при смерти отца, они отправляются к ним, чтобы те перенесли его пепел в Ганг. Ты отправляешься в семью, которая занимается этим на протяжении поколений, тысячи лет подряд заботясь о пепле твоих предшественников. Эта семья позаботится и о тебе — они положат тебя в лодку и на середине Ганга совершат полный ритуал, после чего развеют пепел над водой. Но джайны не верят в Ганг и подобные ритуалы, так что мой отец потерял этот шанс, он не смог найти концов. Джайны должны или сами создавать свои семейные древа, или идти к браминам, таким образом в определенных вещах они зависят от браминов. Хотя джайнизм — враждебная индуизму религия и в основном выступает против браминов, джайнам в конце концов приходится идти на компромисс, так как существует тысяча и одна вещь, которые они не могут совершить без браминов.

Кто составит карту рождения? Джайны понятия не имеют об астрономии, астрологии, хиромантии, потому что конеч-

ном счете им приходится договариваться об этом. Когда намечается свадьба, кто проведет обряд венчания? Брамин. Нужно прочесть мантры, и это тоже сделает брамин. Если кто-то умрет, кто будет читать мантры во время церемонии сожжения? Это должен сделать брамин.

В итоге весь бунт сошел на нет, и джайнизм превратился в субкасту, в субрелигию, в ветвь индуизма, — но идеологически эти две религии являются врагами. Глубоко внутри джайны считают себя выше и просто нанимают браминов для совершения определенной работы — так же, как нанимают других рабочих. А брамины считают выше себя: «Без нас ты не можешь ни родиться, ни даже умереть».

Псевдорелигии создают в тебе хаос — и он играет важнейшую роль.

Политик, адвокат и священник — три старых друга, каждому уже перевалило за семьдесят — любили ходить на утреннюю прогулку в парк, где усаживались на скамейку и сплетничали о старых добрых временах, в чем только они и могли знать толк. Иногда возникали споры и целые дискуссии. Как-то утром они разговорились о том, чья профессия самая древняя.

Адвокат сказал:

— Нет никаких сомнений в том, что моя профессия возникла в мире первой, ибо люди всегда боролись друг с другом и требовался тот, кто выступил бы в качестве посредника, провел переговоры, установил справедливость и был беспристрастным к обеим сторонам. Поэтому, естественно, моя профессия возникла первой.

— А знаешь ли ты, — сказал священник, — кто начинал борьбу? Зачем им было бы воевать без священника? Именно священник закладывает основы идей и создает противостояние в умах людей. И как только они увлекаются и ухватывают какую-то идею, они готовы бороться, — а иначе зачем им это?

Политик рассмеялся:

— В каком-то смысле вы оба правы, но вы не видите реального положения дел. Почему люди принимают ваши

идеи, философии, теологии? Благодаря нам. Мы культивируем стремление к власти. Безусловно, верная идеология приведет вас к успеху, но мы формируем саму идею успеха, идею власти, стремления к цели, достижения чего бы то ни было, достижения победы.

Только если в тебе присутствует жажда власти, ты начинаешь интересоваться «правильной» философией, «правильной» теологией, «правильной» религией, чтобы достичь цели. И всегда находится множество тех, кто скажет: «Правы мы — куда ты идешь?» А все религии именно так и говорят: «Кроме нас все неправы».

Псевдорелигии разрушают человека, его целостность. Они разрушают общество, создавая огромное количество фальшивых идеологий. Если ты вникнешь в эти идеологии и теологии поглубже, то удивись. Ты рассмеешься: «Разве возможно, чтобы великие мыслители занимались такими вещами?» В Средние века величайший теолог Фома Аквинский — возможно, самый значительный из христианских богословов — был чрезвычайно озадачен вопросом, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы. Ангелы не имеют веса — у них нет физических тел — и все же должен же быть какой-то предел... Так сколько их там поместится? Фома Аквинский посвятил множество страниц размышлениям о том, сколько ангелов смогут устоять на конце иглы. И он был не единственным. Все Средние века люди ломали головы над этим вопросом. Это была великая, не терпящая отлагательства религиозная проблема. Не понимаю, какая в этом может быть важность? Возможно, они думали, что после смерти сами могут стать ангелами и им придется стоять на кончике иглы или булавки... В чем тут проблема? Но таково положение дел с любой теологией.

Махавира верил в семь небес и семь адов. Когда Гаутама Будда начал путешествовать по миру, учить и вдохновлять людей, он был уже стар. Все люди слышали идеи Махавиры, и они спрашивали у Будды: «Махавира говорит так-то и так-то, а что скажешь ты?» Кто-то спросил Будду: «Махавира

говорит, что существует семь небес и семь адов. Что ты скажешь об этом?»

Будда отвечал: «Он ничего не знает. Существует семьдесят семь небес и семьдесят семь адов». И это невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Кому ты поверишь — зависит от тебя.

Тот же вопрос был задан и Аджиту Кешкамбалу, который был даже моложе Будды и только вступал на поле полемики. Он сказал: «Эти люди совершенно правы. В отношении семи Махавира прав, в отношении семидесяти семи Будда также прав, но на самом деле существует семьсот семьдесят семь небес и семьсот семьдесят семь адов — я лично исследовал их все. Эти бедняги не ошибаются в том, что они исследовали, но если они настаивают, что это предел и они дошли до самого конца, тогда они неправы! Если они утверждают, что это всего лишь предел, которого они достигли, тогда нет проблем».

Аджит Кешкамбал был человеком с поистине невероятным чувством юмора; он просто шутил. Но что делал Будда? Он казался серьезным — однако я считаю, что он тоже шутил. Что делал Махавира? Он был даже еще более серьезен, но относиться серьезно к таким вопросам... Никаких доказательств предоставить невозможно, но можно создать в людях конфликт. И тогда часть людей стала джайнами, часть — буддистами, а некоторые последовали за Аджитом Кешкамбалом; но поскольку он обладал величайшим чувством юмора, его религия перестала существовать — люди хотели чего-то серьезного и быстро обнаружили, что он не был серьезен.

Разве ты можешь поверить несерьезному человеку? Но на самом деле я считаю, что Аджит Кешкамбал — самый искренний из всех троих. Он всего лишь делает весь этот религиозный бизнес посмешищем. Он говорит: «Освободитесь от этого бреда! Какое вам дело до всего этого?»

Псевдорелигии создают хаос в отдельных людях, создают хаос в обществах и эксплуатируют и тех, и других.

Если приходят мусульмане, индусы начинают объединяться, христиане начинают объединяться. Это так же, как в случае России и Америки, — никто не хочет прекратить создавать ядерное оружие, хотя обе стороны продолжают

говорить о мире. Никто не хочет, чтобы развязалась третья мировая война, ибо все понимают, что это будет конец всему. Если она случится, это будет самая глупая из войн, ведь война имеет смысл только в том случае, если одна сторона побеждает, а другая проигрывает. Но в третьей мировой никто не выиграет и никто не проиграет — погибнут все. Не останется никого, кто бы провозгласил: «Мы победили!»

Тем не менее обе стороны продолжают направлять свои ресурсы на ядерное вооружение — они боятся, что другой делает то же самое. Другой — такой же человек, как и ты; ты делаешь что-то, поэтому и он должен это делать. И где этому конец?

То же самое произошло и с религиями. Неосознанно они подпитывают друг друга. Индусы объединились против мусульман; христиане объединились против иудеев, иудеи — против христиан; весь мир превратился в поле брани. Человек — это внутренняя арена сражения, а мир — внешняя. И добиться этого помогла стратегия подавления.

Каким образом с помощью подавления удалось совершить эти и многие другие вещи? Подавление означает следующее: твое естество — это твой враг; ты должен бороться с ним, должен его убить, уничтожить, подняться выше него — только тогда ты свят.

Но ведь это невозможно. Никто никогда не способен подняться выше собственной природы. Где бы ты ни находился, ты находишься внутри нее. Да, ты можешь себя искалечить, можешь обрубить себе ноги и руки, укоротив их до размеров, предписанных священными писаниями; ты можешь мучить себя и страдать столько, сколько захочешь, но ты не сможешь выйти за пределы природы. Природа — это все, что существует; нет никакого «за пределами». «За пределами» — это внутри природы, не вне ее.

Так что те, кто борются против природы, никогда не выйдут за ее пределы. И постоянные поражения заставляют этих людей страдать, делают психологически неустойчивыми, больными.

Все эти вещи работают на священника, который тебя эксплуатирует. Его профессия заключается в том, чтобы тебе

помогать, но прежде он должен поставить тебя в такое положение, в котором ты будешь в этой помощи нуждаться.

В Индии я пересекался со многими психологами и психиатрами, обучавшимися на Западе и принадлежащими школам Фрейда, Юнга, Адлера и Ассаджиоли. Все они имели общее свойство: они были против меня. Я говорил им: «Вы видите, в чем тут дело? Вы все являетесь противниками друг друга, но сходитесь в одном — вы все против меня. Почему? Потому что я могу лишить вас вашей работы». А если лишить работы последователя Фрейда, он будет страдать так же, как и последователь Адлера, как и последователь Юнга.

Я могу помочь человеку снова стать целостным — но не с помощью какой-то психотерапии, поскольку считаю, что эти проблемы только создают еще большие проблемы. Психолог находит проблему, а потом предлагает решение. А создать проблему ничего не стоит. Ты удивисься, насколько это просто...

Один из моих профессоров — я изучал психологию, а он был очень известным психологом... Однажды я заявил ему:

— Все проблемы, с которыми имеют дело психологи, ими же и созданы.

— Ты должен это доказать, — сказал он.

— Вызов принят.

И на следующий день я доказал это. Я пошел к его жене, которая была очень ко мне расположена — да он и сам любил меня, — и сказал ей:

— Окажите мне одну услугу, только один раз.

— Какую именно? Скажи. Если я смогу, я сделаю.

— Сделай вот что: утром, когда твой муж проснется, скажи ему: «Что случилось? Ты бледен. Ты не спал? У тебя красные глаза»; потрогай его лоб: «Ты заболел?» Он непременно что-нибудь ответит, и что бы это ни было, запиши это на листке бумаги — в точности то, что он скажет. Позже я заберу этот листок.

Она спросила:

— Но что все это значит?

— К вечеру я расскажу тебе, а пока просто запомни и завтра утром сделай это для меня.

— Хорошо, — сказала она, — я сделаю. Считаю, что это уже сделано.

Неподалеку жил университетский почтмейстер. Это был очень старый и очень славный человек; иногда я приходил к нему и мы беседовали о его саде. Он увлекался цветами, но никто не приходил похвалить его сад — я был единственным, — так что он был очень рад видеть меня.

Я сказал:

— Сегодня ты должен кое-что сделать для меня.

— Все что угодно! — ответил он.

— Когда профессор Мехта выйдет из дома, чтобы идти в университет, встань возле забора и скажи: «Что случилось? Вы похожи на призрака! У вас ноги дрожат».

— С ним что-то не так?

— С ним все в порядке. Но ты должен стоять здесь и всем своим видом показывать, что говоришь именно то, что думаешь. И что бы он ни ответил, запиши его слова, позже я их заберу.

Профессор Мехта обычно ходил от дома до университета пешком; дорога была прекрасной, расстояние не более мили, так что он заодно совершал прогулку. По обе стороны дороги располагались сады и профессорские дома — это был профессорский городок. Я подговорил нескольких людей, в основном жен и маленьких детей — в ком я был уверен. И все они были очень счастливы, они говорили: «Мы делаем это».

И напоследок... В том месте, где профессор Мехта входил в университет, обычно сидел посыльный. Я сказал ему:

— Дхаянанда, я никогда ни о чем тебя не просил...

— Верно, — ответил он. — Все меня донимают: «Дхаянанда, принеси то, Дхаянанда, принеси это». Профессора, студенты — все меня мучают. Это правда, что один только вы... За эти два года вы не попросили у меня и стакана воды. Я удивлялся... Это такая редкость. Что бы это ни было, я это выполняю.

Я сказал:

— Тебе нужно сделать следующее: когда профессор Мехта придет сюда, просто встань и поддержи его со словами: «Вы сейчас упадете. Вы весь дрожите. Что случилось?»

Он спросил:

— Но это правда?

— Нет, это неправда, но ты должен притвориться.

— Хорошо. Вы никогда не просили меня ни о чем — я сделаю все возможное.

На следующий день я собрал все эти записи, так как я просто следовал за профессором по пятам. Он шел впереди, а я сзади — собирая листки. И Дхаянанда совершил поистине великую работу. Он так потрянул профессора, что тот упал! Мне пришлось подхватить его, и вдвоем мы внесли его вовнутрь.

Он сказал:

— Я не могу даже сидеть, положите меня на скамейку.

Мы положили его. Я побежал и принес подушку и одеяло, поскольку профессор был весь в поту и дрожал.

Я спросил его:

— Что произошло?

— Кажется, я заболел какой-то странной болезнью. Вчера вечером я лег спать и все было хорошо, но сейчас у меня так болит голова, как никогда раньше не болела, и все тело дрожит. Пожалуйста, позови врача. Если бы не Дхаянанда, я бы упал и сломал ногу.

Но именно благодаря Дхаянанде он чуть не упал. Дхаянанда был необразованным человеком, и он все делал по-настоящему!

Я позвал врача, которому объяснил: «Ты должен быть очень серьезным. Там ничего страшного, это просто касается принятого мною вызова; поэтому сделай мне одолжение — будь очень серьезным».

И он действительно был очень серьезен; он проверил то, это, и в конце концов сказал:

— Мистер Мехта, вам необходимо не менее трех месяцев сохранять полнейший покой.

— Три месяца полного покоя! Но что случилось?

— Я не могу вам сказать, я скажу об этом вашей жене.

— Тогда отвезите меня домой на вашей машине, потому что я не смогу пройти сам целую милю...

Каждый день он проходил это расстояние — туда и обратно, потому что любил гулять и наслаждался ходьбой, но сейчас он сказал: «Я не могу идти». Мне он сказал: «Пойди к ректору и скажи, что я попал в ужасную перипетию; врач говорит, что три месяца... Я не знаю, что будет дальше, поэтому скажи, что если в течение нескольких дней я не появлюсь, пусть ищет мне замену».

Мы посадили его в машину и вместе с доктором отвезли домой. Его жена едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Ее муж действительно полностью изменился. Врач держал его под одну руку, я под другую — он не мог даже идти. Мы положили его на кровать, и он сказал доктору:

— Можете рассказать все моей жене.

Тот ответил:

— Всему свое время. Сначала я должен пойти приготовить вам лекарства. Это безотлагательно.

И ушел.

Профессор спросил у меня:

— Он что-нибудь сказал тебе?

— Сначала взгляните на эти записи, — ответил я.

— Что за записи? Это он дал их тебе?

— Нет, прочтите их. Это то, что вы сказали своей жене: «Я в полном порядке. Что за чушь ты несешь?» Это было в шесть часов утра. А в семь тридцать вы сказали почтмейстеру: «Да, ночь была немного беспокойной». А затем вы сообщили профессору Нанду Дуларе Ваджпейелу: «Я ужасно спал этой ночью». И это все ваши слова. С вами все в порядке — можете встать. Нет необходимости отдыхать три месяца — даже трех минут не требуется; вы в полном порядке.

— Но, — сказал он, — я был весь в поту и чуть было не упал!

— Это Дхаянанда прыгнул на вас и чуть не сбил с ног, а вам показалось, что вы падаете. Он сделал все слишком хорошо. Я не просил его делать так много, я и представить не мог, что он так великолепно работает. Вставайте.

Он тут же встал:

— Правда? Так и есть. Я был в полном порядке вчера вечером и утром тоже. Когда жена заговорила со мной, я сказал ей: «Со мной все хорошо. А что с тобой?» Но когда все стали спрашивать одно и то же, странным образом я почувствовал, что со мной что-то не так. Маленький мальчик сказал: «Дядя, у вас ноги подкашиваются», и я почувствовал, что они действительно подкашиваются, иначе зачем этот ребенок?..

Я сказал:

— Вот записи того ребенка. Это все были подготовленные мною люди — мужчины, женщины, дети, Дхаянанда, врач. Мне пришлось все это организовать, так как я принял ваш вызов. Я создал вашу болезнь. И вполне мог поддерживать ее все три месяца и практически довести вас до смерти.

Он сказал:

— Не могу не согласиться. Судя по тому, что со мной произошло, вполне возможно, что, если бы я провел в постели три месяца и ты продолжал свою пропаганду, это убило бы меня.

— Именно так работает ваша религия, — ответил я. — Она создает в умах людей проблемы. Куда людям идти после этого? К священнику. И тогда он предлагает решение — и берет за это плату. Психологи делают то же самое. Из ста случаев девяносто создаются вашими людьми.

Я не говорю, что психологи делают это умышленно, — они действуют искренне, как и священники; они уверены, что так все и обстоит. Они верят в то, что они делают, и их вера заразительна — другие тоже начинают в это верить. И тогда их решения, их предписания тут как тут.

Если ты пойдешь сначала к последователю Фрейда, потом к последователю Юнга, затем к последователю Адлера, а после к последователю Ассаджиоли, ты поймешь, о чем я говорю.

Все четверо поставят тебе разные диагнозы, потому что их писания отличаются друг от друга. Каждый из них скажет, что именно *это* твоя истинная проблема, и не будет соглашаться ни с кем другим. А если проблемы разные, раз-

ным должно быть и решение. И проблема неизбежно будет другой — иначе какой смысл появления в мире Юнга? Ведь Фрейд уже проделал всю работу.

В этом была причина отделения Юнга от Фрейда. Он понимал, что рядом с Фрейдом он может стать великим фрейдистом, но не сможет быть кем-то уникальным. Но то, что сделал Фрейд, может сделать и он. И он полностью преуспел. Адлер отделился по той же причине. Если Фрейд сводил все к сексу, Адлер все сводил к эго.

Естественно, если уж они формулируют проблему по-разному, разными будут и решения. И если случайно, следуя этим советам, ты добьешься успеха, то это не ты добился успеха, а их терапия. Но если у тебя ничего не получится, значит, ты не точно следовал правилам. А следовать правилам психоанализа или любой другой школы — такая долгая история...

На психоанализ тебе может потребоваться целых три года, и к моменту его окончания ты можешь чувствовать себя еще более запутанным и смятенным, чем чувствовал до. Теперь тебе потребуется еще чья-то помощь. Теперь тебе нужна помощь в течение всей твоей жизни. Есть люди, которые всю жизнь проходят психоанализ, переходя от одного психоаналитика к другому.

То же самое верно в отношении религий. С помощью подавления они создают проблему. В действительности психология использует то, что посеяли религии, псевдорелигии; психологи просто пожинают урожай. На самом деле психолог — это современный священник; он использует ту же почву, ту же стратегию. В течение тысяч лет священники подготавливали почву, но люди пресытились священниками, так что очень обрадовались, когда появилась новая наука. Это никакая не наука — просто носит научное название.

И вот люди, которые раньше ходили к священнику, — если они культурны, образованны, искушены — теперь ходят к психологу. Если они не слишком образованны, они продолжают ходить к священнику. Священник стоит дешевле и не причиняет столько вреда, так как не знает всех этих слов: сознательное, сверхсознательное, подсознатель-

ное, бессознательное, коллективное бессознательное, космическое бессознательное, космическое сознание. Бедный священник не может позволить себе столь многого.

Тебя может очаровать психоаналитик и его язык. У него есть аргументы в свою пользу, и то, что он говорит, в каком-то смысле верно: ты действительно подавлен, но это сотворила с тобой религия. Религия осудила секс, осудила твою любовь к пище — осудила все, что доставляет удовольствие: музыку, искусство, пение, танцы. Если ты согласишься на мир и соберешь высказанные всеми существующими религиями осуждения, ты увидишь, что они осудили все, что присуще человеку. Ни одного миллиметра не осталось неосужденным.

Да, каждая религия делает это порционно — если осудить все человечество сразу, оно может и взбрыкнуть. Нужно делать это постепенно — осуждать, создавать чувство вины, желание от него освободиться и готовность принять помощь. Не следует осуждать человечество слишком сильно — иначе оно просто может от них сбежать или покончить с собой, бросившись в океан. Это не будет хорошим бизнесом.

Это сродни тому, как раньше поступали с рабами. Их кормили — но недостаточно, чтобы они не стали сильными и не сбежали, но и не слишком мало, чтобы они не умерли, — а иначе хозяин понес бы убытки. Нужно кормить рабов в определенном соотношении: просто чтобы удерживать их между жизнью и смертью и чтобы они продолжали жить и работать. Давалось только определенное количество пищи — не больше; иначе после работы у них оставались бы еще силы, которые могли бы превратиться в восстание. Они могли развязать бунт — начать объединяться и осознавать, что с ними происходит.

То же было проделано религиями. Каждая религия взяла определенный участок человечества и осудила его, тем самым создав чувство вины. А как только в тебе возникает чувство вины, ты попадаешь в лапы священника. Теперь ты не сможешь ускользнуть, ведь он единственный, кто может смыть с тебя этот позор, кто поможет тебе предстать перед Господом, не испытывая стыда.

Он создает иллюзию Бога и иллюзию вины. Он создает иллюзию, что в один прекрасный день ты предстанешь перед Господом, поэтому нужно быть омытым и чистым и пребывать в состоянии бесстрашия и отсутствия стыда.

Все это обман. Но следует запомнить, что это верно в отношении псевдорелигий. И каждый раз, когда я говорю «религии», я имею в виду псевдорелигии; множественность — это признак ложного.

Когда религия станет научной, она перестанет быть многочисленной; это будет просто религия, и ее функция будет прямо противоположной тому, что делали псевдорелигии. Ее функция будет заключаться в том, чтобы освободить тебя от Бога, освободить тебя от Небес и ада, сделать тебя свободным от идеи первородного греха, освободить тебя от самой идеи того, что ты и природа отделены друг от друга; освободить тебя от любого вида подавления.

Обретя эту свободу, ты будешь способен выражать свое собственное существо — каким бы оно ни было.

Нет необходимости испытывать стыд. Вселенная хочет, чтобы ты был именно такими, поэтому ты и такой. Вселенная нуждается в тебе — в таком, какой ты есть; иначе она создала бы не тебя, а кого-то другого.

По моему мнению, не быть самим собой — единственный нерелигиозный поступок. Будь собой — без всяких условий, без всяких привязок — просто будь собой, и ты религиозен, потому что ты целостен и здоров.

Тебе не нужны ни психоаналитики, ни священники; ты не нуждаешься ни в чьей помощи, ведь ты не болен, не покалечен, не парализован. Паралич и увечья исчезли вместе с вновь обретенной свободой.

Определение религии можно свести к короткой фразе: это тотальная свобода быть самим собой. Выражай себя любыми возможными способами — без всякого страха, потому что бояться некого; нет никого, кто осудит или вознаградит тебя. Если ты искренне, в естественном потоке будешь выражать свое существо, ты получишь вознаграждение немедленно — не завтра, а прямо сейчас, сегодня.

Ты получаешь наказание, только когда двигаешься против своей природы. Но оно полезно — оно просто показывает тебе, что ты удаляешься от естества, что ты отдалился, уклонился от дороги. Возвращайся!

Наказание — это не воздаяние. Нет, наказание — это просто попытка пробудить тебя: «Что ты делаешь?» Что-то идет не так, что-то выступает против тебя же самого. Вот откуда боль, беспокойство и смятение.

А когда ты естествен, когда ты выражаешь себя, подобно деревьям, птицам, которым повезло куда больше — ведь ни одна птица не пытается стать священником, ни одному дереву не приходит в голову быть психоаналитиком... Просто будь как деревья, как птицы, как облака, и ты почувствуешь себя дома в этом существовании.

А чувствовать себя дома — это и есть истинная религия.

Глава 8

БОГ — НЕ РЕШЕНИЕ, А ПРОБЛЕМА

Ты действительно веришь, что Бога нет?

Я не верю в то, что Бога нет, я точно знаю, что его нет. И «слава Богу», что его нет, ведь его существование создало бы столько проблем, столько сложностей, что жизнь стала бы практически невозможной.

Возможно, ты не рассматривал этот вопрос с той точки зрения, которую я хочу тебе предложить, — возможно, никто никогда не пытался посмотреть на него с этой стороны. Христианство говорит, что мир сотворил Бог. По существу, концепция Бога нуждается в творении. Мир существует, значит, кто-то его создал. И кто бы его ни создал, этот создатель — Бог. Но дело вот в чем. Если мир был создан, тогда эволюция невозможна. Эволюция означает, что созидание продолжается.

Вспомни христианскую историю: Бог создал мир за шесть дней, а на седьмой день он отдыхал — и он отдыхает до сих пор! Все творение было завершено за шесть дней. Где же возможность эволюции? Творение означает: готово! Точка. На шестой день была поставлена точка, и после этого никакая эволюция уже была невозможна.

Эволюция подразумевает, что созидание не закончено — отсюда и возможность эволюции. Но Бог не мог создать несовершенный мир — это противоречило бы его природе. Он совершенен, и все, что он делает, совершенно: ни он не эволюционирует, ни мир. Все неподвижно, мертво. Вот

почему священники выступали против Чарлза Дарвина — этот человек выдвигал идею, которая рано или поздно убила бы Бога. В каком-то смысле священники были прозорливыми: они наперед видели, что означает эта идея эволюции.

На первый взгляд творение и эволюция никак не связаны между собой. Какая связь между Богом и Чарлзом Дарвином? Но связь *есть*. Дарвин говорит, что творение — процесс непрекращающийся; что существование несовершенно и никогда не будет совершенным — только в этом случае оно может продолжать развиваться, достигая все новых вершин, новых измерений, открывая новые пути, новые возможности.

Бог завершил свою работу за шесть дней, и это было не так давно: за четыре тысячи и четыре года до рождения Иисуса Христа. Должно быть, это было первого января, в понедельник, — ведь мы умудряемся приписать Богу все, что создали *мы сами*. Ему приходится следовать нашему календарю. Но если ты спросишь меня, я скажу тебе, что скорее всего это случилось в понедельник первого апреля, в день дураков, — потому что этот день как нельзя лучше подходит для такого дела, как создание мира, завершеного «под ключ».

Если эволюция невозможна, тогда жизнь теряет весь смысл, лишается будущего, тогда у нее есть только прошлое. Нет ничего удивительного в том, что религиозные люди всегда ориентированы на прошлое — у них есть только прошлое.

Все уже сделано, в будущем делать нечего, оно пусто — и все же тебе приходится жить в этом будущем. Все, что должно было случиться, случилось за четыре тысячи и четыре года до рождения Иисуса. После этого не было никаких добавлений, никакой эволюции, никакого развития.

Бог создал мир точно так же, как гончар создает свой горшок, слепленный из глины неодушевленный предмет. Но помни: в любой момент гончар может разбить горшок. Если ты наделяешь Бога силой Создателя, ты одновременно даешь ему и силу разрушать. Именно этот аспект никогда не учитывался. Бог способен разрушать. Апрельский день дураков наступает ежегодно — в любой момент первого апреля все

может быть уничтожено. Самое большее, это снова займет дней шесть.

Сама идея, что тебя создали, превращает тебя в вещь, лишает тебя собственного бытия. Ты можешь быть живым существом только в том случае, если Бога не существует. Бог и ты как сущность не могут существовать одновременно. Вот почему я утверждаю, что Бога нет, — я повсюду вижу живые существа.

Наличие живых существ доказывает, что Бога не существует, его не может быть. Существует либо Бог, либо ты — вместе вы существовать не можете. Человек, начинающий верить в Бога, бессознательно теряет свое качество существа, превращается в вещь. Вот и существуют христианские вещи, индуистские вещи, мусульманские вещи — не существа. Они по собственной воле отказались от своей сущности, они отдали их Богу.

Выдумка стала реальностью, а реальность превратилась в вымысел. Я просто ставлю все на свои места. Когда я говорю, что Бог не существует, я не выношу против Бога никаких суждений. Меня он нисколько не волнует — существует он или нет, мне до этого нет никакого дела.

Когда я говорю, что Бога не существует, я просто хочу вернуть тебе твое утраченное существование, показать тебе, что ты не вещь, созданная по чьей-то прихоти. Почему он решил создать мир в определенный день, именно за четыре тысячи и четыре года до рождения Иисуса? Откуда возникла эта идея творения? Происходило ли там что-то еще, что могло подтолкнуть его к творению? Был ли там некий змей, подтолкнувший его к акту творения? И почему именно в тот день, а не раньше? Я хочу, чтобы ты понял. Это выглядит как прихоть, каприз. Если эта история верна, тогда Бог безумец. Чем он занимался целую вечность, что так поздно додумался до идеи творения?

Эта идея делает нас результатом случайности, прихоти, в то время как эволюция не является ни случайностью, ни прихотью. Она — вечное движение, она продолжается всегда. Не было времени, когда мира не существовало, и никогда не будет такого времени.

Существование означает вечность.

С Богом все становится глупым, ничтожным, бессмысленным — неким капризом, случайностью. Просто старику — а он, должно быть, был очень и очень древним стариком, — вдруг пришла в голову идея создать мир. И он воплотил ее в жизнь за шесть дней. Вот почему священники были против Чарлза Дарвина: «Ты говоришь, что мир еще не завершен, что он развивается. Ты против Библии, против Священного Писания. Ты выступаешь против Бога, против идеи творения».

А Чарлз Дарвин просто говорил: «Я не против никакого Бога, я не знаю никакого Бога». Но он был очень боязливым человеком, и он был христианином. Он молился — после того как он создал теорию эволюции, он на самом деле стал молиться еще усерднее. Он очень испугался: кто знает, может быть, он делает что-то против Бога. Он верил в то, что Бог создал мир, но факты природы говорили о другом: все развивается, жизнь никогда не остается прежней.

Так что если кто-то верит в Бога, он не может верить в то, что ты являешься *существом*. Создать можно только вещь, у нее есть начало и конец; существо же вечно.

По этой причине две религии в Индии, джайнизм и буддизм, отказались от идеи Бога — ведь если придерживаться этой идеи, нужно отказаться от идеи существа, которая гораздо более важна. Им бы и хотелось оставить обе эти идеи, но это было нелогично.

Если ты принимаешь то, что тебя создали, ты принимаешь также и другую часть — что тот же самый сумасбродный старик в один прекрасный день может тебя уничтожить. Тогда какой в тебе смысл? Ты просто игрушка в руках сумасбродного старика. Когда ему вздумается, он с ней играет, а потом разрушает ее? Со стороны Махавиры и Будды это был по-настоящему великий, смелый шаг, когда они выбрали существо, а идею Бога отбросили, — и это произошло всего двадцать пять столетий назад. Они просто увидели, что нельзя оставлять обе идеи — они противоречат друг другу. Но они еще не знали об эволюции, эта теория появилась позднее. Теперь мы знаем, что концепция творения противоречит также и эволюции.

Творение и эволюция полностью противоположны друг другу. Творение означает завершенность, эволюция означает постоянное развитие. А развитие возможно только в том случае, когда что-то несовершенно и остается несовершенным всегда. Какое бы развитие оно ни претерпевало, всегда существует возможность развиваться дальше.

Есть еще кое-что, что следует принять во внимание. Если тебя создали, ты не можешь обладать свободой. Ты когда-нибудь видел какой-нибудь механизм или вещь, обладающие свободой? Все, что создано, как кукла-марионетка, находится в руках создателя. Он держит в руках веревочки, тянет за одну... Наверняка ты видел кукольный спектакль. Человек стоит за ширмой и дергает за веревочки — его не видно, ты видишь только кукол — они танцуют, дерутся, но все это фальшивое. Реален только кукловод.

По собственной воле эти куклы не могут ни драться, ни любить, ни вступать в брак — все это происходит в кукольном спектакле. У них нет выбора — танцевать или не танцевать; если им не хочется танцевать, они не могут сказать: «Нет, я не буду танцевать». Кукла не может сказать «нет». И все религии учат тебя, что нельзя говорить «нет». Не говори «нет» Богу, не говори «нет» его мессии, не говори «нет» его священной книге — даже в мыслях никогда не допускай «нет».

Почему? Если ты не можешь говорить «нет», тогда какой смысл в твоём «да»? Оно превращается в единственно возможный ответ. «Да» имеет смысл только тогда, когда ты можешь сказать «нет». Но если ты должен говорить «да» и нет никакой альтернативы...

Я слышал, что, когда Форд только начал производить машины, он сам приходил в демонстрационный зал и общался с покупателями, разговаривал с ними. Он говорил им: «Вы можете выбрать любой цвет, если только это черный», — в то время были только черные машины. Но он всегда говорил: «Ты можешь выбрать любой цвет, при условии, что это черный».

Ты свободен только в том, чтобы говорить «да». Что же это за свобода? Кукла не может быть свободной. А если Бог

просто создал тебя, тогда ты — кукла. Лучше восстать против Бога и быть существом, чем подчиниться и быть участником кукольного спектакля, ибо в момент, когда ты признаешь себя куклой, ты совершаешь самоубийство. Кукол можно видеть по всему миру — с разным цветом кожи, с разными именами, с разными ритуалами. Индусы говорят, что помимо воли Бога даже лист не шелохнется на дереве, — что же говорить о тебе? Все происходит в согласии с Богом. По существу, он все определил в тот момент, когда создал. Все предопределено. И очень странно, что интеллигентные люди тоже верят в подобную чепуху.

Посудите сами, какая чушь: с одной стороны, тебя создал Бог, с другой — когда ты делаешь что-то неправильное, тебя ждет наказание. Но если тебя создал Бог, если он определил твою природу и ты не можешь пойти против нее, тогда у тебя нет никакого выбора. При наличии Бога свобода выбора невозможна — как ты можешь совершить преступление, как ты можешь быть грешником или святым?

Все предопределено им, ответствен он, не ты. Но люди продолжают верить в то и другое одновременно: что Бог создал мир, создал мужчину, женщину, все остальное, а затем переложил всю ответственность на тебя. Если с тобой что-то не так, за это ответствен он и он должен быть наказан. Если ты убийца, значит, этого убийцу создал Бог; он должен отвечать за адольфов гитлеров, иосифов сталиных и маоцзэдунов. Он сам создал всех этих людей.

Но нет, религиозный ум теряет разумность, притупляется, полностью забывает, что это несовместимые вещи — Бог и свобода несовместимы. Если ты свободен, тогда Бога нет.

Я опять напоминаю тебе утверждение Фридриха Ницше. Этот человек был определенно безумным, но иногда так называемые разумные люди бывают настолько глупы, настолько тупы, бестолковы, что великие откровения делаются безумцами — и Ницше обладал таким талантом. Время от времени он выступал с такими величайшими прозрениями, что невозможно поверить, как люди могли не видеть этого раньше. А Ницше жил всего столетие назад.

Он сказал: «Бог мертв, поэтому я провозглашаю: отныне человек свободен». В этом предложении впервые за всю историю человечества Бог и свобода упоминаются вместе. Нужен был такой сумасшедший человек, как Фридрих Ницше, чтобы соединить их: Бог мертв — поэтому ты свободен; иначе ты не свободен. Возможно, ты не задумывался над этим. Разве ты можешь быть свободными, если есть творец, который постоянно следит, поддерживает тебя и управляет тобой? С самого начала он заложил в тебя все в виде готовой программы. И ты будешь следовать этой программе, ты не можешь по-другому. Компьютер может выдавать только ту информацию, которая в него заложена. Если ты запросишь то, что не было в нем заложено вначале, он не сможет ответить. Компьютер — это машина: сначала ты должен начинить его информацией, а затем, когда нужно, обращаться к нему, чтобы ее получить.

Если есть творец, то ты — компьютер! Он заложил в тебя определенную информацию, запрограммировал тебя, в соответствии с чем ты и действуешь. Если ты святой, то в этом нет твоей заслуги, — такова программа. Если ты грешник, тебе не нужно осуждать себя и чувствовать себя плохим, — такова программа.

В Индии ежегодно на протяжении уже десяти тысяч лет разыгрывается театральное представление о жизни Рамы. Практически по всей стране, даже в самой маленькой деревушке, есть своя театральная группа. За месяц они начинают готовиться. А большие города, которые могут себе это позволить, приглашают профессиональную труппу. Профессиональные труппы существуют, в частности, в Айодхе, бывшей столице Рамы, и в других легендарных местах. Так что большие города, которые могут себе это позволить, приглашают профессиональных актеров. А маленькие города и деревни, которым это не по карману, создают собственные коллективы.

Вот что произошло в одной деревушке. Драма начинается со свадьбы Ситы. В те времена среди принцесс была распространена одна церемония под названием *сваямвар*. Все достойные женихи страны — конечно, это были молодые

принцы, никто другой и не допускался во дворец — собирались вместе, и девушка, принцесса, брала в руки цветочную гирлянду и ходила между ними. Она могла выбрать любого, кто ей приглянулся. Или если она затруднялась в выборе... Это была трудная задача: перед ней стояли сотни принцев — все они были красивы, молоды, сильны и все из королевских семей. Выбор был непрост, к тому же это было нечто такое, от чего назавтра не откажешься.

В Индии считается, что это выбор не на одну, а на многие жизни. Поистине, девушка оказывалась в немалом затруднении: как выбрать? Поэтому в определенном смысле она могла обратиться за помощью к Богу. Устраивалось некое испытание: кто с ним справится, тот и будет избранным. Теперь она передавала все воле Бога — так легче, он мудрее.

В *сваямваре* Ситы испытанием стал лук Господа Шивы, переданный отцу Ситы, так как тот был преданным Шивы. Лук был таким тяжелым — естественно, это же лук бога, — что даже поднять его мог только гигант. Обычному человеку было даже не сдвинуть его с места, а уж стрелять из него — это было практически невозможно. И вот, к потолку подвешивалась рыба, искусственная рыба, а на полу устанавливался небольшой бассейн, в котором эта рыба отражалась. Нужно было, глядя на отражение, выстрелить из лука Шивы и попасть в рыбу, висевшую над бассейном. Для этого требовалось быть великим воином. Во-первых, нужно было как-то поднять этот лук; и если это удавалось, вставал вопрос, как им пользоваться, — ведь это был необычный лук. И затем, глядя на отражение в воде, нужно было попасть в рыбу, которая, как и отражение, двигалась — она была подвешена к колесу.

Вся страна замерла в ожидании. Собрались все великие воины и короли. Одним из величайших воинов в те времена был Равана. Он был королем Шри-Ланки и имел все шансы выиграть состязание, поскольку он тоже был преданным Шивы, — пожалуй, даже в большей степени, чем отец Ситы. Он настолько был предан Шиве, что, как говорит предание, когда Шива не хотел его слушать, сказал: «Если ты не выслушаешь меня, я отрежу свою голову и положу к

твоим ногам. Какой еще жертвы ты хочешь?» И он отрезал себе голову и положил ее к ногам Шивы. Конечно, большая жертва невозможна.

Это странная история — как можно, отрезав свою голову, положить ее к ногам Шивы? Разве ты сможешь найти ноги Шивы? У тебя же нет головы, нет глаз. Но такова история — Раване это удалось.

Шива был очень доволен, он сказал: «Поскольку ты сделал то, чего никто раньше не делал, я дарю тебе нечто, что никогда никому не давалось: десять голов. Ты пожертвовал одну, а я дам тебе десять. Ни один враг, срубая тебе голову, не сможет тебя убить — на месте отрубленной головы тут же вырастет новая. У тебя всегда будет оставаться десять голов».

И вот этот человек с десятью головами должен был приехать на *сваямвар*. И была велика вероятность, что... А он, должно быть, был очень безобразным человеком — одной головы достаточно — но десять... Все со страхом ожидали его приезда, у него были все шансы поднять этот лук, — казалось, ничто не может ему помешать. Рама, будучи принцем Айодхи, тоже принимал участие в состязаниях. В то время он был молодым, очень молодым человеком, и никто не считал его великим воином. У него не было никаких шансов на победу.

И тогда мудрецы, которые хотели, чтобы Рама победил и женился на Сите, устроили заговор: в момент, когда Равана подойдет поднять лук, к нему прибежит человек и скажет: «Твоя столица в огне (а она была полностью из золота). Ты должен срочно ехать. Без тебя все погибнет». И бедному Раване пришлось бы оставить лук и поспешить в Шри-Ланку. А Рама тем временем выиграл бы состязание и женился.

Таково начало этой истории. В той небольшой деревушке актеры действовали по сценарию и постоянно получали подсказки из-за кулис. Но когда вышел человек и сказал: «Шри-Ланка горит», — актер, игравший роль Раваны, заявил: «Пусть! Я хочу жениться на Сите. Хватит, на этот раз я никуда не поеду». Суфлер старался изо всех сил: «Это неправильный текст!» Но актер сказал: «Хватит подсказывать — я знаю, что делаю». На самом деле, он был влюблен

в девушку, исполняющую роль Ситы, а ее отец был против их женитьбы. Для него это был единственный шанс заявить перед всей деревней... И прежде, чем кто-либо успел что-то сделать, Сита надела на него гирлянду. Вся деревня была потрясена. История закончилась, не успев даже начаться, — ведь это было самое начало, всего лишь вступление; главное действие было впереди. Актеры так растерялись, что даже забыли опустить занавес. Публика кричала, ликовала и аплодировала: «Мы многое повидали, но такое... Это лучшая драма, которую мы когда-либо видели!»

В спектакле ты можешь отклониться от сценария, ведь это всего лишь игра, это не твое существо — существо остается свободным. Ты можешь играть роль Раваны или Рамы, но это только роли, твое существо по-прежнему свободно. Ты можешь быть за или против чего-то. Но если твое существо *создано*, у тебя нет никакой возможности отклониться от программы, совершить что-то такое, чего в ней не заложено.

Если существует Бог, который создал мир, тогда кроме него никто ни за что не отвечает. Да и перед кем он будет отвечать? Нет никого выше Бога. Ты не несешь ответственности, потому что тебя создал он. А он не несет ответственности, потому что ему не перед кем отвечать. Наличие Бога полностью исключает явление ответственности, а ответственность — это самый центр твоей жизни.

Тогда ты можешь играть роль, но тебя нет, есть только подсказки, — и не важно, исходят они снаружи, из-за занавеса, или изнутри, посредством гормонов, биологии, физиологии, психологии. Ты — всего лишь набор подсказок и ты просто им следуешь. Это лишает человека всякого достоинства, низводит его до куклы-марионетки.

Принимать идею Бога не означает быть религиозным — как можно быть религиозным без ответственности? Как можно быть религиозным без свободы? Как можно быть религиозным, не имея собственного независимого существа? Бог — это величайшая антирелигиозная идея. Если посмотреть со всех сторон, тогда тот, кто верит в Бога, оказывается вовсе не религиозным, он не может быть религиоз-

ным. Когда я говорю, что Бога нет, я просто пытаюсь спасти религиозность.

Реальная опасность исходит не от дьявола, она исходит от Бога. Дьявол — всего лишь его тень. Если Бог исчезнет, тень исчезнет автоматически. Истинная проблема — это Бог.

И если ты взглянешь на историю, то поймешь, о чем я говорю. Каждый шаг эволюции встречал препятствие со стороны церкви — существовал страх, что это будет доказательством того, что творение не завершено. Человек достиг Луны, но в Индии я встречал индуистских *шанкарачарьев*, джайнских *ачарьев* — это то же, что священники, — которые не верят в это, поскольку в их писаниях говорится, что Луна — это богиня. Солнце — бог, и Луна — не планета. Ты удивишься, когда узнаешь, что один джайнский монах собрал с помощью жертвований миллионы рупий — он создавал лабораторию для доказательства того, что человек был не на Луне, а приземлился на какую-то другую планету!

Так вот, эти идиоты — а люди верят им, потому что на их стороне писания, — собирают цитаты из всех писаний, произнесенные всеведущими, всемогущими, вездесущими *аватарами*, *тиртвакшарами*, избранными Божьими посланниками. И если они что-то говорят, то что могут сделать бедные ученые?

Они обманывают, надувают тебя и надувают самих себя. Факт, который никто не может отрицать, который признается всеми учеными мира, включая индийских, не может быть принят религиозным умом — ведь это разрушит веру в писания. Их больше волнует их вера, чем реальность.

Когда я называю Бога величайшим врагом религиозности, это может шокировать так называемых религиозных людей, поскольку они считают, что быть религиозным — значит молиться Богу, поклоняться Богу, сдаваться на его милость. Они никогда не задумывались об ответственности, свободе, развитии, сознании, существе; их это не волнует — а ведь это и есть подлинно религиозные вопросы.

Твои молитвы глупы. Ты просто восхваляешь Бога — так же, как восхваляли королей и королев; тем же тоном, теми

же словами. Ты восхваляешь Бога, думая, что так же, как папки на твои молитвы оказывались короли и королевы и тебе удавалось склонить их к выгодным для тебя действиям, тебе удастся уговорить и Бога. Библейское утверждение, что Бог создал человека по образу и подобию своему, в корне неверно. Все как раз наоборот: это человек создал Бога по своему образу и подобию. Бог — это творение человека. Вот почему у индуистов один Бог, у мусульман — другой, у евреев — третий. Потому что разные люди пытались предположить, как Бог выглядит, на каком языке он говорит. Теперь евреи не верят, что он говорил на каком-либо другом языке, кроме иврита, во что, в свою очередь, не верят индуисты: «Бог — на иврите? Ты сумасшедший? Ты считаешь Бога евреем? Он говорит на чистейшем санскрите».

Я слышал, что однажды после Второй мировой войны два генерала, немецкий и английский, разговорились, лежа на пляже. Немецкий генерал сказал:

— Я не могу понять одного: мы молились христианскому Богу, вы молились ему же, но вы победили, а мы проиграли. Где справедливость?

Английский генерал рассмеялся:

— Никакой несправедливости. Скажите, на каком языке вы молились — на немецком? В этом вы промахнулись. Бог понимает только по-английски — он не знает другого языка, — и мы молились по-английски. Все просто, никакого чуда.

Впечатляя себя этим сотворением бога по собственному образу и подобию, человек не осознает, что он теряет. Он теряет все, что есть ценного, все, что есть прекрасного, все, что может стать для него благословением.

Религиозный человек начинает концентрироваться на вымысле и забывает свою собственную реальность, забывает себя, думая о ком-то там, на небесах. Этого существа на небесах нет, и ты фокусируешься на том, чего нет. И в этой концентрации ты забываешь себя.

Но именно там случается истинная религия: внутри тебя.

Поэтому молитва не имеет ничего общего с истинной религией. В моем понимании религиозности нет места молитве. В истинной религии не может быть ничего, подобного молитве, это полная фикция.

Что ты делаешь, когда молишься? Сначала ты даешь волю своему воображению, создаешь воображаемый образ, а затем разговариваешь с ним. Это чистый акт безумия. Во всех церквах, синагогах, храмах и мечетях — по всему миру люди занимаются сумасшествием; весь мир полон безумных людей.

И так как они занимаются этим на протяжении веков и ты считаешь их религиозными, тебя шокирует, когда я называю их нерелигиозными. Их даже не назвать нормальными — что уж говорить о религиозности? Они ниже нормы. Они продолжают заниматься настолько глупыми вещами, что если не прекратят этого делать, то растеряют остатки разума, которые еще теплятся в них. Возможно, они их уже растеряли.

Для меня подлинная религия — это чрезвычайное явление. Это не выдумки. Это вхождение в самое сердце реальности, узнавание жизни из самого ее центра. Но тебе нужно отбросить все свои выдумки. Эти выдумки никогда не позволят тебе войти внутрь себя, потому что ты проецируешь их вовне и полностью с ними отождествляешься.

Тебе знакомо это: когда ты смотришь кино или какое-нибудь телевизионное шоу, у тебя на глаза часто наворачиваются слезы, — хотя ты прекрасно понимаешь, что перед тобой только экран и там никого нет. Но ты полностью забываешь, что ты просто зритель. Ты настолько отождествляешься с каким-то героем, что, если с ним случается несчастье, ты плачешь.

В Калькутте жил очень знаменитый ученый, знаток индийской литературы, теологии, истории и всего, что только можно представить. Это был человек редкого ума, Ишвар Чандра Видьясагар. *Видьясагар* означает «океан мудрости». Это имя было дано ему на Всеобщей индийской конференции ученых-индуистов. Никто до этого и никто после не был удостоен такого имени. Он действительно был океаном того, что они называют мудростью. Для меня это не

мудрость. Я покажу тебе, насколько мудр он был. Поскольку он был столь знаменит как ученый и обладал всевозможными докторскими степенями, один санскритский университет вместо докторской степени присудил ему звание *Видья Варидхи*, что также означает «океан мудрости». Другой университет нарек его *Видья Вачаспати* — «мастер мудрости», а индуистский университет в Бенаресе — *Махамахопадьяй*, «величайший учитель».

Он обладал всеми этими степенями, его почитали во всей стране, особенно в Бенгалии. Не было никого, кто мог бы сравниться с ним. Однажды в качестве почетного гостя его пригласили на премьеру спектакля, и это исходило от таких значимых людей, что он не мог отказаться. Должен был присутствовать даже вице-король Индии, так как в те дни Калькутта была столицей. И вот он отправился, чтобы принять участие в торжественном начале.

Он выступил с приветственным словом и после сел рядом с вице-королем в первом ряду. В этой пьесе был один очень бесчестный, коварный персонаж; злодей, постоянно преследовавший невинную женщину. По сюжету напряжение в какой-то момент возрастает, когда этот мужчина застаёт женщину одну, вдалеке от деревни. Она пришла на реку, чтобы набрать воды. Вокруг никого, до деревни несколько миль, и он хватается ее... В зале воцаряется звенящая тишина — вот-вот свершится насилие, именно это намеревается сделать злодей. Как вдруг — люди не могли поверить своим глазам — Ишвар Видьясагар выскакивает на сцену и начинает колотить этого человека своим башмаком!

Мгновение никто не знал, что делать. Но актер выхватил ботинок у Видьясагара и сказал: «Я оставляю его себе — это величайшая награда в моей жизни. Я исполнял эту роль всю свою жизнь, но если такой человек, как Ишвар Чандра Видьясагар, настолько увлекся, что забыл себя, забыл, что это всего лишь спектакль и я не собираюсь насиловать женщину... Во-первых, это и не женщина — ты знаешь это, и знают все. Этот малый — парень из твоего города».

Ишвару Чандре стало очень стыдно, он сказал: «Я прошу прощения, что прервал спектакль. Но ты прав — я полно-

стью забыл, что это пьеса. Я полностью забыл, кто я. Я забыл, что это не женщина и ты просто играешь роль — ты не собираешься ее насилловать. Перед тысячью зрителями и вице-королем ты не станешь ее насилловать. Я просто забыл».

Но ты тоже все забываешь, когда эмоционально вовлекаешься в какой-то фильм или роман. И то же самое происходит с вашими так называемыми религиозными людьми. Они увлекаются воображаемыми богами и богинями всех видов, какие только можно себе представить. И они полностью забывают себя. Они поклоняются тому, чего не существует, но делают это столь сосредоточенно и рьяно, что способны создать галлюцинацию.

Христианин собственными глазами может увидеть Иисуса, индус собственными глазами может увидеть Кришну. Но практически не может быть такого, чтобы индус увидел Иисуса. Иисус никогда не явится индусу — никогда, даже по ошибке, а Кришна никогда не явится христианину. Изредка такое бы не повредило, но этого никогда не происходит. Христианин не допустит такой ошибки, *его* галлюцинация — Иисус, он не галлюцинирует Кришной. На твоём экране появляется только то, что ты на него проецируешь.

Если ты проецируешь какой-то фильм, именно он и появляется на экране, если ты проецируешь другой фильм, на экране появляется другой фильм. Не может быть, чтобы ты проецировал одно, а на экране появлялось другое, — так не бывает. Вот почему Кришна никогда не является христианину, мусульманину или иудею. А Иисус не может явиться никому, кроме христианина.

Однако мы продолжаем усиливать и укреплять свое воображение и галлюцинирование. И что это нам дало? За тысячи лет галлюцинирования что мы получили — вот это самое человечество, которые ты видишь по всему миру, эту путаницу? Вот каков результат тысячелетий религиозных практик, послушания, ритуалов, молитв. Миллионы церквей, синагог, храмов по всему миру, и вот итог — человек, которого ты видишь, современный человек, получившийся в результате всех этих усилий.

Это было неизбежно, поскольку мы потратили все эти годы на чистую глупость под названием религия. Мы потеряли массу времени, за которое можно было достичь невиданных высот, неизмеримых глубин, свободы духа, душевного сострадания, целостности, индивидуальности. Если бы все эти тысячи лет не были растрчены на фиктивного Бога, на этот фокус-покус, который не стоит даже единого пенни... И ты еще спрашиваешь: «Ты действительно не веришь?»

Это не вопрос веры или неверия — верить или не верить не в кого. Бога нет!

Но, пожалуйста, запомни: не начинай говорить, что я — неверующий. Я не верующий и не неверующий. Я просто говорю, что все это лишь проекция человеческого ума и пришло время прекратить эту игру против самих себя.

Пора навсегда сказать Богу «до свидания»!

Глава 9

Я учу БЕЗРЕЛИГИОЗНОЙ РЕЛИГИИ

Я был потрясен, испытал настоящий шок, услышав Твои слова, что Бог не существует. Тогда у меня возникает вопрос: как религия может существовать без Бога? Разве Бог не является центром, а религия — окружностью?

Тебе повезло, что ты в шоке. Чтобы испытать потрясение, требуется разум. Миллионы людей утратили способность переживать шок. На протяжении веков их гипнотизировали, обуславливали таким образом, что теперь их не могут затронуть никакие потрясения. Все религии, так называемые религии, псевдорелигии, всегда делали и делают только одно: создают в тебе амортизаторы.

Моя задача — разрушить в тебе все амортизаторы и сделать тебя уязвимым — чтобы ты сомневался, задавал вопросы, исследовал.

Кто сомневается до последнего, находит ответ. Кто копает до самого дна, познает.

Но тот, кто продолжает верить — без всяких сомнений, вопросов, исследования, — остается тупым, мертвым идиотом. Так что я тебя поздравляю с тем, что ты потрясен, это хорошее начало. Глупый человек будет не шокирован, а разгневан. Он тут же превратится во врага — но не будет шокирован. Твой шок показывает, что в тебе что-то еще живо, что священники, политики и педагоги в случае с тобой не

были слишком успешными. Возможно, некое окно осталось открытым — именно поэтому ты и потрясен. И ты видишь, в чем чудо этого потрясения?

У тебя немедленно возникает вопрос чрезвычайной важности. Он исходит не из гнева, не из раздражения. Это значимый, разумный, обладающий огромным значением вопрос: как религия может существовать без Бога? Тебе твердили на протяжении веков, что Бог — это центр, а религия — окружность. Это абсолютная ложь. Религия не имеет никакого отношения к Богу.

Она имеет отношение к тебе, к твоему сознанию, к твоему существу.

Ты спрашиваешь: как религия может существовать без Бога? Однажды, если ты продолжишь свое исследование, ты спросишь: разве может религия существовать с Богом? И я хотел бы, чтобы ты поразмышлял над этим: разве может быть религия с Богом?

Бог — это не что иное, как наша идея о предельном диктаторе, абсолютном Адольфе Гитлере.

Он создал мир просто из прихоти, без всяких на то причин. Ни одна религия еще не смогла ответить на вопрос, почему он создал мир. И почему именно *такой*: безобразный, чудовищный, отвратительный! Это человечество, которое религии провозгласили вершиной Божьего творения, утверждая, что Бог создал человека по образу и подобию своему! Что может быть выше этого? И что вытворял этот человек? За три тысячи лет пять тысяч войн! Вся наша история — это череда убийств, насилия, преступлений, которые совершаются во имя Божье. Во имя Бога миллионы людей были убиты, миллионы сожжены заживо.

А Бог создал человека по своему подобию. Таким образом, ты можешь узнать кое-что и о Боге: если таково его подобие, то каков он сам? Если Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Бенито Муссолини и Мао Цзэдун — всего лишь копии, то каков оригинал? Он должен быть ужасен!

Если Бог создал мир, человека и прочее, то все это должно нести знаки Божественного, его подпись, — но их нет. Если Бог не умеет читать и писать, то мог хотя бы поставить

отпечаток пальца. Но никаких подписей не видно. Больше похоже на то, что этот мир создал не Бог, а Дьявол — девятью девятью процентов свидетельств выступают в его пользу.

С Богом ты не сможешь создать религию по той простой причине, что он уже создал Библию для христиан, Тору для иудеев, Веды для индусов... Он все уже создал, он дал тебе готовые религии и не оставил возможности искать, исследовать и находить.

А у истины есть одно очень важное свойство: пока ты ее не найдешь, для тебя она никогда не станет истиной. Если это *чья-то* истина и ты заимствуешь ее — она больше не истина, она ложь. Это одна из причин, по которой все великие мистики мира всегда говорили, что истина невыразима, — в тот самый момент, когда ты ее выражаешь, в самом процессе выражения она становится ложью. Все ваши священные писания полны лжи.

Бог не оставил вам шанса самим открыть религию — он дал готовую религию. И он не позволяет даже сомневаться, задавать вопросы — это великий грех. Ваши священные писания полны всевозможных глупостей, но ты должен верить им безоговорочно.

Конечно, такой человек, как Бертран Рассел, был очень озадачен тем, что встречаются вещи, которым, если у тебя есть хоть немного разума, поверить невозможно, — но сомнения делают тебя грешником, ты начинаешь чувствовать вину. В конце концов он написал книгу «Почему я не христианин», где описал все, что удерживало его от принятия христианства. Например: Иисуса Христа родила девственница. Это настолько ненаучно, что нужно полностью потерять разум, чтобы поверить в это. Верить в подобную идею — самоубийство. Ты разрушаешь себя — и что получаешь взамен? Глупую идею о непорочном зачатии!

Мы не можем обвинить Бертрана Рассела в том, что он в это не верил. Это Библия оттолкнула человека, который мог бы стать религиозным... Рассел спрашивает: «Почему в Святой Троице отсутствует женщина? Бог–Отец, Бог–Сын и Святой Дух — что это за семья? Это святое семейство выглядит ненормально». Почему туда не включили женщину? —

да потому, что все религии всегда выступали против женщин. Они не могли включить женщину в Троицу, в высший эшелон власти, — поэтому и поместили туда Святой Дух.

Никто ничего не знает об этом Святом Духе — мужчина он, или женщина, или ни то, ни другое. И именно этот Святой Дух ответствен за то, что Мария забеременела, — и при этом он святой! Он просто насильник — ведь Мария не осознавала, что происходит, она не участвовала по своей воле, к тому же была замужем. Но Святой Дух совершил это, — возможно, он до сих пор циркулирует в мире — и это один из Божественной Троицы!

Люди, подобные Бертрану Расселу, не стали религиозными из-за этой идеи Бога. Любая идея Бога неизбежно создаст проблемы. Индуистский Бог... вместо Троицы у индусов придуман аналог — *Тримурти*: бог с тремя лицами, три персоны соединены в одну. Но эти трое постоянно борются друг с другом — ведут себя как дети. Хорошо, что Зигмунд Фрейд был знаком только с христианской и иудейской традициями. Если бы он познакомился с индуистской традицией, он нашел бы весомое подтверждение для своей гипотезы.

Согласно индуизму, Бог также сотворил мир. Первым существом, которое он создал, была женщина, — естественно, ведь без женщины ничто не может вырасти, так что первой появилась женщина. Но, создав прекрасную женщину, он сам увлекся ею. Итак, отец влюбляется в собственную дочь... Именно это пытался доказать Фрейд, но никто не сказал ему, что такое доказательство уже существует. Всю свою жизнь Фрейд пытался доказать, что каждый отец влюблен в свою дочь и каждая мать влюблена в своего сына. И отчасти это верно — но Бог, влюбившийся в собственную дочь...

Женщина испугалась и попыталась бежать, и единственным способом сделать это было изменить форму, замаскироваться. Она превратилась в корову. Но разве можно обмануть Бога? Он превратился в быка. Тогда она стала превращаться в других животных — и Бог делал это вслед за ней. Именно так и возникло все творение — убегающая женщина и преследующий ее отец, пытающийся ее изнасиловать. И он до сих пор занимается этим.

Что за религия может быть с таким Богом? Этот Бог — сексуальный маньяк, ему нужна психотерапия. Он не может являться центром религии, не может составлять даже окружность религии. Его место — в психиатрической больнице. Но если ты считаешь индуистские писания, ты будешь поражен тем, чему верят миллионы людей, принадлежащих к старейшей в мире религии.

У индуистского Бога есть три ипостаси: Брами — ипостась творения, он создает мир. Вишну, вторая ипостась, поддерживает мир. И Шива — он разрушает мир, когда приходит этому время. В каком-то смысле все прекрасно уравновешено — присутствуют все необходимые для жизни функции — создание, сохранение и, наконец, разрушение. Но если ты взглянешь на внутреннюю жизнь этих троих, то не поверишь.

Однажды Брама и Вишну из-за чего-то поссорились. Прежде всего, факт спора двух составных частей Бога говорит о том, что он шизофреник. Если две твоих руки начнут драться друг с другом... А именно этим ты занимаешься в уме: одна часть борется с другой. Иногда ты расщепляешься настолько, что становишься двумя разными людьми, а иногда — целой толпой. Бог уже разделен на трое — он не целостен, не единое существо, — и эти трое постоянно ссорятся.

Итак, эти двое ссорились и никак не могли прийти к согласию, поэтому решили обратиться к Шиве, — может быть, он поможет. И они отправились его искать. Шива, должно быть, был американцем — было утро, и он занимался любовью со своей женой Парвати. Индийцам такое не свойственно, это совершенно исключено. Я считаю, что Шива стал первым американцем, занимаясь любовью утром и при открытых дверях. Скорее, даже калифорнийцем — с открытыми дверями! Даже американцы так не делают.

Брами и Вишну вошли, не зная, что происходит внутри, а Шива был так поглощен, что даже не обратил на них внимания. Они ужасно разозлились. Во-первых, богу не пристало заниматься любовью по утрам, во-вторых, когда двери открыты, может войти кто угодно. И в-третьих, он

даже не предложил им сесть, даже не взглянул на них! Оба они очень разозлились — настолько, что проклинали Шиву. Они сказали: «Ты будешь известен в мире как фаллический символ». Вот почему в Индии ты нигде не встретишь статуи Шивы — только фаллический символ. Таково проклятие тех двух других богов: «Тебя будут знать и узнавать как фаллический символ».

Возможно, ты не осознаешь, но *шивалинга*, фаллический символ Шивы, изображается не один, он помещен в вагину. Оба выполнены из мрамора. И на протяжении тысячелетий индусы поклоняются этому символу. И при этом Шива — один из трех Богов!

Возьми любую другую концепцию Бога, и ты увидишь, что вокруг этого центра невозможно описать истинную религию. Однако до сих пор именно так и происходило. Фиктивный Бог помещался в центре, и вокруг этой фикции создавались другие фикции: рай и ад, грех и наказание, раскаяние и прощение. И весь этот цирк — не что иное, как эксплуатация религий хитрыми священниками.

Да, священники не могут существовать без Бога. Без Бога не может существовать и концепция греха. Без Бога не может существовать рай и ада. Без Бога не может быть храмов, синагог и церквей.

Если ты считаешь, что все это и составляет религию, тогда, конечно, ты столкнешься с трудностями: как религия может существовать без Бога? Но все эти вещи не имеют никакого отношения к религии. Я считаю их скорее препятствием к обретению религиозности. И пусть это будет еще одним шоком для тебя: подлинная религия должна быть безбожной — и безрелигиозной. Я учу тебя безрелигиозной религии.

Тебе необходимо войти в это немного глубже, потому что слова кажутся противоречивыми: *безрелигиозная религия*. Когда я говорю «безрелигиозная религия», я имею в виду, что священники, синагоги, раввины, пандиты, попы, церкви, священные писания, святые и не святые духи — все это должно быть отброшено, ведь именно это ты привык считать религией.

Священные писания — не что иное, как религиозная фантастика, подобно фантастике научной. Но сочинять научную фантастику прекрасно — это искусство. А религиозная фантастика — даже не искусство, на девяносто процентов это вздор, чепуха. Ее не читает никто, кроме тех немногих, кто имеет в этом корыстный интерес.

Я слышал...

Человек, ходивший по домам и продававший словари, позвонил в дверь одного дома. Вышла хозяйка.

— Что вам нужно? — спросила она.

— У меня есть отличные словари. У вас, должно быть, есть дети и им нужны словари — есть самые разные и для любого возраста.

Чтобы отделаться от него, женщина сказала:

— Но у нас уже есть словарь.

В углу на столе лежала толстая книга, по виду похожая на словарь.

Продавец рассмеялся:

— Но это Библия.

Женщина не могла поверить, потому что с такого расстояния нельзя было увидеть, что то была Библия.

— Вы меня удивили, — сказала она, — да, это Библия. Я сказала, что это словарь, просто чтобы отделаться от вас. Но как вы догадались? Скажите — и я куплю у вас словарь, но раскройте секрет.

— Никакого секрета. Я просто увидел, сколько пыли на ней скопилось.

Только библии, священные книги, лежат в пыли. Журнал «Плейбой» никогда не запылится. А кому нужно было открывать ту книгу? Возможно, ее не открывали годами, а может быть, не открывали совсем.

Религиозную фантастику нужно отбросить, потому что она преграждает тебе путь, закрывает тебя от реальности. Ты должен избавиться от всего вздора, сказанного тебе твоими родителями, твоим обществом, учителями, религиозными наставниками. Пока ты не очистишь себя полностью, ты не

сможешь сделать и шага к тому, чтобы стать религиозным. Религиозность — это качество твоего существа, она не имеет ничего общего ни с какими внешними ритуалами. Это качество твоего существа.

Есть ряд вещей, которые являются спящими качествами твоего существа, поскольку ты никогда не думал, что их нужно разбудить и развивать. Пытался ли ты развивать свое сознание? Пытался ли ты развивать сострадание? Пытался ли ты развивать свой разум?

Ученые говорят, что даже гениальные люди используют всего пятнадцать процентов своего мозга, восемьдесят пять остаются незадействованными. И это касается лишь таких людей, как Альберт Эйнштейн, Карл Маркс, Резерфорд или лауреаты Нобелевской премии. А что насчет обычного человека, сколько процентов использует он? — не больше пяти. И эти пять процентов задействованы для повседневных дел: бизнеса, семьи, так называемой религии, его политической партии и его клуба. Пяти процентов достаточно. Не нужно быть гением, чтобы стать членом Ротари клуба. И не думаю, чтобы гений стремился вступить в *Lions Club*. Человек, пытающийся стать львом, скорее деградирует, чем двигается вперед.

Если даже гении используют всего пятнадцать процентов, это означает, что никто не пытается развивать свой разум. Ты используешь его лишь для того, на что вынуждает тебя жизнь, ее обстоятельства и ситуации. Если ничто не будет тебя побуждать, ты не будешь использовать даже пяти процентов. Вот почему дети богатых никогда не получают в университетах золотых медалей, не попадают в число лучших учеников. Им нет необходимости использовать свой разум — на это есть прислуга. А теперь появились компьютеры. Скоро ты не будешь использовать даже пять процентов — люди будут носить с собой маленькие компьютеры. Они уже их носят. Ты видел это?

Когда я был ребенком, мой отец очень по-особому относился к ручному письму. В доме никому не позволялось пользоваться авторучкой, потому что с ее помощью было не достичь того качества письма, как с помощью чернильной ручки. Авторучка портит почерк.

И это можно наблюдать. Посмотри назад: до изобретения печати все книги были рукописными — они писались красивым, художественным почерком. Содержание — это уже другой вопрос, но даже сам почерк был произведением искусства. Когда появилась авторучка, это искусство исчезло. А с появлением печатной машинки исчезло даже то малое, что позволяла делать авторучка, — теперь люди печатают. Попроси их написать что-нибудь, и они выдадут такие каракули, будто никогда не учились. Теперь они носят с собой маленькие компьютеры — скоро они разучатся производить простейшие вычисления.

В Индии живет одна женщина, Шакунтала, ее возили по всему миру и показывали величайшим математикам. У нее нет высшего образования, и она ничего не знает о высшей математике, но даже Альберт Эйнштейн был озадачен ее способностями. Стоило только написать любое число — не важно, насколько большое — и затем попросить ее умножить его на любое другое большое число, и, прежде чем оно было дописано, ответ был готов. Эйнштейн сказал: «У меня это отняло бы минимум три часа».

Но что происходит с этой женщиной? Она сама не знает. Она говорит: «Просто глядя на число, которое нужно помножить...» Все, что с ней происходит, — это своего рода тишина, в этой тишине возникают числа, и она говорит: «Запиши это число — не знаю, откуда оно взялось». Видимо, с самого рождения у нее был очень острый разум — в мгновение ока в ее уме что-то происходило. И это не единственный случай, были и другие.

Один юноша, Шанкаран, был настолько беден, что вынужден был работать рикшей. Это уродливое явление, такого не должно быть: человек тянет на себе повозку, в которой ты сидишь. А он был совсем мальчик. Но у него был старый отец, и ему приходилось работать рикшей в Ченнае. Как-то случайно им заинтересовались на математическом факультете в университете. Однажды профессор, декан этого факультета, ехал на рикше и просто разговорился с ним. Он сказал: «Ты так молод, тебе нужно читать, учиться».

Мальчик рассказал ему о своей семье. «Но, — добавил он, — даже без чтения и учебы — а я знаю, что ты математик, — я владею ею. Каким-то образом я ее знаю». Профессор проверил его и пришел в изумление: мальчик был уникален. Он отправил его за свой счет в Оксфорд, чтобы тот показал там свои способности. И все великие математики пришли в полное изумление. Резерфорд констатировал, что задачу, с которой он возился многие годы, мальчик решил за считанные секунды. И как только это было сделано, Резерфорд увидел, насколько это просто, — как он сам не смог догадаться? Он ходил вокруг да около, не находя решения, а этот мальчик с ходу выдал верное решение. Хотя не был образован.

Интеллект можно развить, для этого есть свои методы. Современные психологи пытаются его измерять. Я говорю, не будьте глупцами, не тратьте время на измерения — что измерять? Средний человек останавливается в своем умственном развитии на уровне тринадцати лет. Ему может быть семьдесят, но по умственному развитию ему тринадцать и он использует не больше пяти-семи процентов своего интеллекта. Так зачем тратить время на разработку более точных методов его измерения? Почему не развить методы, позволяющие *оттачивать* его? Именно этому учу тебя я.

Если ты сомневаешься, твой интеллект будет оттачиваться.

Если ты будешь просто верить, он заржавеет; если его не использовать, он начнет покрываться пылью. Сомнения неизбежно заостряют его — по одной фундаментальной причине: они не дадут тебе погрузиться в покой. Тебе нужно будет с этим что-то делать, нужно будет найти ответ. Пока ты его не найдешь, сомнения будут донимать тебя, досаждают тебе — и именно так они заостряют ум.

Но все религии учат, что сомневаться — грех, а верить — значит быть религиозным. Я говорю: сомневаться — значит быть религиозным, а верить — значит быть нерелигиозным.

Но все эти псевдорелигии были очень умны и хитры. То, чего психологи до сих пор не могут понять, *они* поняли еще пять тысяч лет назад: сомнения опасны, они обостряют ум.

Вера удобна и комфортна, она притупляет. Это своеобразный наркотик, она делает из тебя зомби. Зомби может быть христианином, индуистом, мусульманином, — но так или иначе это зомби, носящий разные этикетки. Иногда ты пресыщаешься какой-то этикеткой и меняешь ее: индуист становится христианином, христианин становится индуистом — новая, свежая этикетка, но за ней — все та же система веры.

Уничтожь свои верования. Конечно, это причинит неудобства, дискомфорт, — но ничто ценное никогда не приобреталось в комфорте.

В течение трех столетий наука в качестве своего метода использовала сомнение, и как много миру дали эти три столетия. За десять тысяч лет религии не дали и тысячной доли того, что дала наука. Религии не дали ничего. Напротив, всеми возможными способами они всему создавали препятствия. Они пытались помешать и науке, и очень старались, — и они делают это до сих пор. Папа Римский продолжает призывать католиков не использовать противозачаточные средства — это против Бога. Странно, ведь даже Святой Дух, должно быть, пользовался ими, ведь Иисус заявляет: «Я едиnorodный сын Бога». Что произошло с Богом? Он перестал производить на свет сыновей и дочерей? Либо он стал *брахмачарьей*, принял целибат — что маловероятно, — либо он пользуется противозачаточными средствами. Но Папа продолжает выступать против противозачаточных средств, потому что это против Бога — детей посылает Бог.

Эта Земля уже перенаселена. Ситуация такова, что, если мы не сократим численность населения вдвое, человечество погибнет. Не нужно никакой третьей мировой войны, перенаселения достаточно, чтобы все умерли, начали голодать. А Бог непрестанно присылает детей. Кажется, он не знает, как быть: или пусть с каждым ребенком присылает небольшой участок земли, или придумает что-то другое, чтобы никто не голодал. Например, вместо настоящих детей можно делать пластмассовых, работающих на батарейках, — так будет легче. Можно будет просто время от времени заменять батарейки. Для Бога ведь нет ничего невозможного. Он

совершал всевозможные чудеса, и его Сын творил чудеса. Создать ребенка на батарейках — не такое уж большое чудо.

Но он продолжает снабжать нас желудками и чувством голода и не дает земли — а старая земля с каждым днем истощается. А Папа Римский продолжает говорить: никаких противозачаточных средств, никаких аборт. Почему нельзя делать аборт? — потому, что это убийство. Но странно это слышать от Папы, ведь в прошлом его предшественники организовывали крестовые походы и убивали тысячи людей. Вся их работа только в этом и состояла: сжигать людей, сжигать женщин — просто из-за глупой идеи...

Кто угодно мог написать Папе: «В нашей деревне есть ведьма». И этого было достаточно для начала расследования. И существовали специальные суды для выяснения, является женщина ведьмой или нет. Ее подвергали таким пыткам и мукам, что ей было легче признать себя ведьмой, чем терпеть. Женщину пытали, пока она ни признавалась, что является ведьмой, — а как только она признавалась, ее сжигали заживо. Тысячи женщин были заживо сожжены.

И теперь внезапно их интерес сместился к ненасилию, ведь аборт — это насилие. Предшественники того же Папы благословляли Бенито Муссолини на Вторую мировую войну. Разве война не была насилием? В Англии архиепископ Кентерберийский благословил британские военные силы — разве это не насилие? Такое допустимо?

И возникает вопрос, с какого момента аборт следует считать насилием?

Когда ребенок только что зачат — он живой или мертвый? Он живой — но откуда пришла жизнь? Прежде чем быть зачатым в матке матери, он жил в сперматозоидах — все сперматозоиды живые. Их жизнь непродолжительна, всего два часа, так что, если за это время они успеют найти женскую яйцеклетку и проникнут в нее, ребенок будет зачат. Яйцеклетка тоже живая. Половина твоего существа, женская часть, происходит из яйцеклетки, а другая половина происходит от семени отца. И в одном только половом акте выбираются миллионы клеток...

Ты удивисься, но именно в этом месте начинается политика. Все устремляются к яйцеклетке, ведь тот, кто доберется первым, станет президентом Рональдом Рейганом. А те, которые хоть чуть-чуть отстанут, погибнут! В яйцеклетку может проникнуть только один сперматозоид — после этого яйцеклетка становится непроницаемой для других сперматозоидов. Это естественный процесс — яйцеклетка может впустить только один сперматозоид. Лишь изредка случается, что яйцеклетки достигают и проникают в нее одновременно два сперматозоида. Так иногда появляются двойни, тройни, четверо, пятеро, шестеро детей — был даже случай, когда сразу родилось девять детей. Но такое случается крайне редко.

Миллионы сперматозоидов... и они невероятно быстры. Это похоже на автогонки. Они все мчатся, им нужно спешить. Если они не достигнут цели в течение двух часов, то погибнут. В одном половом акте ты ответствен за гибель миллионов существ. А в аборте? — гибнет только один. Убьешь ты миллион или миллион и один — какая разница?

Но Папа Римский, как и мусульманский верховный имам, и индуистский *шанкарачарья*, заинтересованы в увеличении численности населения, ведь численность имеет политическое значение. Это политика численности: сколько существует католиков? Папу не интересует человечество, не интересует будущее, глобальное уничтожение, — нет. Единственное, что его интересует, — это численность католиков в мире. Чем больше католиков, тем сильнее его власть. *Шанкарачарья* заинтересован в большем количестве индусов — чтобы обладать большей властью.

Всех интересует власть. Под прикрытием Бога они просто пытаются стать все более и более могущественными. Бог — всего лишь полезный инструмент в руках священников. Все, чего священник желает, он вкладывает в уста Бога. Он составляет священные писания и вписывает туда всякую чепуху. И странно, что людей очень впечатляет вся эта чепуха — она кажется им чем-то мистическим.

Например, в Библии говорится: «В начале было слово». Но как слово может быть в начале? Ты понимаешь разницу

между звуком и словом или нет? Слово означает звук, несущий определенный смысл. Наверное, можно было сказать, что вначале был звук — но не слово.

Слово предполагает, что уже есть кто-то, кто вложил в звук некий смысл, кто произнес слово. «В начале было слово». Я просто предполагаю, что сказать «звук» было бы лучше, более логично. Но на самом деле звук тоже не годится. С научной точки зрения звук может существовать только в том случае, если есть кто-то, кто его слышит, иначе звука быть не может.

Я сейчас говорю. Если в этом зале никого не будет, то не будет и звука, потому что для существования звука необходимы две составляющие: я, производящий некий шум, и твои уши, воспринимающие его. Между этими двумя составляющими и возникает звук. Ты, наверное, думаешь, что, когда рядом с водопадом никого нет, там все равно сильный шум. Ты ошибаешься: если нет ушей, нет и звука.

Так что если невозможен даже звук, что уж говорить о слове! Но они говорят: «В начале было слово» — только посмотри, как вздор превращается в тайну! «В начале было слово. И слово было у Бога». Таким образом, первое утверждение опровергается. «В начале было слово. И слово было у Бога», — значит, их было двое — и тут же этому противоречит третье предложение: «И слово было Бог».

Конечно, этот вздор впечатляет людей: «Если мы не понимаем, вероятно, в этом заключено что-то очень значительное». Но в этом нет никакого глубокого смысла — просто записки идиота. Но христианские богословы в течение столетий комментируют это, предлагая различные точки зрения. Что означает это «слово»? Что означает «Слово было Бог», или «Слово было у Бога»? — три утверждения, и все противоречат друг другу.

Если ты анализируешь любое писание, ты найдешь там подобные утверждения. А они говорят: «Не сомневайся, верь, и твоя вера вознаградится. Сомневайся — и собьешься с пути». Но в этой темноте нет другого света, кроме сомнений. Сомневайся! И не наполовину, а в полную силу — так, чтобы сомнение превратилось в меч, который отсекает весь хлам,

скопившийся вокруг тебя. Сомнение отсечет весь вздор, а медитация сделает тебя пробужденным.

Это две стороны одной монеты, ведь, нагруженный всем этим вздором, ты не сможешь пробудиться. Этот вздор погружает тебя в сон — такова его функция. Он предназначен для того, чтобы поддерживать твой сон. Верь и отправляйся спать, чтобы не беспокоить политиков, священников, правящие круги — никого. Ты превращаешься в бездушного человека, в машину, в раба. Поэтому сомневайся и медитируй! А под медитацией я подразумеваю очень простую вещь: просто пребывать в тишине и погружаться в нее.

Вначале это вызывает страх, потому что тишина подобна пропасти, — может быть, там нет дна, а тебе хочется за что-нибудь зацепиться. Тишина требует храбрости, как и сомнение.

Сомневаться — это значит отбросить все, что вложили в тебя другие. А медитация — это, отбросив все это, погрузиться внутрь своей сути — которую ни Бог и никто другой в тебя не вкладывал. Она всегда была твоим существом и будет оставаться твоим существом вечно.

Утопи себя в тишине. Наслаждайся, пей ее, вкушай!

Страшно будет только вначале. Как только ты ощутишь вкус, небольшой привкус на кончике языка, весь страх растворится, ведь это так сладостно, это так питает, делает тебя настолько центрированным и заземленным. Впервые ты ощущаешь, что тебя самого достаточно, что не нужен никакой Бог, никакие молитвы; что храм не снаружи, а внутри тебя. И по мере того, как это чувство будет расти и ты будешь в него погружаться, ты удивишься: вначале была тишина, не звук. И в середине — тишина. И в конце — тишина.

Это вечно, непрерывно, и это — само твое существо: оно дает тебе такое удовлетворение, такое огромное удовлетворение, что ты впервые чувствуешь, что тебе ничего не нужно. Все, что нужно, уже внутри тебя.

Существование очень щедро. А Бог очень скуп — естественно, ведь он создан по образу и подобию скупцов. Бог очень скуп, очень жесток, очень ревнив, очень мстителен. За малейшую мелочь... Кто-то курит сигареты — что это за

грех? Я не вижу в этом греха. Возможно, этот человек совершает ошибку, но это медицинский вопрос, это не имеет отношения к религии. Возможно, он должным образом не заботится о теле, но это *его* дело. Быть может, он умрет на два или три года раньше, но если он задумается о том, что он будет делать, проллись его жизнь еще на два или три года, то начнет курить еще больше, — тогда какой смысл?

Но некоторые религии, такие как буддизм и джайнизм, говорят: если ты куришь, считай, что ты уже в аду. Странно: *здесь* человек курит, и *там* он снова будет брошен в огонь. Здесь он бросал огонь внутрь себя, а там ты бросаешь в огонь его самого! Что за месть? К тому же в тебя он ничего не бросал. Что бы он ни делал, это касается только его. И он уже пострадал за это: возможно, у него туберкулез или рак. Он уже пострадал, так зачем отправлять его в ад? Нечто незначительное, естественное — а религии устраивают вокруг этого столько шума, поскольку у их Бога очень ограниченный ум.

Существование невероятно щедро, оно всегда прощает и никогда не наказывает. Но единственный путь к нему пролегает через твою внутреннюю тишину. Это та же самая тишина, что звенит между звездами, — нет никакой разницы.

Не существует разных типов тишины, запомни. Тишина не может быть двух видов. Тишина только одна: просто испытай ее — и ты ощутишь тишину, что на миллионы световых лет окружает всю Вселенную.

Испытав свою внутреннюю тишину, ты почувствуешь сердцебиение Вселенной.

Я утверждаю, что с Богом подлинная религия невозможна. И я также утверждаю, что с так называемыми религиями, которые существуют до сих пор, религия тоже невозможна. Я учу тебя безбожественной, безрелигиозной религии.

Конечно, это мое представление о «религиозности». Ты не являешься ни христианином, ни индустом, ни мусульманином. Ты просто человек безмолвия, человек подлинности, человек сострадания; человек, который больше не ищет, — он достиг. И это чувство, что ты достиг... Не остается больше ни вопросов, ни сомнений, ни верований, ни ответов.

Когда Бодхидхарма умирал, ученики спросили его: «Мастер, каково твое последнее послание?» Он открыл глаза и сказал: «Я ничего не знаю — я достиг. Все знания остались далеко позади — кому они нужны? Некому спрашивать, некому сомневаться и некому отвечать — полная тишина. Поэтому, — продолжал он, — все, что я могу сказать, — это то, что я не знаю».

К такому же заключению в конце жизни пришел и Сократ. «Когда я был молод, я думал, что много знаю и скоро буду знать все. Но по мере того, как я продолжал искать, сомневаться, исследовать, — а он не был верующим человеком, он сомневался... Он был гораздо выше любых ваших религиозных проповедников, мессий, *аватар*, *тиртханкар* — гораздо выше. В конце он сказал: — Чем больше я узнавал, тем больше чувствовал, что я ничего не знаю».

Его высказывания обладают невероятной красотой, поскольку на первый взгляд кажутся противоречивыми. Он говорит: «Чем больше я узнавал, тем меньше знал. И когда я узнал все — все исчезло, осталось только неведение. Существует невежественное знание и знающее неведение».

С верой ты достигнешь невежественного знания. Сомневаясь, исследуя, медитируя, ты достигнешь состояния знающего неведения.

Нет необходимости навешивать на себя какой-то ярлык. Нет необходимости быть частью какой-то конфессии. Моя коммуна в некотором смысле странна, противоречива. Моя функция — сделать тебя свободным от всех конфессий, дать тебе полную свободу быть самим собой. Но, возможно, в одиночку ты не сможешь восстать против всего мира. Тебе нужны попутчики. Тебе нужны люди, идущие по тому же пути, придающие тебе храбрости и вдохновляющие тебя — ведь вокруг огромные массы людей. Эти люди отравили Сократа. Эти люди убили Иисуса. Эти люди убили Аль-Хилладж Мансура и многих других. Мне бы не хотелось, чтобы та же участь постигла кого-то из вас. Поэтому мне пришлось стать противоречивым и создать коммуну. Но помни, что это всего лишь игра, не относись к этому серьезно.

Это не делает тебя моим последователем. Это просто означает, что ты открыт мне, восприимчив, что ты слушаешь меня, отложив в сторону все свои предрассудки. И я не даю тебе никакой доктрины. У меня ее нет. Я заберу у тебя все доктрины. Я хочу, чтобы ты стал просто пустотой. Это предельное качество религиозного человека — познать внутреннюю пустоту. Она безгранична. Она огромна, как Вселенная. Она включает в себя всю Вселенную.

Когда ты абсолютно пуст, внутри тебя начинают двигаться звезды. Вселенная и ты больше не отделены друг от друга. Ты нашел едва заметную потайную дверь, соединяющую тебя с целым.

В Боге нет необходимости. Это совершенно бесполезная гипотеза. И нет необходимости в религиях. Но религиозное сознание необходимо абсолютно — и сегодня гораздо больше, чем когда-либо. Если мы не сможем создать великое движение по развитию истинно религиозного сознания, у человечества нет будущего — человек обречен. Священники, политики и другие власть имущие сообща выкопали вам могилу; в любой момент они могут толкнуть вас туда. Многие из вас по собственной воле уже там находятся. Никогда прежде мир не подходил к такой критической точке. Если не обеспечить масштабный выход медитативного сознания, человек обречен.

Но я надеюсь, что медитативное сознание восторжествует, человек пройдет этот опасный момент и выйдет из него гораздо более развитым, более высоким, более человечным.

Глава 10

БОГ — НИКТО, ИЗВЕСТНЫЙ ВСЕМ

Бог не создавал по своему образу и подобию таких людей, как Адольф Гитлер. Он создал таких, как Иисус Христос, Кришна и Будда.

Это не вопрос. Это утверждение, ответ, — а я не задавал вопроса. Создается впечатление, что этот человек знает даже, кого Бог создал по своему образу и подобию, а кого нет. Очевидно, он был свидетелем этого. Что он там делал? А *его самого* Бог создал по своему образу и подобию? Тогда что он здесь делает? Но я с удовольствием отвечу даже на ответ.

Этот человек утверждает, что Бог не создавал таких людей, как Адольф Гитлер, по своему образу и подобию. Но что не так с Адольфом Гитлером? Его последователи считают его воплощением великого иудейского пророка Илии. Их вера настолько же правомерна, как и вера христиан в то, что Иисус — едиnorodный Сын Бога, или вера мусульман в то, что Мухаммад — единственный посланник Бога. Кроме них, в это больше никто не верит, но это не имеет значения. Христиане верят, последователи Адольфа Гитлера тоже верят.

Адольф Гитлер был очень религиозным человеком. Позвольте мне пролить немного света на его жизнь. Он жил как монах, в подземном бункере. Его не интересовали так называемые мирские вещи, которые интересуют всех. Он был вегетарианцем, за всю свою жизнь он ни разу не съел ничего мясного. И почти всю жизнь он оставался холо-

стым — кроме трех последних часов. То есть практически всю свою жизнь, — что такое три часа? Что можно сделать за три часа супружества?

Он женился только после того, как решил покончить с собой, поскольку эта женщина постоянно донимала его: «Почему ты не женишься на мне?» — а он всегда отказывался. Он жил как монах, один в своей камере, и боялся, что, как только он женится, ему сложно будет оставаться одному — эта женщина будет врываться к нему в комнату. Поэтому он продолжал откладывать.

Когда он наконец решился, Берлин был взят, на улицах падали бомбы — из своей камеры он слышал взрывы. Он немедленно послал за священником, чтобы провести обряд бракосочетания. Для чего было жениться? — чтобы вместе совершить самоубийство. Возможно, большинство людей делают то же самое, сами того не сознавая. Только их три часа длятся гораздо дольше; и чем дольше, тем они скучнее.

Каким-то образом священника удалось найти. Он быстро провел церемонию венчания, и, как только она завершилась, они выпили яд. И Гитлер распорядился, чтобы их тела был облиты бензином и сожжены, не должно было остаться никаких следов, — так и было сделано.

Этот человек каждое утро вставал еще до восхода. Не каждый монах настолько религиозен. Известно, что монахи должны вставать до рассвета, — но человек есть человек. Адольф Гитлер был сделан из другого теста. Даже зимой он поднимался до восхода, и круглый год после пробуждения первым делом принимал холодный душ — очень дисциплинированный монах. Он отходил ко сну ровно в девять вечера. Его не интересовало ничто из того, что вы называете *плохим*. Он не играл в карты, не курил. Он питался очень простой, очень скромной пищей, и он никогда не пил — никакого алкоголя.

Когда Германия захватила Францию, все его генералы хотели, чтобы Гитлер посетил самый красивый город мира, но его это не интересовало. Красота не входила в сферу его интересов, но, поскольку все его уговаривали — а для завоевания Франции была проделана огромная работа, — он

приехал, но пробыл там лишь двадцать четыре часа, находясь в номере отеля; он даже не вышел посмотреть Париж.

Ты говоришь, что Бог не создавал Адольфа Гитлера по своему образу и подобию. Но почему? Из-за того, что он убил столько людей? Но Бог ежедневно убивает миллионы людей — кто, по-твоему, их убивает? Адольф Гитлер просто разделил с Богом небольшую часть его работы. Люди должны быть убиты, каждый должен умереть, — что плохого в том, что Адольф Гитлер взял на себя часть работы, немного облегчив задачу Бога?

И он справился с этим очень хорошо, гораздо лучше самого Бога. Иногда бывает так, что копия получается более яркой, чем сам оригинал. Он изобрел газовые камеры, самый ненасильственный способ уничтожения людей; его даже нельзя назвать убийством — убийство слишком жестоко. В газовой камере человек даже не замечает, когда умирает. Все происходит так быстро: просто поворот выключателя, и газ начинает выходить — его можно назвать святым дымом! Он выполнял свою работу в совершенстве.

На самом деле, Гитлер верил, у него была фанатичная идея, что Бог послал его, чтобы уничтожить все неправильное, все, что препятствует на Земле развитию сверхчеловека. Он делал это с добрыми намерениями.

Его вера, его намерение были безукоризненными, если бы он сомневался хоть на йоту, то не смог бы делать то, что делал: убивать миллионы людей. Для этого необходима непоколебимая вера; слепая, фанатичная вера в то, что ты поступаешь правильно. У него не было сомнений, абсолютно никаких сомнений в том, что он выполняет работу Бога: очищает мир от всего, что не соответствует эволюции сверхчеловека.

Ты говоришь, что Бог не создавал Адольфа Гитлера по своему образу и подобию. Тогда встает вопрос: кто создал Адольфа Гитлера? Существуют ли еще какие-то боги? Это означало бы наличие выбора: можно пойти и выбрать, по чьему образу и подобию ты хочешь быть созданным. Можно пойти в магазин и выбрать себе бога: «Я хочу, чтобы меня создал и по вот такому-то образу и подобию». Это старая

стратегия так называемых псевдорелигиозных людей: все хорошее принадлежит Богу, а все плохое принадлежит дьяволу. Но кто тогда создал дьявола?

Так или иначе, но Бог должен взять на себя ответственность. Ему не отделаться от этого. Если он скажет, что Адольфа Гитлера создал его враг, дьявол, тогда возникает вопрос, кто создал дьявола? Богу не удастся сбросить с себя ответственность, ему не улизнуть. Конечно, дьявола создал он — а иначе откуда тому взяться? Ведь если дьявол может появиться из какого-то другого источника, тогда кто угодно может появиться оттуда. И тогда к чему Богу творить? Процесс творения происходит где-то еще.

Придется сказать Богу: «Ты не монополист, есть и другие гончары — и, возможно, получше тебя, ведь созданный тобой мир не выглядит совершенным. Похоже, ты абсолютно бессилён. Если дьявол постоянно посылает своих агентов в твой мир, чем тогда занят ты? По крайней мере, мог бы остановить эту контрабанду. А она продолжается, и в катастрофических масштабах. На самом деле, твоих людей совсем немного, их можно по пальцам пересчитать, а людей дьявола — миллионы».

Это странно, что Бог продолжает восседать на своем троне, сплетничать со Святым Духом, забавляться с единокровным Сыном Иисусом, в то время как дьявол рулит всем миром — создает Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина, Бенито Муссолини, Мао Цзэдуна... Кажется, что вся история на девяносто девять и девять десятых процента — дело рук дьявола.

Тогда почему все продолжают считать Бога творцом? Возможно, он просто гончар-любитель — изредка изготавливает какой-нибудь горшок, — а дьявол выглядит профессионалом. Чингисхан, Тамерлан, Надиршах, Александр Македонский, Наполеон Бонапарт, Иван Грозный — только углубись в историю — разве все эти люди не были созданы Богом? Так и было, но ты боишься это признать, ведь тогда твой Бог превращается чуть ли не в дьявола.

Ты говоришь, что Бог создал таких людей, как Иисус Христос, Назрат Мухаммад, Кришна и Гаутама Будда. Давай взглянем на этих людей, которых ты считаешь созданиями

Бога. Иисус был иудеем — он родился иудеем, жил как иудей и умер иудеем. Он даже не слышал слова *христианин*, и я не думаю, что у него когда-либо возникала идея создать религию под названием «христианство». Никаких указаний, даже намек на то, что Он собирался организовать новую религию, — нет. Всю свою жизнь он пытался добиться только одного — быть принятым иудеями как мессия.

Итак, Бог иудеев — иудей, Иисус — иудей, первосвященник иудеев — иудей. Раввины, которые занимают высшие посты в главных иудейских храмах, все религиозные люди, очень образованные и знающие. Трудно найти более ученых людей, чем раввины; вся их жизнь посвящена учению, накоплению знаний. И первосвященник, должно быть, был великим раввином, поэтому его и выбрали. И вот они решили распять Иисуса. Иудейский Бог создал Иисуса по своему образу и подобию, но иудейские раввины, их первосвященник и все иудейское общество не признали этого человека, не увидели в нем образа Бога. Они считали его смутьяном, мошенником, обманщиком.

Но если Бог посылает своего собственного сына, разве он не может передать с ним небольшое послание для первосвященника: «Пожалуйста, позаботься о моем сыне, о моем единородном сыне», — ведь все они иудеи и говорят на одном языке. Тогда не возникло бы никаких проблем — но Бог ничего не сказал. Иисуса распяли, а Бог хранит молчание; его образ уничтожают, а он остается полностью безразличным.

На самом деле, Иисус не был столь дисциплинированным, как Адольф Гитлер. Иисус пил вино и даже превращал в вино воду, что нужно расценивать как преступление. Попытайся превратить что-то в АСД! Сотвори такое чудо — и ты окажешься в тюрьме. Преврати обычную траву в «травку» — и узнаешь, как совершать чудеса.

А этот человек превращает воду в вино и сам пьет его без всякого чувства вины. Ни индуи, ни мусульманин, ни джайн, ни буддист никогда не признают в таком человеке воплощение Бога. Воплощенный Бог распивает спиртное! Образ Бога должен быть вершиной осознанности, а

употребление алкоголя противоречит осознанности, оно погружает тебя в бессознательное. Это одно из самых антирелигиозных деяний.

Хотя этот человек, Иисус, и учил кротости и смирению, сам он был очень высокомерным. Будда не признал бы в нем воплощение Бога. Его слова: «Я — единородный сын Бога» — самое эгоистичное заявление за всю историю. Заявление Адольфа Гитлера не так заносчиво. Илия... Кто знает этого Илию? Должно быть, он заглянул в Ветхий Завет и одно из имен по какой-то причине ему приглянулось — в случае с Адольфом Гитлером никогда нельзя быть уверенным в истинной причине... Возможно, он сосчитал числа, нумерологически соответствующие каждой букве алфавита, и обнаружил, что имя «Илия» обладает хорошим нумерологическим значением — Адольф Гитлер верил во все это: нумерологию, астрологию, хиромантию.

Ты удивишься, но даже его нападения на другие страны рассчитывались не генералами, а астрологами. По факту, именно этим объясняются его неизменные победы на протяжении первых четырех лет — и дело не в том, что астрология верна, а в том, что противник не мог предугадать, с какой стороны ждать нападения. Если бы он слушал генералов, то любая другая страна без труда вычислила бы его планы; все генералы мыслят одинаково. Военная наука основана на простой арифметике: нельзя нападать на противника там, где он сильнее всего, — нужно бить в его самое слабое место, это очевидно.

Но Адольф Гитлер нападал в тех местах, где противник был силен. Вражеская сторона размышляла: «Здесь мы сильны, здесь Адольф Гитлер не нападет», — и войска переводились в самое слабое место. Но Гитлер полагался на астрологию, поэтому не наносил туда удара. Звезды выступали в пользу другой позиции, и он атаковал там.

Если бы обе стороны исходили из решения генералов, они обе прекрасно бы понимали, откуда произойдет нападение, так как оба противника действовали бы исходя из единой логики, но в случае с Гитлером ни о какой логике не было и речи. И его слово было законом. Не допускалось

никаких «Почему?» — этого у него нельзя было спрашивать. Ему нельзя было задать вопрос: «Почему вы решили именно так?»

Никому не разрешалось задавать вопросов — даже его соратники были недостаточно близки для этого. Ни один человек не был настолько близок с Адольфом Гитлером, чтобы положить руку ему на плечо. Никто не был ему другом — он не допускал никакой дружбы. Инкарнация пророка Илии превосходит всех вас, примитивные смертные твари, ползающие по земле, — и ты спрашиваешь его «Почему?»!

Поэтому он постоянно побеждал на протяжении четырех лет, пока Уинстон Черчилль против своей воли не решил играть по тем же правилам: «Это глупо, но что делать? Если воюешь с идиотом, приходится тоже быть идиотом, иначе потерпишь поражение». Ему пришлось пригласить астрологов из Индии, так как именно там можно было найти самых лучших. И они очень возгордились — наконец-то даже Уинстон Черчилль понял, что «астрология — это наука и мы куда более необходимы, чем вы».

И с помощью астрологии Уинстон Черчилль действительно начал побеждать, потому что теперь он тоже действовал безумно. Он был великим генералом, но теперь он поступал вопреки самому себе, вопреки всему своему опыту и здравому смыслу — но что было делать? «Тот парень слушает астрологов, поэтому и тебе придется их слушать. На кону победа, так что не время рассуждать об астрологах — об этом мы поговорим позже. Сначала покончи с этим человеком и со всей этой безумной ситуацией».

Когда Уинстон Черчилль стал прислушиваться к астрологам, он начал выигрывать, поскольку тоже принялся действовать безумным образом, без всякой логики. И, конечно, в его распоряжении были более сильные астрологи, потому что астрологи Адольфа Гитлера были западные. В Лондоне тоже можно было найти таких астрологов, которые могли бы сказать тебе то же самое, что немецкие астрологи советовали Адольфу Гитлеру, — но у индийских астрологов была совсем другая астрология.

Адольф Гитлер никак не мог узнать, что советовали эти астрологи, ибо они использовали другие методы. Даже в хиромантии... В западной хиромантии данная линия означает одно, а в индийской хиромантии — нечто другое, потому что на руке ничего не написано, все зависит от тебя, от того, что ты хочешь на ней прочесть.

Иисус умер на кресте — не очень-то подходящее место для сына Бога. И если ты спросишь джайнов, буддистов или индусов, ты найдешь некий смысл в том, что они скажут. Их ответ тебя удивит, но он кажется более разумным. Они говорят: «Должно быть, в прошлой жизни он совершил какой-то тяжкий грех, и это следствие его греха — простой закон кармы. Иначе с чего бы его стали распинать?»

Ни один индуистский *аватар* не был распят, ни один джайнский *тиртханкара* не был распят, ни один будда не был распят — это невозможно! Когда по дороге прогуливался Махавира, джайнский *тиртханкара*, — а в те времена не было асфальтовых дорог, только грунтовые, — если на его пути встречалась колючка, она поворачивалась острием вниз, чтобы Махавира не поранился и не повредил себе ногу.

Поскольку этот человек вышел за пределы всех своих карм, даже колючка не могла причинить ему вреда — что уж говорить о кресте! Даже колючке приходилось учитывать: «Приближается человек, который покончил со всей своей кармой. Его нельзя побеспокоить — лучше перевернуться, чтобы не причинить ему вреда». А те люди — разве они могли признать в Христе сына Божьего, мессию?

В буддийских писаниях описывается множество случаев.

К Будде был послан бешеный слон, который должен был убить его. Этот слон убил уже многих — он убивал любого, кто оказывался у него на пути. Король держал его в цепях, специально для того, чтобы расправляться с преступниками.

Вся королевская семья, советники и министры, бывало, выходили на балконы дворца и наслаждались этой игрой. Внизу на земле находился преступник. Приводили слона и снимали с него цепи. Слон тут же бросался на человека, а тот начинал убегать и кричать. И все с интересом наблю-

дали — так же, как ты любишь наблюдать бой быков или бокс Мохаммеда Али. Все это — одно, разница невелика. Ты получаешь удовольствие от насилия: слон неизбежно убьет человека — куда тому бежать?

И вот этот слон был послан убить Будду; но даже этот бешеный слон, увидев Будду, определил, что перед ним человек, завершивший все свои кармы; ему нельзя причинять вреда, скорее, нужно воспользоваться возможностью прикоснуться к его стопам и улучшить свою собственную карму. И слон прикоснулся к стопам Будды, а затем сел рядом. Король не верил своим глазам — они все следили за тем, что происходит. Он сказал Будде:

— Только ты можешь объяснить, что произошло.

— Ничего особенного, — ответил Будда. — Просто слон оказался мудрее тебя — увидев, что все мои кармы завершены и я не должен больше страдать — все мои счета оплачены, баланс подведен; я уже пострадал за все, что совершил, и теперь совершенно чист, — слон подумал: «Зачем упускать такую возможность? Где еще мне найти такого человека?» Поэтому он прикоснулся к моим ногам, чтобы получить благословение. В сущности, он уже благословлен, он заработал достаточно благочестия — в следующей жизни он родится буддой. Он сам станет просветленным, ибо если даже в своем безумии он смог распознать будду, это значит, что он не отождествляет себя со своим безумием. Он осознает, что отличен от него.

Ты думаешь, буддисты примут распятого Иисуса как воплощение Бога? Даже слон способен распознать будду, а рядом с Иисусом были тысячи иудеев, и никто из них, ни один человек не смог разглядеть в этом человеке образ Бога и понять, что его нельзя убивать. Это всего лишь твоя обусловленность — а вообще, ни одна религия никоим образом не признает Иисуса.

Иисус водил дружбу с такими людьми, с которыми Махавира своим монахам не разрешил бы иметь дела, не говоря уже о самом Махавире, — Иисус общался с аферистами, проститутками, ворами, с низшими слоями обще-

ства. Махавира не допустил бы такого; Будда не допустил бы этого. А почему он общался с такими людьми? — потому что никто другой не хотел с ним общаться. Представители более высоких, более богатых классов, культурные, образованные, просвещенные люди не хотели общаться с сыном плотника — с этим сельским парнем, объявившим себя сыном Бога.

Только однажды к нему пришел профессор — и то среди ночи. Это был раввин и известный профессор, Никодим. Он пришел ночью, когда поблизости никого не было и все апостолы спали. Иисус читал последнюю молитву на ночь. Этот уважаемый, богатый раввин, профессор университета, пришел под покровом ночи и представился. Иисус спросил:

— Почему ты не пришел днем? Сейчас ночь, и я уже собираюсь спать. Я только что закончил последнюю молитву.

— Я не могу прийти днем, — ответил Никодим, — поскольку все увидят, что я общаюсь с таким человеком, как ты. Я столько слышал о тебе, что любопытство привело меня сюда, но днем я не признаюсь, что приходил к тебе.

Люди более высокого сословия не общались с ним — что говорить об общении, они не стали бы даже разговаривать с этим человеком.

Сын Бога, сотворенный по его образу и подобию, — и никто во всей Иудее не мог распознать его, за исключением нескольких дураков, у которых не было ни религиозного образования, ни понимания. Это были рыбаки, дровосеки, крестьяне. Им нравилось думать, что они общаются с единственным сыном Бога, ибо это давало им надежду: «Когда мы попадем в Царство Божье, мы будем вместе с Сыном, рядом с Богом. Тогда все эти богатые люди, эти короли, наместники императора и раввины увидят, кто мы такие. Сейчас мы всего лишь рыбаки, дровосеки, крестьяне». Вот на что они надеялись. С Иисусом можно было очень легко попасть в Царство Божье — такую возможность нельзя было упускать. Но во всей Иудее нашлось всего лишь двенадцать человек.

Ни одна великая религия Востока не признает его, потому что человек познается по его окружению — а его окружение определено было не в порядке. И эти люди стали его апостолами, эти люди создали христианство, поэтому нет

ничего удивительного в том, что христианство является третьесортной религией — оно пришло из третьесортного источника. В нем нет такой глубины, как в джайнизме, буддизме или индуизме, — никакого сравнения.

Ты спрашиваешь меня о Кришне. Должно быть, ты думаешь, что по крайней мере Кришну и Будду я признаю как воплощения Бога — нет. Прежде всего, Бога нет, тогда о каком его воплощении можно говорить? Кого бы ты ни поставил передо мной в качестве образа, я изо всех сил ударю по нему. И это будет борьба с вымышленным Богом, а не с Иисусом, Мухаммадом, Кришной или Буддой. Если с вымышленным Богом будет покончено, большая часть славы этих людей померкнет.

Если Бога нет, тогда невозможно провозгласить: «Я единокордный сын Бога» или: «Я несу вам весть, и только моя весть истинна, ибо она исходит от Бога». Поэтому я пытаюсь разрушить ложного Бога. Конечно, мне приходится бить и по его образам, ведь они постоянно подпитывают эту ложь. Кришна был хитрейшим из всех известных миру политиков. Возможно, такого хитрого не появится и в будущем. Он совершенно не держал своего слова — вот почему я называю его политиком. Он говорил одно, а делал совершенно другое. Он обещал вам что-то и в любой момент, когда ему было удобно, мог нарушить это обещание. На него никогда нельзя было положиться. Всю свою жизнь он обманывал доверие людей, надувал их, хитрил, а индусы продолжают называть это «Игрой Бога».

Оправдать можно все что угодно. Юные девушки купались в реке, а он забрал их одежду и влез на дерево. И, стоя обнаженными в воде, им пришлось просить его вернуть одежду. Если бы кто-то другой совершил такое, его немедленно забрали бы в полицейский участок. Но эту картину можно увидеть на стенах многих индуистских домов — но, конечно, не тех, где гостил я. Один раз я сказал:

— Тебе должно быть стыдно — держать такую картинку дома, прямо в гостиной. Ты думаешь, что проявляешь великую религиозность, — но разве это религиозность? А если бы я совершил это с твоей женой и дочерьми?..

— Что ты имеешь в виду? — спросил тот человек.

— Если бы я совершил то же, что и Кришна, это также была бы игра бога. Почему он должен быть исключением?

Шестнадцать тысяч женщин были насильно украдены Кришной и уведены у их мужей, детей... Должно быть, он создал из тех женщин огромный концентрационный лагерь. Не думаю, что он разбирался, кто является его женой, а кто нет. И я не думаю, что это было преувеличением.

Такое случалось в Индии — короли имели по несколько сотен жен. Даже в наше время у Низама из Хайдарабада — а умер он всего несколько лет назад — было пятьсот жен, которые теперь вдовы... У одного-единственного мужчины. Так что шестнадцать тысяч не кажутся чем-то невероятным — всего в тридцать два раза больше, чем у Низама из Хайдарабада. Состоятельность человека определялась тем, сколько у него жен, а Кришна определенно был уж никак не менее чем в тридцать два раза богаче этого Низама.

Бедный человек не мог позволить себе даже одной жены. Бедному человеку было трудно содержать даже одну жену — он едва мог прокормить себя самого. Так что в Древней Индии это был один из способов продемонстрировать свое богатство — иметь много жен, — и Кришна превзошел всех. Просто чтобы оказаться впереди всех, он разрушил шестнадцать тысяч семей. Возможно, осиротели или стали нищими дети — кто знает, каковы последствия? И этот человек считается образом Бога! Ты видишь, как он жесток? К тому же это было сделано не из любви. Он даже не был знаком с теми женщинами. Разве можно знать шестнадцать тысяч женщин? Разве может один человек дать любовь шестнадцати тысячам женщин? Что это будут за отношения? Он просто пленил их — чтобы показать свое величие.

И столько же эгоизма — а может, даже больше — несут слова Кришны его ученику Арджуне: «Пади к моим ногам, отбрось все — сомнения, мысли — все отставь в сторону и сдайся мне. Я твое спасение, твое прибежище».

Это уродливое обращение. Если бы это так и было, Арджуна сам должен был это понять. Об этом не нужно говорить и настаивать: «Пади к моим ногам». Очевидно, он

не падал — отсюда такая настойчивость. Арджуна постоянно спорил, сомневался, задавал вопросы. Он не был уверен. И не думаю, что эта уверенность когда-либо у него появилась.

Я тщательно исследовал весь разговор между Арджуной и Кришной — из него состоит вся *Шримад Бхагавадгита*. Все доводы и сомнения Арджуны полностью верны и оправданны, но ответы Кришны не имеют под собой оснований. Они не рассеивали сомнений и замешательства Арджуны. И устав от споров с Арджуной, Кришна сказал: «Оставь все и просто пади к моим ногам, потому что я — совершенное воплощение Бога».

Но если человек говорит о себе так, я скажу, что это неправда! Если другие это признают — даже если ты будешь отрицать, — в этом, возможно, что-то и есть. Если ты отрицаешь, но другие видят нечто, чего не понять умом, не постичь рассудком... Если другие ощущают это — его присутствие, аромат — и, как бы ты ни противился, говорят: «Можешь отрицать, это не важно, но мы слушаем свое сердце, и оно кое-что нам говорит», — это совсем другое дело. Но в Гите за весь разговор такого не происходит.

Кришна просто принуждает его. И учитывая всю ситуацию — они находились на поле боя, Кришна был его возницей, и две армии стояли друг против друга, готовые в любой момент начать войну, к которой готовились многие годы и которая должна была стать решающей для всей Индии... И она оказалась решающей — она подорвала страну.

Я считаю, что за упадок Индии ответственны три человека. Первый — Кришна, потому что он уничтожил в индийцах энтузиазм, вкус к борьбе. Он втянул Индию в своего рода Третью мировую войну, в ходе которой практически вся страна была разрушена и опустошена. Те, кто остался в живых, были так потрясены и напуганы, что готовы были пойти на что угодно, лишь бы больше не воевать.

Затем приходят Будда и Махавира и говорят о ненасилии. Это охотно принимается людьми, столь уставшими от войны. Они прошли через такую страшную войну, что ни в коем случае не хотят ее повторения. Лучше быть рабами, чем переживать войну и терпеть такие разрушения.

Великая индийская война называлась *Махабхарата*. С тех пор происходили лишь небольшие сражения — и ничего, подобного Великой войне. Эта война носила почти все-ленские масштабы: весь мир, существовавший в то время, каждая его часть так или иначе участвовала в войне. Обе стороны были родственниками, и решался вопрос, кто унаследует царство.

С одной стороны была сотня Кауравов, сто братьев. Теперь ты можешь понять... Их отец был слеп, но, очевидно, имел тысячи жен — даже будучи слепым, этот парень умудрился произвести на свет сотню сыновей. У его брата было пятеро сыновей — Пандавы. Конфликт состоял в том, что они не могли решить, кому наследовать царство. Они никак не могли договориться, так что единственным способом устранить конфликт была война. И поскольку все это была одна семья, вся родня поделилась надвое — кто-то сражался с одной стороны, кто-то сражался с другой; брат против брата, и еще с каждой стороны — их друзья со всего мира.

Ты удивисься, когда узнаешь, что у Арджуны одна из жен была мексиканка — мексиканские короли со своими армиями прибыли из Мексики, чтобы сражаться на стороне Арджуны. Санскритское название Мексики — *Макшика*, Мексика — искаженное Макшика. Сейчас собрано уже достаточно исторических свидетельств, в результате которых стало очевидно, что Макшика — это Мексика. В Мексике были обнаружены индуистские храмы со статуями индуистских богов и богинь. А последнее открытие доказывает, что существовали времена, когда океан между Азией и Америкой был настолько мелким, что от Америки до Азии можно было просто пройти пешком. Можно было просто перейти его, глубина была не больше одного фута.

Итак, весь существующий в те времена мир собрался для этой решающей битвы; все находилось в ожидании сигнала к началу сражения. Но сражение не начиналось, поскольку Кришна продолжал уговаривать Арджуна. Арджуна хотел уйти. Он говорил: «Я хочу отказаться от битвы, потому что не вижу в ней никакого смысла. Ведь это мои родственники: на одной стороне свои и на другой тоже. Среди тех, кого я

должен убивать, я вижу моих друзей; и на моей стороне тоже друзья. Эти люди, сотня Кауравов, — мои братья, и я должен убивать их из-за какого-то царства? В этой войне погибнут миллионы людей, и даже если мы победим, кто останется, чтобы отпраздновать победу?»

И он рассуждал верно: «Кто будет праздновать победу над миллионами трупов родственников и друзей? Это люди, ради которых мы должны воевать, ради которых мы должны одержать победу, чтобы они могли радоваться и праздновать вместе с нами, — но ведь все они будут мертвы. Нет никаких гарантий, что мы победим, и нет никаких гарантий, что победит другая сторона, ведь силы примерно равны. Но ясно одно: кто бы ни одержал победу, практически все будет мертвы». Именно так и произошло.

В конце концов Кришна сказал ему: «Ты бессильный трус, сбегающий с поля боя. Ты же воин, а религия воина — сражаться. Ты боишься уничтожить, убивать? Но эти люди умрут в любом случае». Только посмотри, какой довод он приводит: «Все равно эти люди когда-нибудь умрут». Никто не бессмертен, поэтому, убивая этих людей, ты не делаешь ничего такого, о чем стоит беспокоиться. Возможно, ты отнимешь у человека несколько лет жизни, но и тут ты ошибаешься, считая, что *ты* совершаешь это. Все совершает Бог, все, что происходит, происходит по его воле. Мы лишь инструмент в его руках.

Именно об этом я тебе и говорил: эти религии низводят человека до уровня куклы. Всю *Гиту* Кришны можно выразить в одном предложении: «Человек — кукла, а Бог — кукловод». Потому ты вынужден выполнять все, что захочет кукловод. Если он заставит тебя танцевать, ты будешь танцевать, если он заставит тебя бегать, ты начнешь бегать — что бы ты ни делал, отдай это на откуп Богу. Так что просто действуй и не задумывайся о следствиях и результатах. В этом заключается все послание *Гиты*, на котором основывается весь индуизм: отдай все на откуп Богу и не заботься о результатах — все в его руках.

Это манипуляция. Если бы я был на месте Арджуны, я бы столкнулся Кришну с колесницы и сказал: «Я уйду — такова

воля Бога. Кто я такой, чтобы рассуждать? Сейчас все мое существо велит мне отказаться от этой войны — и я уйду. Так мне велит Бог. А кто ты такой? И меня не беспокоит то, что люди сочтут меня трусом. Пусть думают, это их дело».

В действительности, аргументы, приводимые Кришной, были настолько надуманными, что, если бы Арджуна хоть немного владел искусством спора, он мог бы повернуть все по-другому. Кришна говорит: «Просто действуй — и не задумывайся о последствиях». Арджуна должен был ответить: «Замечательно! Тогда я просто поступаю так-то и не буду думать о последствиях» — и развернуть колесницу к лесу. Но он был сбит с толку — возможно, ситуацией или давлением. Он собрал всех этих людей, пригласил их сражаться — и теперь, в последний момент, бежать... «Что скажет мир? К тому же Кришна — воплощение Бога, именно так говорят люди, и если он заявляет: «Сражайся и оставь последствия на волю Бога», — я должен сражаться». Он вступил в битву, и они победили. Но случилось все то, чего он опасался. Страна уже не оправилась и больше никогда не была такой, как раньше. Она потеряла свой стержень, свою стать.

Я бы не стал называть Кришну воплощением Бога. Гораздо ближе к нему Адольф Гитлер, Иосиф Сталин или Мао Цзэдун. Именно этим и занимался Адольф Гитлер; бедный Адольф Гитлер делал то же самое — почему же его осуждают? Он исполнял волю Бога и не заботился о последствиях. Кришна делал то же самое: он заставлял Арджуну делать то, чего хотел *он*, он настаивал на этом — и как минимум на пять тысяч лет вверх страну в упадок. Она до сих пор не избавилась от тени Махабхараты; та Великая война до сих пор отбрасывает тень на Индию.

И вопрошающий последним упоминает Гаутаму Будду. Должно быть, он думает, что уж в отношении Гаутамы Будды я точно соглашусь — но он ошибается. Прежде всего, Гаутама Будда не верит в Бога, не верит в его существование, так что он не согласился бы с тем, что он является образом Бога. Он сам отверг бы такое утверждение — что он образ Бога. Он не

верит в Бога. Он не мог назвать себя воплощением Бога — он такого не говорил никогда.

Сама концепция «воплощения Бога» неприменима к Гаутаме Будде. Кришна родился, будучи воплощением Бога, Иисус родился, будучи единственным сыном Бога, Мухаммад родился, будучи единственным посланником Бога, но в случае с Буддой не происходит ничего подобного. Он родился простым человеком и принялся искать истину. Если бы он был сотворен по образу и подобию Бога, он бы уже ее знал, но ему пришлось искать, долго искать. Будда прикладывал огромные усилия, делал все возможное для того, чтобы найти истину. Он выполнял все, что ему говорили. Он учился у всех известных учителей в стране, пока каждый из них не говорил ему: «Больше я ничему не могу тебя научить. Я дал тебе все, что знаю. Отправляйся к кому-то другому — теперь ты знаешь больше, чем я». Но Будде не хватало этих знаний. Он старался изо всех сил, и это было его главной ошибкой: учителя оказывались сыты им по горло.

Учителя никогда не устают от тех, кто постоянно ошибается. В этом случае учитель доволен, он всегда может сказать: «Ты ошибся тут-то и тут-то, поэтому у тебя не получается. Ты ошибся еще вот здесь, вот почему ты упускаешь». Но этот человек был так прилежен, что выполнял даже больше, чем требовали учителя. Ни один учитель — а он побывал у десятков учителей — не мог сказать, что он потерпел неудачу, так как чего-то не сделал или что-то упустил. Нет, каждый из них понимал, что он сделал все — и все равно ничего не происходило. Он приходил с вопросом: «Ты сказал мне сделать то-то и то-то, и мне кажется, что я полностью это исполнил. Если нет, укажи, в чем моя ошибка, и я исправлю ее». Но ничего не происходило. Вскоре учителя понимали, что им не удастся обманывать и использовать этого человека — он был готов на все.

И наступал момент, когда учитель начинал испытывать страх, потому что сам не знал. Он был всего лишь ученым — пусть даже великим, — он мог научить любым методам, но сам никогда их не использовал. Он не познал истины, не достиг реализации, потому такой человек, как Будда, пре-

вращался для него в знак вопроса — он делал в точности то, что ему говорили, но ничего не происходило.

В конце концов последний его учитель сказал ему: «Не трать свое время на учителей. Я самый сильный из них, многие из них учились у меня. Видя в твоих глазах искренность и подлинность, я хочу сказать тебе: ты должен идти сам. Никто не приведет тебя туда, никто не сможет тебя туда провести — ты должен достичь самостоятельно. Забудь об учителях, забудь об учениях и иди сам. Ты достаточно занимался всеми этими практиками, йогой, мантрами, тантрами и всем остальным». А Индия — это огромный базар, переполненный самыми разными методами и практиками; ты можешь увлечься ими на многие жизни. И им нет конца, всегда появляется что-нибудь новое.

Будда понял, так как потратил на это двенадцать лет — и ничего не достиг. Но в действительности, сам того не понимая, кое-чего он все же достиг: он перестал быть *последователем*. А это великое достижение. На пути к религиозности это самое большое достижение: перестать следовать кому-то.

Он пошел в одиночку. За все те годы у него самого появилось пятеро последователей. Им он тоже сказал: «Простите меня. Я только зря потратил время на всех тех учителей, и я не хочу, чтобы вы тратили его на меня, — идите самостоятельно. Оставьте меня в покое, и я оставлю в покое вас. Я не ваш учитель, а вы — не мои последователи. С этого момента я остаюсь один. Я рискну всем, и если истина где-то есть, я найду ее, а если ее нет, я познаю это».

Этот человек никогда не провозглашал себя сыном Бога, святым, посланником, пророком или воплощением кого бы то ни было, нет. И то, что он нашел, не было Богом. Он нашел абсолютную тишину: ни слова, ни идеи, ни образа. Он нашел невероятное удовлетворение, но не Бога — не было никого, чтобы даже сказать спасибо. Перед ним была вся Вселенная, и он был благодарен ей, но она не была отделена от него, поэтому не вставало вопроса о благодарности — он был частью ее.

Будда никогда не провозглашал себя Богом или его воплощением. Вот почему я люблю его больше всех — он наиболее человечен из всех. Конечно, буддисты испортили все его учение, изваяли его статуи, ему стали поклоняться и сделали из него Бога. Но он не в ответе за это.

Ты не задал мне вопроса, ты высказал утверждение. Тем не менее я ответил тебе, потому что, находясь рядом со мной и неся в своем уме подобные убеждения, ты меня упустишь, неизбежно упустишь.

Ты должен отбросить свои ответы. Мне достаточно твоих вопросов — не хватало еще твоих ответов.

Отбрось их — и я убью твои вопросы.

В день, когда в тебе не останется ни вопросов, ни ответов и ты просто будешь сидеть здесь пустым, ты придешь домой — от невежества к невинности.

Глава II

ИСТИНА: НЕ ДОГМА, НО ТАНЕЦ

Получается, ты против всех религий?

В чем их самая главная ошибка?

Да, я против всех так называемых религий, ибо в них нет ничего религиозного. Я за подлинную религиозность, а не за религии.

Настоящая религия может быть только одна — как и наука. Никто не создает мусульманскую физику, индуистскую физику, христианскую физику — это было бы полным бредом. Но именно это сделали религии — они превратили всю землю в сумасшедший дом.

Если наука одна, тогда почему должно быть множество наук о внутреннем? Наука исследует объективный мир, а религия исследует субъективный мир. Они делают одно и то же, только в разных направлениях и разных измерениях.

В более просвещенный век не будет никакой религии, будет только две науки: объективная и субъективная. Объективная наука будет иметь дело с неодушевленными предметами, субъективная наука будет иметь дело с живыми существами.

Вот почему я говорю, что я против религий, но не против религиозности. Однако эта подлинная религиозность пока еще переживает родовые муки. Старые религии будут делать все что в их силах, чтобы убить, уничтожить ее, ведь рождение науки сознания станет смертью всех так называемых религий, которые на протяжении тысячелетий эксплуатировали человечество.

Что будет с их церквями, синагогами, храмами? Что будет с их духовенством, с их священниками, имамами, шанкара-

чарьями, раввинами? А ведь это большой бизнес. И эти люди не позволят так легко родиться подлинной религиозности.

Но сейчас в истории человечества настало время, когда хватка старых религий ослабевает. Люди только внешне проявляют уважение к христианству, иудаизму, индуизму, мусульманству, но, по существу, любой здравомыслящий человек больше не интересуется всей этой чепухой. По каким-то причинам он может посещать синагогу, церковь или мечеть, но это не религиозные причины, а социальные. Бывать в синагоге выгодно: это престижно и не приносит никакого вреда. Это то же самое, что быть членом Ротари клуба или Клуба Львов. Все религии — это клубы. У них свой религиозный жаргон, но загляни немного глубже — и ты увидишь, что все это фокус-покус — внутри никакого содержания.

Я за религиозность, но эта религиозность не будет повторением какой-либо из известных вам религий. Это будет бунт против всех религий. Это не будет продолжением их работы — это будет полное прекращение их работы и начало новой работы: работы по подлинной трансформации человечества.

Ты спрашиваешь меня, в чем главная ошибка всех этих религий? У них много ошибок, и все они главные, но сначала я хочу поговорить о *самой главной*. Самая главная ошибка всех религий заключается в том, что ни одна из них не имела достаточно мужества, чтобы признать: есть вещи, которых мы *не знаем*. Они все претендуют на то, что знают все: все они всеведущие.

Почему? Потому что, если ты признаешь, будто чего-то не знаешь, в умах твоих последователей возникнет сомнение. Если ты чего-то не знаешь — как знать? — может быть, ты не знаешь и всего остального. Где гарантия? Потому для верности они все без исключения заявляют, что являются всеведущими.

В отношении науки самое замечательное то, что она не называет себя всеведущей. Наука не претендует на всеведение, она признает человеческие ограничения. Она знает, сколько она знает, и также знает, что еще многое остается

непознанным. А самые великие ученые знают даже еще нечто более глубокое. Им известно познанное, границы познаваемого рано или поздно станут известными — они уже на пути к этому. И есть еще непознаваемое: только величайшие ученые вроде Альберта Эйнштейна способны осознать третью категорию — *непознаваемое* — то, что никогда не будет познано. С этим ничего нельзя поделать, потому что высшая тайна не может быть сведена к знанию.

Мы часть Сущего — как мы можем познать высшую тайну Сущего?

Мы пришли слишком поздно, здесь нет свидетелей. К тому же мы не можем полностью отделить себя от существования и стать просто свидетелями — это невозможно. Мы живем, дышим, существуем вместе с Сущим — мы не можем отделиться от него. Как только мы отделимся, мы умрем. А высшую тайну невозможно познать без того, чтобы быть просто *свидетелем*, невовлеченным, непривязанным, отдельным от нее, — значит, такое познание невозможно. Всегда будет оставаться нечто непознаваемое. Да, это можно *почувствовать*, но не *познать*. Скорее, это можно постичь каким-то другим образом, не через познание.

Ты влюбляешься — можешь ты сказать, что *знаешь* любовь? Очевидно, что это совсем другое явление. Ты ее *чувствуешь*. Если ты попытаешься познать любовь, она просто испарится в твоих руках. Ее нельзя свести к знанию. Ее нельзя сделать объектом познания, поскольку это явление, которое не имеет отношения к уму. Оно имеет отношение к твоему сердцу. Да, твое сердце знает ее, но это знание совсем другого рода — рассудок не способен постичь пульсаций сердца.

Однако в тебе есть еще нечто большее, чем сердце: твоя сущность, источник твоей жизни. Ты получаешь знания посредством ума, который является самой поверхностной частью твоей индивидуальности, но кое-что ты можешь познать посредством сердца, которое глубже ума. Ум не может туда проникнуть, для него это слишком глубоко. Но еще глубже, за сердцем, находится твое существо, сам источник твоей жизни. И у этого источника свой способ познания.

Когда познает ум, мы называем это *знанием*. Когда познает сердце, мы называем это *любовью*. А когда познает сущность, мы называем это *медитацией*.

Но все эти три части говорят на разных языках, которые неперевоимы с одного на другой. И чем глубже ты погружаешься, тем сложнее становится переводить, ибо в самом центре твоего существа нет ничего, кроме тишины. А как перевести тишину в звук? Как только ты сделаешь это, тишина будет нарушена. Даже музыка не способна передать тишину. Возможно, музыка передает ее точнее всего, но это все же звук.

Поэзия не подходит так близко, как музыка, так как слова — как бы они ни были красивы — все же слова. В них нет жизни, они мертвы. Как можно перевести жизнь в нечто мертвое? Да, возможно, в паузах между словами иногда случаются проблески — но это между словами, между строками, а не в словах, не в фразах.

В этом самая главная ошибка всех религий: они обманывают человечество, нагло заявляя, что все знают. Но каждый день они подвергаются опасности, и их «знание» подвергается опасности, поэтому они борются с любым прогрессом в познании.

Если Галилей устанавливает, что Земля движется вокруг Солнца, Папа приходит в гнев. Папа непогрешим, он не может ошибаться. Он всего лишь представитель Иисуса — но он не может ошибаться. Что уж тогда говорить об Иисусе, ведь он однородный Сын Бога. А что тогда говорить о Боге... Но в Библии, в книге, сошедшей с небес, написанной самим Богом, говорится, что Солнце вращается вокруг Земли.

И вот Галилей создает проблему. Если Галилей прав, тогда не прав Бог, не прав однородный Сын Бога, не правы все представители однородного Сына Бога на земле за эти две тысячи лет — все непогрешимые Папы — все они не правы. Один-единственный человек, Галилей, разрушает весь обман, раскрывает все лицемерие. Ему нужно заткнуть рот. Он был стар, уже умирал, был почти при смерти, но его заставили, почти притащили в резиденцию Папы, чтобы он принес свои извинения.

И Папа потребовал: «Исправь свою книгу, ведь в Святом Писании не может быть ошибки. Ты всего лишь человек, ты можешь ошибаться, но Иисус Христос не может ошибаться, и Сам Бог не может ошибаться, и сотни непогрешимых Пап не могут ошибаться. Ты пошел против Бога, против Его Сына и Его представителей. Ты должен исправить то, что написал».

Должно быть, Галилей был человеком с огромным чувством юмора, что я считаю одним из главных качеств религиозного человека. Только идиоты серьезны — им приходится быть серьезными, ведь для того, чтобы смеяться, нужно хотя бы немного разума.

Говорят, что, когда англичанину рассказывают анекдот, он смеется дважды: один раз просто из вежливости, из этикета, чтобы не обидеть человека, который рассказал анекдот, и второй раз посреди ночи, когда до него наконец доходит смысл. Немец смеется только один раз, чтобы показать, что он понял. А еврей совсем не смеется, он просто говорит: «Во-первых, все это ты рассказал неправильно...»

Нужен хоть какой-то разум, а у Галилея, конечно, был разум. Он был одним из величайших ученых мира — но его следует также считать одним из самых религиозных людей. Он сказал: «Конечно, Бог не может ошибаться, и Иисус не может ошибаться, и все Папы не могут ошибаться, а бедный Галилей может ошибиться. Никакой проблемы, я исправлю свою книгу. Но имейте в виду: Земля все равно будет продолжать вращаться вокруг Солнца. С этим я ничего не могу поделать — это от меня не зависит. Что касается моей книги, я внесу исправления, но в примечании мне придется написать: “Земля не слушается моих приказов, она все равно вертится вокруг Солнца”».

Религии встречали в штыки каждый шаг науки. Согласно Библии, Земля плоская, а не круглая. Когда Колумб задумал свое путешествие, чтобы доказать, что Земля круглая, его расчет был простым: «Если я буду все время двигаться вперед, однажды я окажусь в том же месте, с которого начал путешествие, — круг замкнется». Но все были против этого.

Папа вызвал Колумба к себе и сказал ему: «Не делай глупостей! В Библии ясно говорится: Земля плоская. Вскоре ты достигнешь края Земли и упадешь. И ты знаешь, куда ты упадешь? Небеса сверху, а вверх упасть нельзя — или ты считаешь, что можно? Ты упадешь вниз, в ад. Так что и не думай об этом путешествии и других людей в него не вовлекай».

Но Колумб все-таки настоял на своем, отправился в путешествие и открыл двери нового мира. Мы даже не сознаем, скольким мы обязаны Колумбу: весь тот мир, который мы знаем, был открыт Колумбом. Если бы он послушал Папу, непогрешимого Папу, который говорил полную чепуху... но это была святая чепуха, очень религиозная.

Все религии мира неизменно утверждают, что они знают все, абсолютно все. И их знание единственно правильное, никаких других возможностей не допускается. Джайны говорят, что их *тирханкара*, их пророк, мессия, всеведущий. Он знает все: прошлое, настоящее и будущее, поэтому все, что он говорит, — абсолютная истина. Будда шутил над Махавирой, джайнским мессией. Они были современниками двадцать пять веков назад. Махавира уже старел, а Будда был еще молод и он еще был способен шутить и смеяться. Будда был молодым и живым, он еще не получил официального признания.

Как только образуется официальная религия, возникают корыстные интересы. У Махавиры была утвердившаяся религия с тысячелетней историей, — возможно, самая старая религия в мире, ведь индусы говорят — и они правы, — что их *Ригведа* является самым древним писанием в мире. Сейчас научно доказано, что *Ригведа* действительно самое старое писание, сохранившееся до наших дней, — а в *Ригведе* упоминается первый джайнский мессия. Это служит достаточным доказательством того, что джайнский мессия жил еще до написания *Ригведы*. И о нем написано, его звали Ришабхдева.

О нем говорится с тем уважением, какое обычно не оказывается современникам. Это человеческий недостаток, но и правда очень трудно проявлять уважение к тому, кто живет одновременно с тобой. Легко уважать того, кто давно умер.

А в *Ригведе* Ришабхдева упоминается с таким уважением, что создается впечатление, будто он жил по крайней мере за тысячу лет до этого, не меньше. Так что джайнизм как религия образовался уже очень давно.

Буддизм же с приходом Будды только зарождался. Будда мог позволить себе шутить и смеяться, поэтому он шутил над Махавирой и над его всемогуществом, всеведением и вездесущностью. Он говорил: «Я видел перед одним домом стоящего и просившего подаяние Махавиру», — Махавира жил обнаженным и обычно просил подаяние, протянув руку. Будда говорил: «Я увидел его, стоявшим перед домом, который был пуст. В доме никого не было — и это человек, о котором джайны говорят, что он знает не только настоящее, но и прошлое, и будущее».

Будда говорил: «Однажды я видел, как Махавира шел впереди меня и наступил собаке на хвост. Было раннее утро и еще не рассвело. И только когда собака отпрыгнула и залаяла, Махавира заметил, что наступил ей на хвост. Всеведущий человек — и не знает, что прямо у него на пути спит собака и он может на нее наступить».

Но то же случилось и с Буддой, когда вокруг него образовалась религия. Спустя три столетия, когда впервые были собраны и записаны его высказывания и утверждения, его последователи авторитетно заявили, что «все написанное здесь абсолютно истинно и всегда будет оставаться истинным».

А в тех записях столько глупостей, которые, возможно, имели смысл двадцать пять веков тому назад, но сегодня они бессмысленны — за это время так много всего случилось. Будда не имел понятия о Карле Марксе, ничего не знал о Зигмунде Фрейде, и, естественно, все, что он написал или сказал, основывалось на знаниях *того времени*.

«Если человек живет в бедности, значит, в своей прошлой жизни он совершил плохие поступки». Но после учения Маркса ты уже не скажешь, что «человек богат, поскольку совершал в своей прошлой жизни добрые дела». После Маркса уже нельзя такое сказать. И я не думаю, что Будда мог предполагать, что появится Карл Маркс, хотя его ученики

говорили, что все, сказанное им, будет истинно всегда, — а это лишь другой способ сказать, что он был всеведущим.

Это было хорошим утешением для бедных — думать, что, если они будут совершать благие поступки, в следующей жизни они тоже станут богатыми. И богатым было приятно: «Мы богаты, потому что в прошлой жизни творили добрые дела». И они прекрасно знали, как хорошо у них идут дела в этой жизни: с каждым днем их богатство растет, — прошлая жизнь давно прошла, а их богатство продолжает увеличиваться. Бедные люди становятся все беднее, а богатые становятся все богаче.

Но в Индии никогда не помышляли ни о каких революциях, об этом нет даже и речи — хотя Индия жила в такой нищете, как никакая другая страна. Индия жила в рабстве дольше, чем какая-либо другая страна мира. Но рабство, нищету, страдание нужно принимать, поскольку все это — результат твоих действий в прошлых жизнях. Ты не можешь восстать против этого. Против кого ты будешь восставать? Единственный выход — это попытаться уравновесить твои плохие поступки благими деяниями. В умах индийцев никогда не возникало даже мысли о революции. Если ты оказался в рабстве, нужно это *принять*.

Индусы знают все ответы. Они говорят: «Ничто не происходит помимо воли Бога». Так что, если ты оказался в рабстве... А Индия была в рабстве две тысячи лет. Это просто чудо, что такая большая страна оставалась в рабстве две тысячи лет. Народы, захватившие Индию, были варварами, всего лишь маленькими племенами по сравнению с Индией. Индийцы могли сокрушить их просто своей численностью, не нужно было даже брать в руки оружие.

Но любому — будь то гунны, монголы, турки, мусульмане или англичане — любому, у кого были амбиции и желание захватить Индию, вход был открыт. Индия была готова к приему — спасибо, что потрудились прийти так издалека! А объяснялось все просто — индусы знали ответ: такова воля Бога. Поскольку ничто не происходит помимо воли Бога, это порабощение — воля Бога. И даже такой человек, как Махатма Ганди... От такого человека, как Ганди, можно было бы

ожидать больше разумности — но нет. Если ты индус, ты не можешь проявить больше разумности, чем положено индусу.

В Бихаре, одной из провинций Индии — беднейшей из провинций, — произошло сильное землетрясение. Эта провинция и так всегда была очень бедной, каждый год там случаются наводнения. А тут еще землетрясение... погибли тысячи людей. И что сказал Ганди? Он сказал: «Бихар терпит лишения из-за своих плохих действий». XX век, землетрясение — и население целой провинции?..

Такое объяснение еще можно принять в отношении отдельного человека — что он страдает в результате своей плохой кармы, но чтобы целая провинция страдала из-за плохой кармы!.. Как будто все эти люди в своих прошлых жизнях жили в той же самой провинции и все они совершали такие плохие действия, что произошло землетрясение. А вся остальная часть Индии не страдает от землетрясений, потому что ее население в прошлой жизни заработало благую карму. Странно!

Это особенно странно, если учесть, что именно в Бихаре родились Махавира, Гаутама Будда, Маххкали Госал, Аджит Кешкамбал — великие учителя и пророки. И Бихар страдает из-за плохой кармы! Ни в одной другой провинции Индии не рождалось столько пророков, философов, мыслителей. И что плохого мог совершить Бихар? Но индуизм знает все.

Я хочу, чтобы ты запомнил: главная ошибка всех религий состоит в том, что им никогда не хватало мужества признать, что *их знание ограничено*. Они никогда не были способны сказать: «Мы не знаем». Они настолько высокомерны, что постоянно продолжают говорить, что они знают, создавая новые иллюзии знания.

Именно в этом отличие, фундаментальное отличие подлинной религии. Да, время от времени появляются отдельные индивиды, обладающие качеством подлинной религиозности... Например, Бодхидхарма, один из самых прекрасных человеческих существ. Он пришел в Китай четырнадцать веков назад. Он жил в Китае девять лет, и вокруг него собрались последователи. Но этот человек не имел отношения к глупости под названием «религия».

Формально он был буддийским монахом, а в Китае буддизм был уже принят. Тысячи буддийских монахов уже находились в Китае, и когда они слышали о приходе Бодхидхармы, они очень обрадовались, потому что он был почти равен Будде. Они были наслышаны о нем задолго до того, как он пришел. И даже король Китая, великий император Ву, приехал на границу между Китаем и Индией, чтобы приветствовать Бодхидхарму.

Ву сыграл большую роль в обращении Китая в буддизм, в переходе от учения Конфуция к учению Гаутамы Будды. Он передал все свои полномочия и все свои богатства в руки буддийских монахов — а он был великим императором. Когда он встретился с Бодхидхармой, он сказал:

— Я очень хотел увидеться с тобой. Я уже стар, и я рад, что ты наконец пришел — мы давно тебя ждем. Я хочу задать тебе несколько вопросов.

Первый вопрос был таким:

— Я использовал все свое богатство, свою армию, весь аппарат власти — все, что у меня есть, — чтобы обратить эту огромную страну в буддизм, и я построил тысячи храмов, посвященных Будде.

В одном построенном им храме было десять тысяч статуй Будды, на это ушла целая гора. Чтобы сделать десять тысяч статуй Будды, пришлось использовать целую гору — она вся была превращена в статуи Будды, гора превратилась в храм.

И он спросил:

— Какая награда ждет меня в мире ином?

Другие монахи, бывало, говорили ему: «Ты столько сделал в своем служении Гаутаме Будде, что, возможно, когда ты окажешься в том мире, он сам выйдет приветствовать тебя. Ты заработал столько заслуг, что тебя ждет вечное наслаждение».

Но Бодхидхарма сказал:

— Все, что ты сделал, совершенно бессмысленно. Ты еще даже не начал свой путь, не сделал даже первого шага, и ты попадешь в седьмой ад — попомни мои слова.

Император Ву не мог поверить:

— Я так много сделал, а этот человек говорит: «Ты попадешь в седьмой ад!»

Бодхидхарма рассмеялся:

— Все, что ты сделал, ты сделал из жадности — а то, что совершается из жадности, не делает человека религиозным. Ты отказался от многих богатств, но сделал это не бескорыстно. Ты хочешь заключить сделку, для тебя это бизнес. Ты хочешь что-то приобрести в ином мире. Ты пытаешься перевести свой банковский счет из этого мира в другой. Ты хитер, ты думаешь: этот мир преходящ, недолговечен — завтра ты можешь умереть, — а другой мир, как тебе сказали монахи, вечен. И что ты решил сделать? Отказаться от временных сокровищ, чтобы приобрести сокровища вечные? Какая блестящая идея! Кого ты пытаешься обмануть?

Когда Бодхидхарма заговорил с императором в таком тоне, перед всеми монахами, генералами и королями, которые пришли вместе с ним, и перед всеми его придворными, тот очень рассердился. Никто прежде не смел с ним так разговаривать. Он сказал Бодхидхарме:

— Разве так должен говорить религиозный человек?

— Да, только так и должен говорить религиозный человек, — ответил Бодхидхарма, — все другие слова будут просто обманом. Эти монахи обманывают тебя, они дают тебе обещания. Ты не знаешь, что произойдет после смерти, и они не знают — но делают вид, что знают.

— Кто ты такой, чтобы так говорить? — спросил Ву.

И знаешь, что ответил Бодхидхарма?

Он ответил:

— Я не знаю. Я говорю так, потому что я не знаю. Я был внутри себя, я достиг самого центра своего существа и вышел оттуда таким же невежественным, каким был прежде. Я не знаю.

Вот это я называю храбростью. Ни одна религия до сих пор не отважилась сказать: «Это мы знаем, а этого не знаем, но, возможно, в будущем мы это узнаем. И, кроме того, есть еще нечто, что всегда будет оставаться непознанным».

Если бы религии обладали такой скромностью, мир был бы совсем другим. Человечество не оказалось бы в таком хаосе, не было бы столько страданий. По всему миру люди

страдают. Что говорить об аде — мы уже живем в аду. Разве возможны еще большие страдания?

И ты называешь людей, ответственных за это, религиозными. Они и сейчас продолжают притворяться, играть в ту же игру. После трех столетий неуклонного наступления науки, которая постоянно разрушает их так называемое знание, открывая все новые факты, новую реальность, Папа по-прежнему остается непогрешимым, *шанкарачарья* остается непогрешимым!

В Джайпуре проходила индуистская конференция, и один *шанкарачарья*... В Индии есть четверо *шанкарачарьев*, они равноценны Папе. Каждый из них управляет одной из сторон света: четыре стороны света — четверо *шанкарачарьев*. Один из *шанкарачарьев* живет в Джайпуре, он родился в Джайпуре. Он был астрологом, большим ученым, и когда прежний *шанкарачарья* умер, его выбрали, чтобы он стал *шанкарачарьей* Джаганнатом Пури.

Я был знаком с ним до того, как он стал *шанкарачарьей*, и на этой конференции я впервые встретился с ним после того, как он был избран.

Я спросил его:

— Наверное, теперь ты стал непогрешимым. А я тебя прекрасно знаю — раньше ты не был непогрешимым. Скажи мне, в какой день, в какой момент ты стал непогрешимым?

— Не задавай на людях неловких вопросов. Теперь я *шанкарачарья*, и предполагается, что я непогрешим, — сказал он.

— Предполагается! — воскликнул я.

Он сказал:

— Это для твоего сведения. Но если ты спросишь меня на публике, я непогрешим.

Поляк стал Папой Римским. Ты когда-нибудь слышал, чтобы какой-либо поляк был непогрешимым? Но один поляк стал непогрешимым. Когда этот поляк умрет — а Папы умирают очень быстро, просто потому, что к тому времени, когда они становятся Папами, они уже почти мертвы. Чтобы достичь Ватикана, требуется так много времени, что, если Папе удастся прожить несколько лет, это уже хорошо. И кого

вы выберете после того, как этот Папа умрет? Сможете ли вы найти еще кого-то непогрешимого?

Подлинная религиозность должна быть достаточно скромной, чтобы принимать тот факт, что нам известно лишь немного; гораздо больше неизвестного, а что-то всегда будет оставаться непознанным. И это что-то — *непознаваемое* — является целью всего религиозного поиска. Его нельзя сделать объектом познания, но можно пережить непосредственно, можно испить его, ощутить его вкус — оно экзистенциально.

Ученый отделен от объекта своего изучения. Он всегда остается отделенным от него, поэтому познание и, возможно, познающий отличен от познаваемого. Но религиозный человек входит в свою субъективность, где познающий и познаваемое едины.

Когда познающий и познаваемое едины, познание невозможно. Да, ты можешь выразить это танцем, но не можешь высказать.

Это может выражаться в твоей походке — в том, как ты идешь. Это может выражаться в твоих глазах — в том, как ты смотришь. Это может выражаться в твоём прикосновении — в том, как ты касаешься. Но словами это выразить невозможно. Слова совершенно бессильны в том, что касается религии. А все так называемые религии изобилуют словами. Все это дерьмо!

В этом главная ошибка. Но есть и другие ошибки, о которых стоит упомянуть. Например: все религии эгоистичны. Хотя они учат своих последователей отбросить эго, быть неэгоистичными, быть скромными, сами религии вовсе не скромны, они очень высокомерны.

Иисус говорит: «Будьте смиренными, будьте кроткими». Но ты когда-нибудь задумывался о том, что сам Иисус не смиренный, не кроткий — вовсе нет. Кто может быть более высокомерным и эгоистичным? Он является единородным сыном Бога! Ты уже не можешь назвать себя сыном Бога или хотя бы его кузеном — ведь у Бога нет братьев. Ты не можешь иметь с Богом никакого родства — единственная родственная связь занята, Иисус закрыл дверь.

Он мессия, и он пришел, чтобы спасти мир, — что-то не видно, чтобы кто-то был спасен, а прошло уже две тысячи лет. Он сам умер в страданиях на кресте — кого ему спасать? Но эта идея: «Я спасу вас, следуйте за мной»... Она стала одним из главных факторов, разрушающих человечество, — ведь каждая религия заявляет, что она единственно правильная, а все другие религии неправы. И религии постоянно сражаются друг с другом, убивают, разрушают друг друга.

Как-то на днях я смотрел одну передачу по телевидению. Раввин, протестантский священник и католический монах дискутировали обо мне. И они пришли к заключению... Раввин предложил: «Пора уже попытаться установить диалог с этим человеком». Я не мог в это поверить: раввин разговаривает с католическим священником и говорит о необходимости диалога. В чем дело? Во времена Иисуса было так много раввинов — почему тогда, с Иисусом, не нужен был диалог? Разве распятие — это диалог?

И этот идиот-католик согласился. Он даже не сказал: «Неужели ты, раввин, веришь в диалог? Что же тогда произошло с Иисусом? Распятие — это что, диалог?» Нет, ничего такого он не сказал. И самого раввина не смутило то, что он предложил. Иисус был иудеем — для раввина было бы вполне нормальным вступить в диалог с иудеем. Если он сбился с пути, нужно попытаться вернуть его на путь истинный. А возможно, он и прав — тогда стоит следовать его путем. Но разве распятие — диалог? Это даже не монолог!

Но теперь они все утвердились. Католику, протестанту и раввину теперь не о чем беспокоиться, потому что они стали частью официальной структуры. Они все занимаются одним и тем же делом, у них один интерес. Иисус создавал трудности, и, пожалуй, диалог был невозможен. Диалог невозможен и со мной — но по другой причине.

С Иисусом диалог был невозможен, потому что он был Мессией — а кто такие вы? Диалог возможен только между равными. Он Сын Бога. А кто вы — его зятья? Ты должен что-то из себя представлять, а иначе какой может быть диалог? Нет, это было невозможно; Иисус был настолько эгоистичен, что раввины прекрасно знали: диалог невозможен.

Раз или два они пытались с ним поговорить. Как-то один раввин спросил его: «На чем авторитете основаны твои слова?» И он ответил: «На моем. И запомните: прежде чем был Авраам, я емь».

Авраам был праотцем, самым древним, а Иисус говорит: «Прежде, чем был Авраам, я емь. Какой еще авторитет тебе нужен?» И этот человек говорил: «Благословенны кроткие», — но сам он далеко не кроток. «Благословенны нищие, благословенны смиренные». Но почему? Почему они благословенны? Они благословенны, потому что они унаследуют Царство Божье.

Станный аргумент! Не имей ничего здесь — и там обретишь в тысячекратном размере. Но что ты там обретишь? — то же самое. Здесь ты беден, там будешь богат. Здесь ты нищий, там будешь королем. Но в чем качественная разница? Лишь в «здесь» и «там», в двух разных пространствах. И люди стараются быть кроткими, смиренными и бедными ради одного: чтобы унаследовать Царство Божье. Этот человек провоцирует и использует вашу жадность. И все религии делают то же самое.

Со мной диалог тоже невозможен — но по другим причинам. Во-первых, я не знаю, кто я, — на эту тему говорить невозможно, — а это самый главный вопрос, который следует выяснить. Но какой тут может быть диалог? Ты либо был внутри себя, либо нет. Если ты был внутри, тогда достаточно просто посмотреть тебе в глаза — вот и весь диалог. А если ты не был внутри, тогда тоже достаточно посмотреть тебе в глаза. Диалог закончится, не успев начаться.

Со мной диалог невозможен, потому что я не ученый. Я не могу цитировать священные писания, я всегда цитирую неправильно. Ну и что? Я не придаю никакого значения этим писаниям. Я не считаю их священными. Это просто религиозная фантастика, и потому нет ничего страшного, если процитировать их неправильно. На самом деле я и не читал их внимательно. Я их просмотрел, заглядывая то там, то здесь, и даже при этом я обнаружил кучу всякой чепухи.

Так что какой со мной может быть диалог, о чем? Необходимо некоторое согласие, а никакого согласия нет,

потому что я говорю, что Бога нет. Какой тут может быть диалог? Тебе придется доказать существование Бога — тогда может начаться диалог. Или привести Бога в качестве свидетеля — и тогда мы сможем обсудить, действительно ли это Бог или просто какой-то мошенник-американец.

Я не верю в существование рая и ада. О чем тут разговаривать? Да, разные религии могут вести между собой диалог, поскольку у них есть точки соприкосновения. Мусульманин, христианин, индус и иудей могут дискутировать о Боге. В этом они все сходятся — Бог есть. Вопрос только в форме, характеристиках, качествах — но в главном они соглашаются. Все они признают рай и ад. Только кто-то из них верит, что адов семь, кто-то — что их пять, а кто-то — что их три. Вопрос лишь в количестве, а это не так уж и важно. А какой диалог возможен со мной?

Когда я увидел эту передачу, я попытался представить, как мог бы начаться этот диалог — с какой темы. У нас нет ни одной точки соприкосновения, потому что все эти религии фальшивые, это не истинные религии, иначе бы...

С Бодхидхармой я бы мог вести диалог. Он говорит: «Я не знаю, кто я». В этом мы с ним согласны — и этого уже достаточно. Теперь мы можем взять друг друга за руки и пойти на утреннюю прогулку. Ничего больше не нужно говорить, все сказано.

Спустя девять лет, когда Бодхидхарма решил вернуться в Индию, он позвал к себе четверых своих главных учеников и попросил их:

— Выразите суть религии одной фразой — так, чтобы я мог увидеть, поняли вы меня или нет.

Первый ученик сказал:

— Религия — это сострадание. Таково главное послание Будды: сострадание.

— У тебя мои кости, но не более, — ответил Бодхидхарма.

Второй ученик сказал:

— Медитация. Оставаться в молчании, в таком полном молчании, чтобы ни одна мысль не возникала внутри: в этом сущность религии.

— У тебя есть моя плоть, но не более. Говоря это, ты лишь повторяешь мои слова. В твоих глазах я не вижу тишины; в твоём лице я не вижу глубины, которую приносит тишина, — сказал Бодхидхарма.

Третий ответил:

— Суть религии не описать словами. Она невыразима.

— У тебя мой костный мозг, — сказал ему Бодхидхарма. —

Но если ее не описать словами, тогда почему ты используешь хотя бы даже эти слова? Ты уже что-то сказал. Даже говоря: «Это не описать, не выразить словами», ты что-то говоришь об этом. Поэтому я говорю, что у тебя только мой костный мозг.

Он повернулся к четвертому ученику. На его глазах выступили слезы, и он упал к ногам Бодхидхармы. Бодхидхарма тряс его и спрашивал снова и снова: «Что есть религия?» Но ответом были лишь слезы радости, и руки ученика в благодарности прикасались к стопам Бодхидхармы... Он не произнес ни единого слова и даже не сказал, что «это нельзя высказать словами, это невыразимо».

Бодхидхарма обнял его:

— У тебя есть я. Теперь я могу идти со спокойной душой, так как оставляю что-то после себя.

А какой диалог может быть с этими раввинами, католическими священниками, протестантскими священниками! Прошло две тысячи лет, а эти раввины до сих пор не извинились за распятие Иисуса. Может быть, он и был эгоистом, может, он и ошибался; возможно, его учение было ошибочным, но никто не имеет права распинать человека — он никому не причинил вреда. Все, что было нужно, — это по-джентльменски объясниться, но они не были достаточно компетентны, чтобы дискутировать с ним.

Распятие — не аргумент. Вы можете отрубить мне голову — но это не аргумент. Это не означает, что я не прав, а вы правы. На самом деле, если вы отрубите мне голову, это будет говорить лишь о том, что вы не способны отстоять свою точку зрения. Сердится всегда слабый. Слабый всегда пытается обратить тебя при помощи насилия. Удивительно,

но за две тысячи лет ни один раввин не извинился. Почему они должны извиняться? Они считают, что они были правы тогда и правы сейчас.

И я все думаю, что же это за католик и что за протестант, которые сидят с раввином и обсуждают меня. Им следовало сначала поговорить о самих себе, о том, почему они сидят вместе.

Все эти люди всегда были эгоистами. Раввины все время учат людей быть смиренными, а сами не в состоянии извиниться — это невозможно. Они даже не упоминают имени Иисуса в своих писаниях, в своих книгах. В иудейских трактатах ты не найдешь ни одного упоминания об Иисусе, о его распятии или о зарождении христианства. Это не достойно даже упоминания. Но с другими религиями положение дел такое же. Мухаммад говорит: «Я единственный посланник Бога. Один Бог, один посланник Бога и одна священная книга, Коран, — если ты веришь в эти три вещи, этого достаточно для спасения».

Это переводит разговор ко второй ошибке: все эти религии всегда были против сомнения. По существу, они боятся сомнения. А сомнений боится только слабый разум — в противном случае сомнение — это вызов, возможность исследовать.

Но они убили сомнение и навязывают всем идею, что если ты сомневаешься, то попадешь в ад и будешь вечно страдать. Никогда не сомневайся. Вера — вот что необходимо. Вера, абсолютная вера — даже частичная вера не годится, нужна абсолютная вера. Чего ты требуешь от человеческого существа? Чего-то совершенно нечеловеческого! Человек... разве он может верить абсолютно? И даже если он попытается поверить полностью, это означает, что у него есть сомнение — а иначе с чем он борется, пытаясь поверить полностью? Сомнение существует, и оно не уничтожается верой, оно уничтожается непосредственным опытом.

Они говорят: «Верьте!» Я говорю: «Исследуйте!»

Они говорят: «Не сомневайтесь!» Я говорю: «Сомневайтесь до самого конца, пока не придете к цели, не узнаете, не почувствуете, не испытаете на собственном опыте».

Тогда сомнение исчезнет само собой, его не нужно будет подавлять, и не нужно будет никакой веры. Ты ведь не веришь в Солнце, в Луну — но почему ты веришь в Бога? Ты не веришь в обычные факты, они и так очевидны, они перед тобой, — но они не являются окончательной истиной.

Утром роза расцветает, а к вечеру увядает. Но ты продолжаешь «верить» в нее, у тебя не возникает никаких сомнений. Твоя вера в цветок розы проста, она не противостоит сомнению. Чтобы ты не путался между простой и сложной верой, у меня для нее есть другое слово — доверие.

Ты доверяешь цветку розы. Он цветет, источает аромат и затем увядает. Вечером ты уже не обнаружишь его — лепестки упадут на землю, их унесет ветром. Но цветок розы не является вечной истиной — для тебя это просто факт. И ты знаешь, что будут расцветать другие розы и снова будет источаться аромат. Нет необходимости в это верить, ты знаешь это на собственном опыте — вчера розы тоже цвели и потом исчезли, а сегодня появились вновь. И завтра в природе все опять пойдет своим чередом.

Но почему ты веришь в Бога? Вчера ты его не видел и сегодня тоже — какая гарантия, что ты увидишь его завтра?

На основании чего ты уверен насчет завтра? Вчера ничего не происходило, сегодня ничего не происходит, и в отношении завтра есть только пустая надежда, надежда вопреки всему. Но именно этому учат все религии: уничтожьте сомнения.

Уничтожая сомнение, ты уничтожаешь в человечестве нечто чрезвычайно ценное, ведь именно сомнение помогает человеку искать и находить. Ты отсекаешь самый корень исследования, и тогда исследование становится невозможным.

Вот почему лишь изредка, лишь время от времени в мире появляется человек, который ощутил вечное, вдохнул вечное, почувствовал пульс вечного — но это бывает очень и очень редко. И кто за это в ответе? Все ваши раввины, все ваши священники, шанкарачарьи и имамы — ответственность лежит на них, это они уничтожили корень исследования.

В Японии выращивают странные деревья. Трехсот- и четырехсотлетние деревья вырастают в высоту всего на пять дюймов. Четыреста лет! Если ты посмотришь на это дерево, оно, несмотря на свой возраст, покажется тебе просто пигмеем среди других деревьев — всего пять дюймов. И это считается искусством! Чтобы добиться этого, у дерева постоянно подрезают корни. Горшок, в котором оно растет, не имеет дна, и время от времени его поднимают и обрезают корни. А когда у дерева обрезают корни, оно не может расти в высоту. Оно становится старше, но его высота не нарастает. Оно становится все старше и старше, но ты разрушаешь его. Оно могло бы стать большим деревом, потому что чаще всего для этого используют дерево *бо*.

Япония — буддийская страна, а Гаутама Будда обрел просветление под деревом *бо*. По-английски это дерево тоже называется *бо*, поскольку под ним Гаутама Сиддхартха стал буддой, обрел *бодхи*, просветление. Полное название — Дерево *Бодхи*, но можно называть и «дерево *бо*». Итак, все эти деревья — деревья *бо*. Но под таким деревом не сможет поместиться ни один будда. Кто знает, скольких будд вы лишили возможности стать буддами, обрезаю корни этим деревьям.

Дерево, под которым Будда обрел просветление, было настолько огромным, что под ним могла разместиться тысяча воловьих упряжек. Вот насколько оно было велико. Оно до сих пор стоит на том месте — конечно, не то же самое дерево, а его разросшийся побег. Мусульмане уничтожили то дерево. Они не могли допустить, чтобы дерево, под которым кто-то стал более великим, чем их Мухаммад, продолжало расти. Они сожгли его, сожгли дотла. Но еще до этого один индийский император, Ашока, отправил его ветку со своей дочерью Сангхамитрой, которая стала сан-ньясинкой, в дар Цейлону.

Сангхамитра привезла ветвь дерева *бо* на Цейлон, и там из нее выросло другое дерево, а от того дерева опять взяли ветку, привезли обратно и посадили на то место, где Будда достиг просветления. Таким образом, это часть того же дерева, но в третьем поколении.

Однако то, что делают с деревьями люди в Японии, показывает нечто важное: именно это религии продельвают и с человеком. Они обрезают твои корни, так что ты не растешь в высоту — ты просто стареешь.

И первый корень, который они обрезают, — сомнение. Тогда прекращается исследование.

Обрезая второй корень, они обращают тебя против твоей собственной природы, заставляя осуждать свою природу. А когда твоя природа осуждается, как ты можешь помочь ей расти и течь, находя свое собственное русло, подобно реке? Нет, они не могут позволить тебе быть подобным реке, текущей непредсказуемо.

Все религии превращают тебя в поезд, который движется по рельсам, от одной станции к другой, — а чаще всего ты просто стоишь на запасном пути, никуда не двигаясь, но все равно на рельсах. Они называют эти рельсы дисциплиной, контролем, самоконтролем.

Религии причинили так много вреда, что почти невозможно подсчитать, — их котел грехов полон и переливается через край. Его нужно выбросить в Тихий океан, на самую глубину — так, чтобы никто не смог его найти и возобновить весь этот идиотский процесс.

Те люди, которые разумны и которых немного в мире, должны освободиться от всего, что их религии сделали с ними без их ведома. Им нужно полностью очиститься от иудаизма, индуизма, христианства, джайнизма, буддизма. Нужно быть совершенно чистыми. Просто быть человеком достаточно.

Прими себя. Уважай себя. Позволяя своей природе идти своим путем. Не принуждай и не подавляй.

Сомневайся! — ибо сомнение не грех, а признак разумности. Сомневайся и исследуй до тех пор, пока не найдешь. Одно могу сказать тебе наверняка: кто ищет, тот находит. Это абсолютно точно, так было всегда. Из подлинного исследования еще никто не возвращался с пустыми руками.

Глава 12

ВЕРА — УБИЙЦА РАЗУМА

Какой самый большой вред причиняют человечеству так называемые религии?

Самый большой вред, который так называемые религии причиняют человечеству, состоит в том, что они мешают ему найти подлинно религиозное сознание. Они претендуют на звание подлинных религий. Все религии мира с самого детства приучают ум человека верить в то, что его религия, религия, в которой он родился, — единственно правильная.

Индус верит, что его религия — единственная истинная религия в мире, а все остальные религии ложны. Точно так же думает иудей, христианин, буддист, мусульманин. Все они сходятся в одном: нет нужды искать истинную религию, истинная религия у тебя *уже есть* — ты в ней родился.

Я считаю это самым большим вредом, потому что без подлинной религиозности человек не может по-настоящему жить — он лишь прозябает. Он остается на поверхности, никогда не достигает глубины, подлинности. Он ничего не знает о своих собственных глубинах. Он знает себя только со слов других; из того, что они говорят. Так же как ты узнаешь свое лицо при помощи зеркала, ты узнаешь себя благодаря мнению других людей — непосредственно ты себя не знаешь. Ты полагаешься на мнение людей, которые находятся в такой же ситуации, как и ты: они не знают самих себя.

Эти религии создали общество слепых людей, они постоянно говорят: «Тебе не нужны глаза». У Иисуса были глаза — зачем христианину иметь глаза? Все, что тебе нужно, — это

верить в Иисуса, и он приведет тебя в рай; просто следуй за ним. Тебе не разрешается думать, ибо мысли могут увести тебя в сторону. Они могут увести тебя с того пути, на который тебя направляют, ведь размышление означает заострение твоего разума, пробуждение сомнения. А это очень опасно для так называемых религий. Эти религии хотят, чтобы ты был тупым, мертвым, неподвижным, они не хотят, чтобы у тебя был разум. Но они хитрят, используя красивые названия: они называют это верой. Однако это не что иное, как убийство твоего разума.

Подлинная религия не потребует от тебя веры. Она требует непосредственного опыта. Она не будет просить тебя отбросить сомнение, — напротив, она поможет тебе обострить твое сомнение — так, чтобы ты мог исследовать до самого конца.

Подлинная религия поможет тебе найти твою собственную истину.

И запомни, моя истина никогда не может стать твоей истиной, ибо истина не передается от одного человека к другому. Истина Мухаммада — это истина Мухаммада, она не станет твоей истиной лишь благодаря тому, что ты примешь мусульманство. Для тебя это останется только верой — и кто знает, знает Мухаммад или нет? Кто знает, может быть, Иисус был просто фанатиком, невротиком. А именно это утверждают все современные психиатры, психологи и психоаналитики: Иисус был психически больным.

Объявить себя единственным сыном Бога, заявлять: «Я Мессия, я пришел спасти весь мир от страдания и греха», — разве это нормально? И скольких людей он спас? Не думаю, что он спас от страдания и греха хотя бы одного. Определенно, у него была мания величия.

Как ты можешь верить? Даже если Гаутама Будда знает истину, ты не сможешь узнать наверняка, знает он или не знает. Да, если ты сам знаешь истину, тогда ты сможешь распознать человека, знающего истину, — ты сможешь уловить ее аромат. В противном случае ты просто веришь в общественное мнение, в массовую психологию низшего пошиба.

Истина приходит к высочайшему разуму.

Но если тебя с самого рождения учат верить, ты превращаешься в калеку, ты разрушаешься. Если с самого рождения тебя обуславливают какой-то верой, ты теряешь свою душу. И тогда ты не живешь, а прозябаешь. Именно в таком положении находятся миллионы людей по всему миру: они прозябают.

Какая жизнь у тебя может быть? Ты даже не знаешь себя. Не знаешь, откуда ты пришел, куда идешь и с какой целью. И кто довел тебя до такого состояния? Вовсе не дьявол, а попы, священники, раввины, *шанкарачарьи* — вот настоящие дьяволы.

Насколько я могу видеть, все синагоги, храмы, мечети, церкви служат дьяволу, а не Богу, поскольку то, что они делают, вовсе не божественно — это чистое убийство, убийство всего человеческого разума.

Но они делают и многое другое. Для причинения такого фундаментального вреда требуется поддержка многих других видов вреда. Например, они лишили Вселенную покровы тайны. Я считаю это одним из величайших преступлений.

Повторю еще раз: *они лишили Вселенную покровы тайны, и я считаю это одним из величайших преступлений.* Но они сделали этот так хитро, так тонко, что ты даже не сознаешь, что произошло.

Что я имею в виду, когда говорю, что они лишили Вселенную покровы тайны? *Они приготовили для тебя готовые ответы.* У каждой религии есть свой катехизис. Христиане спрашивали меня: «Почему бы вам не издать небольшой буклет, что-то вроде вашего катехизиса? У вас столько книг, что очень трудно их все прочесть и понять, в чем заключается ваше послание. А так было бы очень удобно — напечатанный в формате почтовой открытки катехизис, как это делают христиане».

Я им ответил: «В моем случае это невозможно, потому что у меня нет никакого катехизиса. Вам придется прочесть мои книги. Вам придется войти в эти джунгли и *найти* послание. И я не знаю, найдете ли вы его или сами потеряетесь — второе более вероятно».

Но у каждой религии есть катехизис. Что такое катехизис? Еще до того, как ты спросил, тебе отвечают на вопросы, *ответов на которые не существует.* Ребенок не спрашивает, кто создал мир; он еще слишком мал, чтобы задавать такие вопросы. Но религии перехватывают его прежде, чем он успеваает вырасти и у него возникнет такой вопрос. Как только вопрос возник, их ответы уже не помогут.

Когда ребенок начинает спрашивать, кто создал мир, ответ «мир создал Бог» уже бесполезен, потому что ребенок обязательно спросит: «А кто создал Бога?» Это не ответ, потому что вопрос остается тем же самым, он просто немного отступает, на шаг назад. И в конце концов религии говорят: «Бога никто не создавал». Очень странно — ведь, следуя их логике, у всего, что существует, должен быть творец.

Как-то раз одному из моих религиозных учителей, к которому я должен был ходить каждую неделю и слушать его вздор, я сказал:

— Вы говорите, будто у всего, что существует, должен быть творец.

— Конечно, — ответил он.

Тогда я спросил:

— А Бог существует или нет?

Он насторожился: если он скажет, что Бог существует, тогда, согласно его собственной логике, у Бога должен быть творец. И к чему это ведет? К абсурду. Можно продолжать и продолжать: «А» создало «Б», «Б» создало «В», «В» создало «Г» — и дойти до конца алфавита, и «Я» поставит перед тобой все тот же знак вопроса. Ничто не изменится. Вопрос вымышленный, на него не существует ответа.

Но ни одна религия не имеет достаточно мужества сказать: «Существуют вещи, о которых, сколько ни спрашивай, ответа не получишь. Жизнь — это тайна». А жизнь может быть тайной только тогда, когда есть вопросы, на которые невозможно ответить.

Но в таком случае религия теряет над тобой всякую власть. Если есть вопросы, на которые нет ответа, то чем занимались все ваши мессии, ваши посланники Бога и воплощения

Бога?.. Что все они делали? Отвечали на вопросы, ответить на которые невозможно и которые следует оставить без ответа. Честный человек, искренний ум признает тот факт, что вопрос может существовать, но на него может не быть ответа.

Вот почему я говорю, что поэзия гораздо более религиозна, чем ваши так называемые священные книги. Музыка гораздо более религиозна, чем проповеди так называемых апостолов. Живопись гораздо более религиозна, потому что она не дает ответов — скорее, она отражает тайну, которой является существование. Поэзия не дает тебе никаких ответов, она просто отражает: восход солнца, закат, плывущие по небу облака, парящую птицу, радуугу. Она не дает никаких ответов.

Хайку дзэн говорит:

Дикие гуси пролетают над озером.

Естественно, оно их отражает.

Гуси не просят: «Пожалуйста, отрази нас». И озеро не говорит: «Спасибо, что прилетели отразиться во мне». Озеро хранит молчание, гуси хранят молчание; отражение случилось — но ни единого слова ни с одной стороны. Но и это не все: дикие гуси не ждут получить отражение, — если они не будут отражены, они не обидятся. И если дикие гуси никогда не пролетят над озером, озеро не обидится тоже; оно не почувствует себя отвергнутым, униженным. Оно никогда не звало и не приглашало их.

Нечто случается, но вопрос «почему?» не возникает. Поэзия, живопись, музыка... Задавался ли ты когда-нибудь вопросом по поводу великой музыки: «Какой в ней смысл?» Слушая Бетховена или Моцарта, спрашивал ли ты: «Какой в этом смысл?» Или, рассматривая картины Пикассо...

Однажды случилось...

Один мультимиллионер пришел к Пикассо:

— Я хочу приобрести несколько ваших картин.

— Но мои картины очень дорого стоят, — ответил Пикассо.

— Цена не имеет значения. Дайте мне две ваши картины, и, сколько бы они ни стоили — я даже не спрашиваю об этом, — я расплачусь наличными.

Пикассо оказался в затруднительном положении, поскольку на тот момент у него была закончена только одна картина. Он вышел, разрезал картину на две части, принес покупателю две половины и продал их.

Один из его друзей, который был там и все это видел, сказал:

— Прежде всего, эта картина была абсолютно бессмысленной — я никак не мог ее понять. Трудно было даже определить, где у нее верх, а где низ и как ее вешать. Я пытался вешать ее по-разному, но, как ни повесь, она все равно была прекрасна, — а это значит, что она не несет никакого смысла. А теперь ты совершил великое чудо — разрезал эту картину на две части, и тот человек приобрел две картины, у которых заведомо не может быть никакого смысла, ведь теперь каждая из них является лишь половиной — второй половины не хватает.

— Но об этом никто никогда не узнает, — сказал Пикассо. — Я бы мог разрезать ее даже на четыре части. Я сам не знаю, что она означала, но, пока я ее рисовал, я получил такое удовольствие...

У него на глаза навернулись слезы, ему было очень жаль, что картину пришлось продать.

Художники, поэты, музыканты обогащают человеческий ум, ибо не лишают его тайны существования. Наука вначале шла тем же путем, что и так называемая религия. В XVIII веке наука действовала так же глупо, — возможно, потому что был лишь один прецедент: религия. Наука тоже пыталась раскрыть тайну существования, но вскоре осознала, что чем глубже тыходишь в существование, тем больше погружаешься в тайну.

Вскоре наука поняла знаменитое высказывание Сократа: «Тот, кто знает мало, думает, что знает много, а тот, кто знает много, понимает, что знает мало. Идиот думает, что он знает все, а действительно мудрый человек знает только одно: он ничего не знает».

По мере того как твой разум становится все более и более зрелым и тыходишь в существование с разных сторон и

начинаешь чувствовать, проживать и любить его, это становится все больше похоже на поэзию, живопись, музыку, танец, любовный роман — но не на теологию. Медленно, постепенно Сущее обретает такую таинственность, что ты никогда и представить себе не мог, что сидишь на таких несметных таинственных сокровищах. А религии дают тебе готовые ответы.

Перед тобой Сущее, и естественно возникает вопрос: «Кто его создал?» Оставайся с этим вопросом. Не принимай ничьих ответов, потому что кругом опасные торговцы: христиане, мусульмане, индусы, буддисты, джайны, иудеи — самые разные торговцы ищут своих покупателей, пытаются продать им то, что является не чем иным, как отравой.

Они говорят: «Мир создал Бог» или «Мир создал Аллах». Да, они дают тебе ответ, но знаешь ли ты, какой вред они причиняют? Если ты примешь их ответ, твой вопрос умрет. А со смертью вопроса умрет и исследование: ты никогда больше не будешь исследовать. Но если ты продолжишь исследование, я могу тебе гарантировать... А моя гарантия не основывается на Ведах, или Библии, или Коране; она основывается только на моем опыте, на моем личном исследовании. Я говорю тебе с полной гарантией, что если ты будешь продолжать спрашивать, не принимая ничьих ответов — включая мои, — тогда со временем ты обнаружишь, что, хотя ответ так и не найден, *вопрос исчез*.

И это — момент переживания тайны.

Ты видишь разницу? Так называемые религии подавляют твой вопрос, они накрывают его своим ответом, будто этот ответ исходит от самого Бога. Индусы говорят, что Веды были написаны Богом. Полная чепуха, потому что в Ведах столько явно абсурдных вещей, что если они были написаны Богом, то такого Бога нужно низвергнуть.

Все религии придают своим ответам особую важность, значимость и непогрешимость — как если бы они исходили от самого Бога, его сына или его посланника. Все эти стратегии используются для того, чтобы ответ глубоко проник в твое существо и настолько глубоко тебя обусловил, чтобы твой вопрос ушел в подсознание.

Задача истинной религии — отбросить все ответы, отбросить все авторитеты и пробудить твой собственный поиск, твои сомнения, твои вопросы, помочь тебе отправиться на поиски неизвестного. Это опасное путешествие. Религии обеспечивают тебе комфортную жизнь, удобные жизненные условия. Но не существует другого способа жить, кроме как жить рискуя; кроме как быть готовым погрузиться в темноту, искать и исследовать самостоятельно. И я говорю тебе, что *ответа ты не найдешь*. Никто еще никогда не находил ответа. *Все ответы — ложь*.

Да, ты найдешь реальность, но реальность — это не ответ на твой вопрос. Реальность — это смерть для твоего вопроса. И когда вопрос исчезает и нет никакого ответа, ты оказываешься в пространстве тайны.

Подлинная религия — это мистика.

Наука вначале пыталась следовать хорошо проторенным путем старых религий. Но долго этим путем она идти не могла, ведь наука должна констатировать факты, реальность, а религия, так называемая религия, основывается на вымысле. Поэтому религия может продолжать жить в своем вымышленном мире, но науке рано или поздно приходится столкнуться с реальностью. Наука не смогла просуществовать даже одного столетия с мыслью: «Скоро мы раскроем тайну всей Вселенной, скоро мы узнаем все».

Спроси Альберта Эйнштейна или лорда Резерфорда... Спроси этих людей, которые проникли в глубочайшие тайны материи, — и ты увидишь, что их высказывания подобны высказываниям мистиков, они очень скромны. Прежний эгоизм ученых XVIII и XIX веков полностью исчез. Теперь ученый — самый скромный человек в мире, потому что он знает, что все познать невозможно.

Мы можем научиться жить более эффективно, мы можем научиться жить дольше, мы можем сделать свою жизнь более комфортной — но *мы не можем познать, что такое жизнь*. Этот вопрос до конца останется вопросом.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь тебе снова стать *незнающим*.

Религии всегда делают тебя знающим, и в этом их вред. Они вручают тебе все христианское учение в форме катехизиса, который можно выучить за час на ходу и повторять, как попугай, — так легко, так просто. Но так ты не узнаешь истину, реальность, то, что окружает тебя снаружи и наполняет внутри. Катехизис не даст тебе этого.

Но отбросить знания — это самая большая проблема, потому что знания питают твое эго. Эго хочет обладать всеми знаниями, какими только возможно. И когда я говорю, что вы должны отбросить всю свою осведомленность и снова стать детьми, я имею в виду, что ты должен вернуться к тому моменту, когда раввины и священники завладели твоим вниманием. Ты должен начать снова с той же точки.

Ты должен стать невинным, несведущим, ничего не знающим — чтобы у тебя снова начали возникать вопросы. Тогда исследование возобновится; а когда происходит исследование, ты не можешь просто прозябать.

Тогда жизнь становится приключением, экспериментом. Все вокруг обретает аромат тайны.

Тогда ты не сможешь просто пройти мимо зовущей тебя цветущей розы. Ведь что есть ее аромат, как не зов? Это ее язык; она говорит: «Пожалуйста, побудь со мной немного. Здесь так холодно, так одиноко». Ты не сможешь пройти мимо, ни один ребенок не сможет пройти.

Но раввины, пандиты, *маулви*, ученые так обременены книгами, их умы так переполнены всяким хламом — все эти люди собирают антиквариат, мертвые скелеты, — что они не услышат зова розы. К тому же они и так все знают. Они знают даже, кто создал Бога, кто создал мир, кто создал душу, — что уж там говорить о бедной розе.

Но спроси поэта, и он скажет: «Роза — это роза». Что это такое? Ответ? Или вопрос? Это не вопрос и не ответ. Это просто описание, отражение: он просто говорит о том, что видит. Он не цитирует писания. Но есть люди, которые постоянно...

Около десяти лет назад я был в Калькутте, и ко мне пришел один человек — известный ученый, профессор философии, доктор Бхаттачарья; он был хорошо известен в философских кругах во всем мире. И он спросил меня:

— Можешь ли ты мне сказать — этот вопрос не дает мне покоя, — существует ли святой язык, отличный от обычного языка?

— Странный вопрос, — ответил я, — он никогда не приходил мне в голову. Язык есть язык. Какое отношение язык имеет к святости? Но я могу понять твой вопрос, потому что индусы считают санскрит священным языком, божественным языком.

Именно поэтому брамины, каста священнослужителей, всегда удерживали на него монополию.

Большая часть индийского общества не знает санскрита. Женщинам вообще не разрешается его изучать. Для женщин специально создали другие писания, которые представляют собой просто истории, религиозные истории, не имеющие никакой значимости. Но что-то нужно было дать женщинам, чтобы они не требовали от браминов настоящих писаний. А они не хотели печатать и издавать настоящие писания, ведь, как только они начнут издаваться, будет очень трудно удерживать на них монополию. Поэтому многие столетия — даже когда уже появилась печать — Веды не издавались. Потом они стали говорить, что Веды нельзя переводить на другие языки, потому что тогда вся их святость будет утрачена. И опять прошли столетия, прежде чем удалось добиться их перевода. Но брамины и сейчас убеждены, что переводы Вед не обладают оригинальным качеством святости. Разве Веды могут быть написаны на английском, немецком или французском языках? Эти языки не божественные — так считают индусы.

Однако и другие не уступают им в глупости. Евреи считают языком Бога иврит. Когда он разговаривал с Моисеем, он говорил на иврите. Одним из грехов Иисуса было то, что он говорил не на иврите, а на арамейском. Арамейский был языком самого низшего класса, и Иисус был сыном плотника, а вовсе не единородным сыном Бога — иначе он знал бы иврит. Даже с Богом он говорил на арамейском, а это греховный поступок — говорить с Богом на языке простых людей.

Так что я сказал доктору Бхаттачарье:

— Я понимаю твой вопрос — хоть он и глуп, но с точки зрения ученого человека он логичен.

— Глупый и логичный одновременно?! — удивился он.

— Тут нет никакого противоречия, — сказал я. — Глупцы и ученые — это одни и те же люди. Кто-то называет их глупцами, а кто-то называет учеными — кто еще станет ученым, как не глупец? Зачем? Когда перед тобой все существование, когда повсюду пульсирует жизнь, ты корпишь над книгами!

Мне вспоминается... но об этом немного позже. Сначала закончим с профессором Бхаттачарьей. Я сказал ему:

— Да, между святым и несвятым языком существует разница.

Тебя не должно вводить в заблуждение имя профессора Бхаттачарьи. В Бенгалии фамилия Бхаттачарья обычно принадлежит высшему классу браминов, но его отец был нищим и принял христианство. И именно благодаря христианству он получил образование в монастырских школах и потом его послали учиться в лучшие колледжи на Запад. Он был христианином, потому я сказал ему:

— Это настолько же просто, как обычное выражение: «Сукин сын».

— Ты меня обзываешь! — возмутился он.

— Я не обзываю тебя, — сказал я, — я просто привожу пример. Обычно люди говорят: «Сукин сын». А если это перевести на святой язык, то получится: «Сын Святого Духа». Вот и вся разница. Но, на мой взгляд, первое выражение по крайней мере более человеческое, правдоподобное и возможное. А второе не свойственно человеку; не истинно, невозможно.

Теперь позвольте рассказать вам то, о чем я вспомнил. Одним из величайших поэтов Индии был Рабиндранат Тагор. Он единственный индийский поэт, получивший Нобелевскую премию. Но дело не в том, что нет других поэтов. На самом деле есть много гораздо более талантливых поэтов, чем Рабиндранат Тагор, — но они пишут на своих родных языках.

В Индии тридцать основных языков, и они так красивы, что их невозможно перевести на английский. Рабиндранат получил Нобелевскую премию лишь потому, что он мог писать стихи на английском — сначала он писал на бен-

гальском языке, а потом сам переводил на английский — причина только в этом.

Иначе прямо сейчас в Индии можно найти сотню поэтов, достойных Нобелевской премии, но никто никогда о них не услышит, потому что Нобелевская премия не назначается для тех языков, на которых они пишут.

Но Рабиндранат, будучи сыном очень богатого человека, воспитывался и получил образование в Англии, так что для него это не было проблемой. Хотя он сам никогда не считал, что смог передать на английском то, что писал на бенгальском, он получил Нобелевскую премию за одну из своих книг, сборник стихов «Гитанджали». Когда он писал «Гитанджали», он жил в маленьком плавучем домике, путешествуя по реке в одиночку и останавливаясь там, где ему понравится. Именно в те дни он сочинял свои стихи.

Однажды в ночь полнолуния он писал о полной луне, о красоте полной луны, сидя в маленькой комнатке своего плавучего дома и не сознавая, что полная луна сияет снаружи. Он находился в одном из самых прекрасных мест на реке; на протяжении многих миль не было ничего, кроме полной тишины. Лишь изредка эту тишину нарушал шум водопада, после которого тишина становилась даже еще глубже.

Он не знал — он сидел со свечой и писал о полной луне, о ее красоте. Посреди ночи, почувствовав себя усталым, он задул свечу, и как только он задул свечу... Позже он напишет в своем дневнике: «Случилось чудо. Я был потрясен: как только свеча погасла, отовсюду, изо всех уголков...» Такие плавучие хижины в Бенгалии делают из бамбука, и сквозь щели бамбуковых стен хижины полился лунный свет.

На мгновение он замер. Он никогда не переживал такой тишины. Он вышел наружу, увидел луну и заплакал. Тогда он вернулся внутрь, разорвал стихи, которые написал о луне, о ее свете, о ее красоте, и написал в своем дневнике: «Я был так несправедлив к луне, к тишине ночи. Мое стихотворение было полной чепухой, оно не передавало даже тысячной доли. Луна стучалась в мою дверь, а я был так поглощен работой над своей книгой, что не слышал этого. В своем

стихотворении я говорил о тишине, а тем временем снаружи была такая глубокая тишина — никогда прежде я не переживал такой тишины и никогда впоследствии. Если бы я просто лег спать, не задувая свечи, я бы так и не узнал ее. Небольшого пламени свечи было достаточно, чтобы помешать пролиться внутрь лунному свету».

Эти люди обременены книгами и словами, которые не являются их опытом. А пока что-то не станет твоим опытом... не обманывай себя. Обладание знаниями может быть очень обманчивым. И именно религии ответственны за то, что люди становятся знающими.

Они должны помогать людям становиться невинными, они должны помогать им становиться незнающими, они должны помогать им спрашивать, искать и исследовать. А вместо этого преподносят тебе все на блюдечке, дают все ответы, которые тебе необходимо *найти*. И ты даже не осознаешь, что теряешь, когда получаешь эти подарки. А теряешь ты все. Ты живешь заимствованной жизнью, ведь тебе говорят, *как ты должен жить*. Тебе говорят, как организовывать свою жизнь. Тебе говорят, как контролировать свое поведение, свою природу, и ты слепо следуешь этому, не понимая простого принципа: Гаутама Будда может родиться только один раз. За двадцать пять веков миллионы людей пытались стать Гаутамой Буддой и ни одному из них это не удалось.

И очень хорошо, что это никому не удалось, — было бы очень плохо, если бы кто-то добился в этом успеха. Это никому не удалось, потому что каждое существо по-своему уникально. Гаутама Будда был по-своему уникален, и ты по-своему уникален. Ты не должен следовать за ним, как и он не должен следовать за тобой. Последователь становится подражателем. А как только ты становишься подражателем, ты теряешь контакт со своей жизнью. Вот что я имею в виду, когда говорю, что ты начинаешь прозябать. Ты играешь чью-то роль и полностью забываешь свою настоящую жизнь.

В моей родной деревне каждый год ставят спектакль о жизни Рамы. Однажды я был на спектакле, и вот что случилось... Это было так смешно и так многозначительно...

В этой истории жену Рамы Ситу похитил Равана. Рама и его брат Лакшмана собрали армию и пошли сражаться. После того как Сита три года провела в заточении на Шри-Ланке, они начали войну. Равана был великим воином. Рама и Лакшмана тоже были великими воинами, но они были молоды, а Равана был опытным стрелком, и первая же его стрела поразила Лакшману. Всем было известно, что тому, в кого попадет его стрела, уже не выжить.

Немедленно вызвали лучшего врача, чтобы он что-нибудь сделал. Врач сказал: «Ему может помочь только одно средство. На юге Индии есть гора Аруначала. На этой горе растет небольшое растение, *сандживани*, и оно обладает живительной силой. Если в течение двадцати четырех часов это растение будет доставлено, тогда есть надежда. А иначе по прошествии двадцати четырех часов уже ничего нельзя будет сделать, яд распространится по всему телу». Лакшмана был уже в коме.

Один из учеников Рамы, Хануман, который тоже был великим воином, сказал: «Я сейчас же отправлюсь и принесу это живительное растение, *сандживани*, — только дайте мне какое-нибудь указание, признак, по которому я смогу его найти, — к тому времени когда я прибуду на место, будет уже ночь».

Врач сказал: «Найти его очень просто, особенно ночью. Днем его найти гораздо сложнее, но ночью оно испускает свет, и ты легко его найдешь. От него исходят лучи, как будто оно горит огнем».

Согласно легенде, Хануман был королем обезьян и сам был обезьяной. Все индусы говорят, что так и было на самом деле. И Хануман полетел — не знаю, как это возможно, но он полетел. В общем-то, обезьяны почти летают, перепрыгивая с дерева на дерево. По крайней мере я знаю, как это сделали в спектакле: его обвязали веревкой, веревку двигали, и он показывался перед публикой парящим над сценой.

Когда он добрался до горы, возникла проблема. Дело в том, что гора, вся гора светилась. Хануман оказался в затруднении. Было так много светящихся растений — которое из них *сандживани*? Может быть, все? Он стал рассматривать

растения — они были разными... Что же делать? Но он был сумасшедшим преданным — он взял всю гору!

В религиозных историях возможно все: Иисус ходит по воде, превращает воду в вино, камни превращает в хлеб — все возможно. Так что Хануман пришел обратно с горой. Но что же случилось в этом спектакле?

Хануман возвращался с горой — гора была сделана из картона, и он держал ее, вися на веревке. В какой-то момент веревка застряла, и он завис в воздухе на полпути! Публика — а там собралось как минимум пятьдесят тысяч человек, потому что люди обычно отовсюду приезжали, чтобы посмотреть этот спектакль, — кричала и свистела. Рама стоял на сцене, Лакшмана лежал в коме, врач сидел рядом с ним. Суфлер тем временем продолжал подсказывать Рама его реплики согласно сценарию, и Рама произнес: «О Хануман, где ты?» — а Хануман висел у него над головой — «Куда ты пропал? Возвращайся скорее — если ты не придешь до восхода солнца, мой брат умрет!»

Режиссер-постановщик не знал, что делать. Он выбежал на сцену и пытался как-нибудь высвободить веревку, но ничего не получалось. Он так нервничал, что от растерянности в конце концов перерезал веревку. И Хануман вместе со своей горой упал прямо на Лакшману. Лакшмана вскочил, но Рама, невзирая ни на что, продолжал говорить то, что ему подсказывали: «О Хануман, ты пришел как раз вовремя...»

Хануман закричал: «Заткнись! Иди к черту со своим братом! Сначала скажи мне, кто обрезал веревку, — сначала я разберусь с ним, а потом уже продолжим спектакль». А он был известным силачом в городе, поэтому режиссер сбежал, опасаясь, как бы Хануман не переломал ему кости.

Так вот, наблюдая за всем этим, я заметил одну вещь: хотя актер играл роль Ханумана, в тот момент, когда он упал с веревки, он совершенно забыл о спектакле. Он кричал: «Иди к черту!» — он кричал «иди к черту» своему Богу! Он говорил: «Иди к черту со своим братом! Сначала скажи мне, где режиссер! Кто обрезал веревку? Сначала главное — спектакль подождет». Конечно, все его слышали и все пятьдесят тысяч зрителей смеялись.

Гора развалилась на куски, а Лакшмана уже поправился, так что не было необходимости... Врач просто незаметно выскользнул через заднюю дверь. Растение *сандживани* было уже не нужно — Лакшмана стоял на сцене и смотрел на происходящее. Пришлось опустить занавес и увести всех актеров со сцены. Ханумана заменили — когда поднялся занавес, на сцене был уже другой актер — первый был так зол, что никак не мог успокоиться: «Пока я не найду этого постановщика, я не буду играть. Я его из-под земли достану!»

Всего лишь небольшой удар, и, кого бы ты ни изображал — Будду, Христа или Кришну, — все это мгновенно исчезнет; достаточно одного удара по голове. Подражание не может войти в твое существо, оно всегда будет оставаться на поверхности. Ты можешь практиковать на протяжении тридцати, сорока лет... Некоторые монахи практикуют по пятьдесят лет. Есть католические монастыри, из которых монах уже не может выйти до конца своей жизни. И в этих монастырях живут тысячи людей. Что они делают? Непрестанно прикладывают усилия, стараясь стать хотя бы немного похожими на Христа — если не полностью, то хотя бы отчасти. Но такое подражание не поможет. Ты можешь создать себе фальшивую, ложную маску, но стоит ее чуть-чуть поскрести, и под ней обнаружится все тот же человек, которым ты являешься. Существование не обманешь подражанием, ты можешь обмануть только самого себя.

Религии, давая тебе идеалы — что делать, что думать, каким быть, — всем тебя обеспечивают. Тебе ничего не остается делать, тебе нужно только слепо *следовать*. Так что неудивительно, что все человечество ведет себя как слепое.

Но кто за это ответствен? За это ответственны все религии, они делают тебя фальшивым, искусственным. Они объясняют тебе во всех подробностях, что тебе есть, а чего не есть; во сколько ложиться спать и во сколько вставать, — ты находишься под полным контролем. Ты превращаешься в робота. И чем больше ты похож на робота, тем более святым тебя считают. Тебя начинают почитать и уважать. Чем менее ты естествен, тем большим уважением пользуешься. И если

в какой-то момент ты проявишь свое подлинное естество, ты потеряешь всякое уважение.

Когда я был в Хайдарабаде, один джайнский монах, слушая меня, так заинтересовался, что решил оставить монашество. Он пришел в дом, где я остановился, и я сказал хозяину дома:

— Он сделал великий шаг, так что будь осторожен — джайны теперь ему не простят. Много лет они почитали этого человека, прикасались к его стопам, но теперь они захотят его убить, так что будь осторожен и постарайся его обезопасить. Через три дня я уеду, и тогда я заберу его с собой — надо отвезти его в какое-нибудь место, где он мог бы пожить несколько месяцев, не подвергаясь угрозе со стороны джайнов.

Но в тот день у меня должна была состояться лекция в зале муниципалитета Хайдарабада, и джайнский монах настойчиво просил:

— Я хочу пойти с тобой.

Я не видел в этом никакой проблемы и поэтому сказал:

— Хорошо, можешь пойти.

Но когда мы прибыли на место, я увидел, что там собралась вся джайнская община. Узнав, что я собираюсь выступать в городском зале, они просчитали, что монах, скорее всего, тоже придет — «тут-то он и попадется».

Увидев всю ситуацию, я сказал монаху:

— Поднимись вместе со мной на сцену и сядь позади меня. Посмотрим, что произойдет.

Мэр представил меня, но он еще не закончил говорить, как сотни людей поднялись со своих мест и потребовали:

— Мы хотим, чтобы этого джайнского монаха убрали со сцены.

Мэр растерялся: я был его гостем, а монах пришел вместе со мной — он был *моим* гостем. Тогда я сказал мэру:

— Сядьте на место, я сам все улажу.

Я спросил этих людей:

— Вы хотите опять прикоснуться к его стопам?

— К каким стопам! — зашумели они. — Мы отрежем ему голову!

— Давайте разберемся, — сказал я. — Сколько лет он был монахом — двадцать? Он стал монахом, когда ему было всего лишь двадцать лет, а сейчас ему сорок. На протяжении двадцати лет вы прикасались к его стопам, спрашивали его совета — и вдруг, не прошло и нескольких часов, вы хотите отрезать ему голову. Что случилось? Это тот е самый человек. Прежде вы не считали себя достойными сидеть рядом с ним, а теперь вы требуете, чтобы его убрали со сцены и посадили на пол рядом со всеми. Что изменилось? Можете вы мне объяснить, что изменилось?

Они ответили:

— Все изменилось — он больше не джайнский монах.

— Верно, — сказал я, — он больше не носит одежду джайнского монаха — но разве вы поклонялись одежде? Я принес ее с собой.

Его одежда лежала у меня в сумке, он этого даже не знал. Я вытащил одежду, положил ее на сцену и сказал:

— Можете прикоснуться к одежде — *вот* ваш монах. Этот человек не имеет к вам никакого отношения, вы никогда не прикасались к *его* стопам. Так что незачем на него так злиться и стремиться отрезать ему голову. Вы не прикасались к его стопам, и вы не должны отрезать ему голову. Этот человек посторонний для вас, но его одежда и чаша для подаяния — вот они, перед вами. Можете делать с ними, что хотите: хотите, прикасайтесь к стопам, хотите, отрежьте голову.

И я им сказал:

— Поймите простую вещь: двадцать лет следования дисциплине...

А джайнов нельзя обмануть, потому что пятеро монахов живут вместе. Монахам не разрешается жить по одному, ведь кто знает? Если монах один, он может делать что-то такое, что не соответствует правилам. Четверо шпионят за пятым. По сути, они все шпионят друг за другом.

Им нельзя ночевать в чьем-нибудь доме, они должны ночевать только в храме, потому что в доме может случиться все что угодно. Там женщины, разная еда, а эти люди голодны до еды, до женщин, до всего. Они всегда голодны.

Им разрешается есть только раз в день, и им нельзя прикасаться к женщине. Что там прикасаться, им нельзя даже *смотреть* на женщину. Чтобы монах случайно не увидел женщину, ему предписывается все время смотреть в землю, на четыре фута впереди себя, когда он идет. Только так монах должен ходить — если ему повстречается женщина, в таком случае он увидит лишь ее ноги и больше ничего.

Монаху не разрешается ночевать в домах мирских людей, потому что — кто знает? Ночью он может открыть холодильник. Голодный человек — это голодный человек. В храмах же нет ни холодильников, ни еды, ни воды. Им ночью нельзя даже пить воду.

Я сказал:

— Двадцать лет вы почитали этого человека, как бога. А сейчас, только из-за того, что он снял свою одежду, поменял одежду, вы готовы убить его. Вы проповедуете ненасилие, а говорите, что отрежете ему голову.

А монаху я сказал:

— Видишь, каковы эти люди: все они прикасались к твоим стопам. Это было взаимное соглашение: они оказывали тебе уважение, а ты был их рабом. Чем больше ты становишься их рабом, тем больше их уважение. Если ты полностью потеряешь свою индивидуальность, станешь фальшивым, они будут носить тебя на руках. Но стоит открыться реальности, и они тут же становятся твоими врагами.

Нет, никто не может навязать тебе дисциплину. Ты должен найти ее сам, благодаря собственной осознанности. Когда люди спрашивают меня, как им следует жить, что они должны делать, а чего не делать, я им просто говорю: «Вы не понимаете меня. Все мое послание — все больше и больше становитесь самими собой».

В первую очередь нужно быть самим собой.

А во-вторых, нужно узнать, кто ты есть.

Так что оставайся собой, будь естественным. Старайся все больше и больше осознавать этот жизненный поток, текущий в тебе. Кто бьется в твоём сердце? Кто стоит за твоим дыханием?

Просто все больше и больше осознавай — что ты делаешь, о чем думаешь, что чувствуешь, — просто будь бдительным, наблюдателем на холме. И это наблюдение поможет тебе найти твою *собственную* дисциплину.

Наблюдение поможет тебе решить для себя, что есть и чего не есть, что делать и чего не делать. Благодаря постоянному наблюдению и осознанию ты сможешь отбросить многие ненужные вещи, которые стали просто лишним грузом, и выбрать только то, что гармонирует с тобой — не обременяет, а приносит облегчение.

Тот, кто живет осознанно, живет правильно. А тот, кто подражает и *реагирует*, живет неправильно. На мой взгляд, существует только один грех — не быть самим собой. И существует только одна добродетель — знать себя.

А все религии этому препятствуют. Пора освободиться от всего этого вздора, которым прошлое засорило наши головы.

Если бы вы снова могли стать Адамом и Евой: когда не было еще никакого Моисея, Махавиры, Мухаммада, Иисуса, Конфуция, Лао-цзы... Вы Адам и Ева; вы только что родились и выходите из райского сада — не у кого спросить, что вам делать, не у кого спросить, какой дисциплине следовать; нет ни священников, ни раввинов, ни пап, — что вы будете делать?

Вот это и делайте!

Глава 13

БЛАЖЕНСТВО — ЭТО ЗНАТЬ,
ЧТО НИКТО НЕ ДЕРЖИТ ТЕБЯ ЗА РУКУ

*Что важнее в твоём понимании религиозности:
быть собой или познать себя?*

Ты считаешь, что это разные вещи? Разве можно познать себя, если не являешься собой? И наоборот, разве можно быть собой, если не знаешь, кто ты? Быть собой и знать себя — это не разные вещи, вопрос выбора не стоит. Это два аспекта единого процесса.

Нужно работать над тем и другим одновременно — ни тем, ни другим нельзя пренебрегать. Но легче начать с того, чтобы быть собой — это легче, ведь тебя отвлекли от себя другие люди. Ты не сам надел все те маски, которые носишь. Тебя против твоего желания заставили быть кем-то другим, не собой, потому легче просто это отбросить.

От рабства любого вида легче освободиться, ведь инстинктивно никто не хочет быть рабом. Это не присуще ни одному живому существу, будь то человек или кто-то еще. Рабство противоречит самому существованию, отбросить его легче. Рабство всегда является грузом, и глубоко внутри ты всегда продолжаешь бороться с ним. Даже если на поверхности ты подчиняешься, внутри ты никогда его не примешь. В самом центре своего существа ты всегда его отвергаешь, так что отбросить его легче.

В этом нет ничего сложного. Просто, что бы ты ни делал, о чем бы ни думал, какие бы решения ни принимал, не забывай спрашивать себя: это исходит от тебя или это говорит кто-то другой? И ты с удивлением обнаружишь, что

на самом деле слышишь чей-то голос, — возможно, это твоя мама, она снова тебе что-то говорит. Возможно, твой папа — это совсем не трудно определить. Все это остается внутри тебя, записанное в том самом виде, в каком впервые было тебе сказано: совет, приказ, поучение, распоряжение.

Ты можешь обнаружить голоса многих людей: священника, учителей, друзей, соседей, родственников. Не нужно с ними бороться. Просто, зная, что это не твой голос, а голос какого-то другого человека — кем бы этот человек ни был, — ты решаешь, что не будешь ему следовать. К каким бы последствиям это ни привело, хорошим или плохим, теперь ты будешь поступать самостоятельно, теперь ты станешь взрослым. Ты уже достаточно долго был ребенком. Ты уже достаточно долго оставался зависимым. Ты слушал все эти голоса и следовал им. И к чему это привело? К одним неприятностям.

И как только ты определишь, чей звучит голос, попросишься с ним, ведь человек, который тебе это говорил, тебе не враг, у него были самые добрые намерения. Но дело не в его намерениях, а в том, что он тебе что-то навязал — то, что не исходит из твоего собственного внутреннего источника. А все, что приходит извне, превращает тебя в психологического раба.

Только твой собственный голос может привести тебя к цветению, к свободе. Да, сначала путь будет казаться тебе опасным, ведь ты прежде всегда держался за руку отца, священника, раввина, матери, а когда ребенок держится за руку отца, ему не страшно, он в безопасности. Он может положиться на отца. Но теперь ты держишься за его руку только в воображении — отца рядом нет, это просто иллюзия. И тебе лучше знать, что ты идешь один и никто не держит тебя за руку, — в таком случае ты будешь искать свои собственные способы защитить себя от опасностей.

Опасно верить в то, что ты находишься под защитой, в то время как в действительности тебя никто не защищает. Это ситуация миллионов людей по всему миру. Они думают, будто защищены, что они под защитой Бога и многого другого.

Но Бога нет. Защищать тебя некому. Ты один, и тебе следует радоваться своему одиночеству. На самом деле, это невероятно здорово, что никто не держит тебя за руку.

Мой дед очень любил меня именно за мое озорство. И он сам в своем преклонном возрасте любил озоровать. Он не любил моего отца и моих дядев за то, что они не одобряли его проказ. Они все говорили ему: «Тебе уже семьдесят лет, и ты должен вести себя соответствующим образом. Твоим сыновьям уже за пятьдесят, твоей дочери пятьдесят лет, твои внуки уже женились, и у них появились свои дети, а ты делаешь такие вещи, что нам стыдно».

Он дружил только со мной, а я любил его как раз за то, что он даже в семьдесят лет оставался ребенком. Он так же любил проказы, как любой ребенок. Он подшучивал даже над своими сыновьями, дочерьми и зятьями, и они были просто в шоке.

Я был его единственным поверенным, мы вместе замыслили свои проказы. Конечно, многие вещи он не мог делать — их должен был делать я. К примеру, его зять спал в комнате, а сам дед не мог забраться на крышу, но я мог. Поэтому мы сговаривались: он подсаживал меня, я забирался на крышу, отодвигал черепицу, просовывал туда бамбуковую палку с привязанной к ней щеткой и ночью шекотал лицо зятя... Он кричал, и сбегался весь дом:

— Что случилось?

Мы к тому времени уже скрывались, а он говорил:

— Кто-то коснулся моего лица — наверное, дух, привидение. Я пытался его схватить, но не смог — было темно.

Мой дед был как невинный младенец, и я видел, какой огромной свободой он обладает. Он был самым старшим в нашей семье и должен был быть самым серьезным, обремененным множеством проблем и забот, но его ничто не беспокоило. Когда возникали проблемы, все беспокоилось, становилось очень серьезными, и только он не беспокоился. И только одно мне не нравилось — именно поэтому я о нем сейчас и вспомнил, — я не любил спать с ним в одной постели. У него была привычка спать с накрытым лицом, и я тоже должен был накрывать свое лицо, а от этого мне было трудно дышать. Я говорил ему:

— Я все могу понять, но этого мне не вытерпеть. Ты не можешь спать с открытым лицом, а я не могу спать с накрытым лицом — я задыхаюсь. Ты делаешь это из любви.

Он прижимал меня к своей груди и полностью накрывал.

— Это замечательно, но к утру мое сердце перестанет биться. У тебя самые добрые намерения, но утром ты будешь живой, а я умру. Поэтому наша дружба возможна только за пределами кровати.

Он хотел, чтобы я с ним спал, потому что любил меня. Он спрашивал:

— Почему ты не ложишься со мной спать?

Я отвечал:

— Ты прекрасно знаешь: я не хочу, чтобы меня кто-то задушил, пусть даже и из добрых побуждений. Ты любишь меня, и тебе хочется держать меня около своего сердца даже ночью.

Еще по утрам мы часто ходили на длительные прогулки, а иногда и ночью, когда была луна. Но я никогда не позволял ему держать меня за руку. И он всегда спрашивал:

— Но почему? Ты можешь упасть или споткнуться о какой-нибудь камень.

— Так лучше, — говорил я. — Пусть я споткнусь — это меня не убьет. Но зато я научусь не спотыкаться, быть бдительным, научусь запоминать, где лежат камни. А если ты будешь держать меня за руку — как долго ты сможешь это делать? Как долго ты будешь со мной? Если ты гарантируешь, что всегда будешь со мной, тогда, конечно, я согласен.

Он был очень честным человеком и потому говорил:

— Этого я не могу гарантировать, я даже насчет завтра не могу обещать. Одно можно сказать наверняка: ты будешь жить долго, а я скоро умру, поэтому я не смогу всегда держать тебя за руку.

— Тогда, — сказал я ему, — мне лучше начать учиться сейчас, иначе однажды ты оставишь меня одного, беспомощного. И если ты приучишь меня держаться за твою руку, у меня будет только две возможности: либо я начну жить в иллюзии, что Бог-отец...

Почему Бога называют «отцом»? На самом деле, в мире существует два типа религий. Одни религии называют Бога «матерью», другие называют его «отцом». Большинство религий называют Бога «отцом» по той простой причине, что большая часть мирового общества патриархальна, в ней

царствует мужской шовинизм. Но кое-где есть еще маленькие племена, в которых сохранился матриархат, где женщина занимает более высокое положение, чем мужчина. Естественно, в таких обществах Бог не может быть мужчиной — там он является матерью.

Однако ни в одном обществе Бога не называют «дядей». Это странно, очень странно, потому что *дядя* более старое слово, чем *отец*. *Отец* — относительно новое слово, оно не так давно появилось в языке. Чем дальше назад ты посмотришь, тем больше обнаружишь обществ по всему миру, в которых мать заботилась обо всем — так же, как у всех других животных и птиц. Все функции отца заканчивались после того, как женщина беременела.

В прежние времена было даже трудно определить, кто является отцом. Поэтому всех мужчин предполагаемого возраста отца — кто-то из них был отцом, — всех мужчин предполагаемого возраста отца называли дядями. Так что *дядя* — более древнее слово, гораздо более престижное. Слово «отец» появилось значительно позже, когда мужчины стали владеть женщинами. Оно пришло вместе с частной собственностью. Когда люди начали владеть частной собственностью — собственной землей, собственными домами, — они захотели знать наверняка, кто их сын, потому что он должен был унаследовать все это. Тогда в систему вошла моногамия: мужчина должен жениться на одной женщине, а женщина должна всегда оставаться верной и преданной ему — чтобы она не зачала от кого-нибудь другого и чужой сын не унаследовал вашу собственность. Так что моногамия — это экономический вопрос, а не психологический.

За собой же мужчина оставил полную свободу. Он создал проституток и всякие другие способы обойти моногамию, не беспокоя женщину. Но женщина должна быть абсолютно предана мужчине не только в жизни, но даже в смерти.

В Индии женщина должна была умереть вместе с мужем — она должна была живой прыгнуть в погребальный костер, на котором сжигали ее мужа, поскольку муж был очень ревнив: «Где гарантия, что после моей смерти жена не

заведет отношения с кем-то еще?» А все из-за того, что собственность, которую он накопил, — он ее зарабатывал, ради нее он эксплуатировал и обкрадывал других — не должна была достаться кому-то чужому. Она должна перейти его кровному наследнику.

И вот, если однажды ты не находишь руку отца, ты начинаешь создавать иллюзию: Бог-отец — который, конечно, невидим — держит тебя за руку и ведет.

Я сказал деду:

— Я не хочу оказаться в ситуации, когда мне придется создавать иллюзию и жить в ней. Я хочу жить в реальной жизни, а не в вымышленной. Я не герой какого-то романа. Поэтому оставь меня одного, позволь мне падать. Я попробую подняться сам. А ты жди и просто наблюдай — в этом будет больше сострадания ко мне, чем если ты будешь держать меня за руку.

Он понял меня и сказал:

— Ты прав — наступит день, когда меня с тобой не будет.

Не будет ничего плохого, если несколько раз ты упадешь, поранишься, снова поднимешься, несколько раз собьешься с пути. В этом нет никакого вреда. Как только обнаружишь, что ты ушел в сторону, — возвращайся. Жизнь познается путем проб и ошибок.

Так что, когда ты начнешь прислушиваться к головам — а они все записаны в точности так, как они звучали когда-то, — ты удивишься, если попытаешься разобраться, кто это говорит. Ты просто рассмеешься: «Это же моя мать. Я не видел ее двадцать лет, а она все еще пытается управлять мною». Возможно, она уже мертва, но из своей могилы продолжает держать тебя за горло. У нее нет плохих намерений, но она калечит тебя.

Обычно я говорил своему отцу: «Не давай мне никаких советов, даже если я попрошу. Ты должен быть в этом отношении очень прямолинеен. Просто скажи мне: “Решай сам”. Не давай мне советов». Ведь если можно легко получить совет, зачем что-то решать самому?

Я постоянно говорил моим учителям: «Пожалуйста, запомните одно: мне не нужна ваша мудрость, просто учите

меня своему предмету — и все. Вы учитель географии, а пытаетесь учить меня нравственности. Какое отношение нравственность имеет к географии?»

Я помню этого беднягу, моего учителя географии. Он был в затруднительном положении, когда я вытащил кое-что из кармана ученика, сидевшего рядом со мной. Я вытащил у него деньги, и учитель сказал мне:

— Нельзя этого делать.

Я ему сказал:

— Это не ваше дело. Вы учитель географии, а это вопрос нравственности. Если хотите, я готов пойти с вами к директору. Нигде в учебнике географии... Я читал его, и нигде там не написано, что нельзя брать чьи-то деньги. Деньги — это просто деньги. У кого они находятся, тому и принадлежат. Сейчас они мои. Несколько минут назад они были его, но он их потерял. Ему следует быть более бдительным. Если хотите дать совет, дайте ему.

Во-первых, зачем приносить столько денег на урок географии? Здесь нечего покупать, здесь ничего не продается, здесь не может быть никакой торговли. Зачем он принес сюда деньги? Ну а если уж он их принес, то должен быть внимательным. Он сам виноват, а я просто воспользовался удобным случаем, на что имею полное право. Каждый имеет право воспользоваться ситуацией.

Я помню этого беднягу. У него всегда возникали трудности со мной. Когда он встречал меня за пределами класса, он говорил мне:

— Можешь делать все, что захочешь, только не вноси столько философии в бедную географию. Я ничего не знаю о философии, я знаю только географию. А ты так поворачиваешь вопрос, что я даже ночью продолжаю думать, имеет ли он отношение к географии, или к религии, или к философии.

Прямо перед моей школой росло два прекрасных дерева кадамба. У дерева кадамба очень ароматные цветы, и я обычно сидел на тех деревьях, когда сбегал с уроков. Это было самое лучшее место, поскольку под деревом проходили учителя, директор и никто даже не предполагал, что там

могу прятаться я — кроны были густыми. Но когда проходил учитель географии, я не мог удержаться и не бросить пару камешков ему на голову. Он смотрел вверх и говорил:

— Что ты там делаешь?

Однажды я ему ответил:

— Сейчас не урок географии. Вы нарушили мою медитацию.

— А как насчет тех двух камней? — спросил он.

— Просто совпадение, — сказал я. — Я просто бросил камешки — удивительно, что вы проходили именно в этот момент. Я поразмыслю над этим. Вы тоже можете подумать — как такое могло случиться?

Он часто приходил к моему отцу и говорил: «Это заходит слишком далеко». У него была лысая голова, а на хинди «лысый» — это *мундэ*. Его имя было Чотелал, но все его называли Чотелал Мундэ. И даже «Чотелал» говорили редко, достаточно было просто Мундэ, потому что он один был совершенно лысым. Когда я проходил мимо его дома, я обычно стучал в дверь, и, если открывала его жена или кто-то еще, они говорили:

— Зачем ты его мучаешь? Ты мучаешь его в школе, ты мучаешь его на рынке, ты мучаешь его, когда он идет купаться на реку.

Однажды его жена открыла дверь и сказала мне:

— Ты прекратишь мучить Мундэ или нет?

А он стоял прямо позади нее.

Он схватил жену и закричал:

— Ты тоже называешь меня Мундэ! Из-за этого мальчишки весь город стал называть меня Чотелал Мундэ, а теперь и моя жена туда же. Я убью тебя, если ты еще раз назовешь меня Мундэ. Я могу простить кого угодно, но моя собственная жена, в моем собственном доме...

Учителям я всегда говорил: «Пожалуйста, не отклоняйтесь от темы и не давайте мне советов, которые не имеют отношения к вашему предмету, потому что я хочу сам исследовать свою жизнь. Пусть я совершу много ошибок, много промахов. Я готов совершать ошибки и промахи, ведь это единственный способ научиться».

По-другому научиться невозможно. Если сделать обучение полностью «разжеванным», исключив любую возможность ошибок и промахов, ты станешь просто попугаем. Ты будешь повторять слова, фразы, не вполне понимая смысл того, что говоришь.

Итак, вначале определи голоса, которые звучат внутри тебя, — это легко. Каждый раз, решая что-то сделать, сначала сядь молча и прислушайся к голосу, который советует тебе делать это или не делать. Попробуй определить, чей это голос. Как только ты определишь, что это твой отец, мать, дядя, учитель, тетя, брат, дальше все очень легко — поблагодари брата и скажи ему: «Ты так добр ко мне. Хотя ты уже умер, ты продолжаешь заботиться обо мне. Но сейчас, пожалуйста, оставь меня в покое».

Как только ты скажешь какому-то голосу твердо: «Оставь меня в покое», — твоя связь с ним, отождествление с ним будет разорвано. Он может управлять тобой лишь до тех пор, пока ты думаешь, будто это твой собственный голос. Все дело в отождествлении. Когда ты думаешь: «Это мой голос, это моя мысль», ты поступаешь соответственно. Но теперь ты будешь знать, что это не твоя мысль, не твой голос, но нечто чуждое твоей природе.

Этого знания достаточно. Просто будь благодарен отцу: «Ты все еще заботишься обо мне, но я уже не нуждаюсь в твоей заботе. Ты вырастил меня, и я стал достаточно взрослым, чтобы заботиться о себе самостоятельно».

Освободись от голосов, которые звучат внутри тебя, и вскоре ты с удивлением услышишь тихий, едва заметный голос, которого ты никогда раньше не слышал, — ты не сможешь определить, кому он принадлежит. Нет, это не голос матери и не голос отца. Это не голос священника или учителя... И ты вдруг осознаешь, что это *твой собственный* голос. Вот почему ты не можешь определить, кому он принадлежит.

Этот голос всегда звучал, но он очень тихий и слабый, его подавили еще в то время, когда ты был маленьким, слабым ребенком и голос был очень слабым, как молодой росток, а его завалили сверху всяким хламом. И вот теперь ты про-

должаешь носить весь этот хлам и совершенно забыл о том ростке, который есть твоя жизнь, — а он все еще жив и ждет, когда ты его обнаружишь.

Открой в себе этот голос! И затем следуй ему безо всякого страха.

Куда он тебя поведет, там и есть цель твоей жизни, там твоя судьба. И только там ты найдешь удовлетворение. Только там ты расцветешь — и через это цветение придет познание.

Как ты можешь познать себя? Ты еще даже не вырос. Возможно, ты еще только семя, возможно, не появился еще даже росток. Каждая религия берет на себя все заботы: немедленно несите ребенка на крещение, сделайте ребенку обрезание, ведите ребенка на какую-нибудь индуистскую церемонию. А ребенок совершенно не понимает, что с ним делают.

Подождите — даже для того, чтобы иметь право голоса, ему придется ждать двадцать один год, даже для какой-то политики ему придется ждать двадцать один год. А разве для религии не требуется зрелость? Возможно, только в сорок два года человек будет готов к тому, чтобы принять решение насчет религии. Но никак не тогда, когда он только что родился и за него решают другие.

Да, конечно, ты можешь взять его на выборы. Ты можешь дать ему бюллетень и его ручкой бросить бюллетень в избирательную урну. Ты можешь заставить его выбрать президента, премьер-министра. Но ребенок совершенно ничего не поймет — что происходит: что это за ящик и что за бумажка?

Но вы так не делаете. Вы понимаете: чтобы человек хоть что-то понимал в политике, он должен достичь хотя бы двадцати одного года — хотя бы. Но что касается религии, вы совсем не даете ему времени. И на то есть причина. Вы боитесь — потому что, если вы дадите ему время и не запудрите ему мозги до того, как он начнет думать сам, начнет слушать свой собственный голос, у вас уже не будет никакого шанса. Вам уже никак не удастся сделать его иудеем, христианином, индусом или мусульманином.

Возможно, он когда-нибудь станет религиозным, но это будет *его собственный поиск*. Возможно, однажды он найдет

путь, ведущий к тишине, способ войти в самый сокровенный центр существования, но это будет его собственная находка.

И запомни одно: все, что ты находишь сам, приносит экстаз. Если же тебе что-то дадут в готовом виде, пусть даже самого Бога, ты не получишь никакой радости.

Но посмотри, как радуется ребенок, когда бежит по берегу моря и находит ракушку, в которой нет никакой ценности.

Когда я был маленьким, я приходил с реки, и все мои карманы... У меня всегда было много карманов, я настаивал, чтобы на моей одежде было много карманов.

Отец говорил:

— Это выглядит нелепо. Люди меня спрашивают... От тебя всегда одни неприятности, и без всякого повода. Зачем тебе четыре кармана спереди и два по бокам?

Я отвечал:

— Они мне нужны. У нас с тобой разные потребности. Я же не говорю тебе, что у тебя должно быть много карманов или не должно их быть, — это твое дело.

Мне нужны были карманы, потому что, когда я ходил на реку, я находил такие сокровища, так много красивых, разноцветных камней, что часами ходил по берегу и собирал их. И я приходил домой с полными карманами — мой вес увеличивался почти вдвое.

Отец, завидев меня, говорил:

— Так вот для чего тебе нужны карманы? Ты что, сумасшедший? Зачем ты все время приносишь эти камни? А потом нам приходится каждый день их выкидывать.

— Ты не понимаешь, — отвечал я. — Можешь их выкидывать, но если ты способен понять простую вещь... Я испытываю такой восторг, такую радость, когда нахожу эти камни. Меня не интересуют твои деньги, меня не интересует ничто другое — я просто собираю камни.

Мне доставляло такую радость искать их, находить, бродя вдоль берега реки, — просто найти красивый камень.

Однажды отцу так надоело все это, что он позвал четверых рабочих и сказал им:

— Идите на реку и принесите столько камней, сколько сможете, ведь он тратит на это массу времени каждый день.

И они принесли полные корзины камней. Они знали, где их взять, — а я понятия не имел, что поблизости есть шахта, — и они вывалили камни в моей маленькой комнате, где у меня был свой собственный мир, куда никто не должен был входить. Отец сказал:

— Можешь оставить все эти камни у себя. Теперь тебе больше не нужно ходить на реку, ничего нового ты уже не найдешь — мы собрали для тебя все виды камней, всех цветов... А то ты тратишь столько времени...

Я сказал ему:

— Ты разрушил мою радость. Дело было не в камнях, а в том, что я их находил. А теперь — вот лежат тысячи камней, и я не чувствую никакой радости. Убери их. Ты разрушил нечто важное.

— Но я думал, что ты любишь камни, — сказал отец.

— Нет, дело не в любви к камням, а в поиске, — ответил я. — Камни — только повод. Можно искать камни, можно искать бабочек, можно искать цветы, можно искать истину, но запомни, радость всегда в поиске, а не в том, что ты находишь, — это всего лишь повод.

— Тебя ничем не обрадовать, что ни сделай.

— Это верно, — ответил я. — Никогда не пытайся сделать другого человека счастливым. Это невозможно. Ты можешь сделать меня несчастным — это возможно, — но счастливым... Быть счастливым или не быть — это мое абсолютное, неотъемлемое право. Ты не можешь принудить меня быть счастливым — это принуждение. Ты хочешь сделать меня счастливым, вывалив передо мной все эти камни?

И нечто подобное происходило постоянно, по любому поводу. Постепенно, постепенно все начали понимать, что этот мальчик несколько странный и лучше оставить его в покое.

Когда я был еще очень маленьким, у меня были длинные волосы, как у девочки. В Индии мальчики не носят таких длинных волос — во всяком случае в то время это было не принято. А у меня были очень длинные волосы, и когда я входил — а чтобы войти в наш дом, нужно было пройти через магазин, потому что дом располагался позади мага-

зна, — и вот, когда я входил, там был отец и покупатели, и они спрашивали:

— Чья это девочка?

Отец смотрел на меня и отвечал:

— Что поделать? Он никого не слушает.

Ему было обидно.

— Не стоит обижаться, — говорил я ему, — нет ничего страшного в том, как меня называют другие: мальчиком или девочкой, — это их дело; для меня нет никакой разницы.

Но ему было обидно, что его мальчика называют девочкой. Просто понятие о мальчике и девочке... В Индии, когда рождается мальчик, звучат гонги, играет музыка, поют песни, по всей округе раздают сладости. А когда рождается девочка, ничего не происходит, ничего! Сразу можно узнать, если родилась девочка, — не слышно ни гонгов, ни колокольчиков, ни музыкантов, ни песен — ничего не происходит, никто не раздает конфеты, — значит, родилась девочка. И никто не зайдет спросить, потому что это обидит родителей — им придется ответить, что родилась девочка. Отец будет сидеть понурый... Родилась девочка.

Поэтому мой отец говорил:

— Странно — у меня мальчик, а мне приходится страдать, как будто у меня девочка.

Однажды он по-настоящему рассердился, потому что человек, который спросил обо мне, был очень важной персоной. Это был сборщик налогов нашего района. Он сидел в магазине и, увидев меня, спросил:

— Чья это девочка? Странно, она одета как мальчик — и так много карманов, и все набиты камнями?

Отец сказал:

— Что поделаешь? Это мальчик, а не девочка. Но сегодня я остригу ему волосы, хватит!

И он принес ножницы и остриг мне волосы. Я не произнес ни слова. Я пошел в парикмахерскую, которая была прямо напротив нашего дома, и попросил парикмахера... Он был опиумным наркоманом — очень хороший человек, но иногда он мог сбрить половину твоих усов, а про другую половину забыть. Можно было сидеть в его кресле,

с салфеткой, повязанной вокруг шеи, а он все не приходил. И приходилось идти его искать. Куда он ушел? Это было нелегко, никто не знал, куда он ушел. Да и куда ты пойдешь с половиной усов? Но я любил ходить только к нему, потому что это занимало много часов.

Он рассказывал тысячу разных вещей, совершенно не связанных и ни к чему не относящихся. Я получал большое удовольствие. Именно благодаря этому человеку, Натуру — его звали Натур, — я узнал, каков человеческий ум. Впервые я познакомился с человеческим умом благодаря ему, поскольку он не был лицемером. Он говорил все, что приходило ему на ум. В сущности, между его умом и его языком не было никакой разницы! Он просто произносил все, что происходило в его уме. Если он спорил с кем-то в уме, он начинал спорить вслух — а рядом никого не было. Один я никогда не спрашивал его: «С кем ты споришь?»

Поэтому он был всегда рад мне, так рад, что никогда не брал с меня денег, если я приходил подстричь ногти или за чем-то еще.

В тот день я пришел к нему и сказал — мы обычно называли его *кака*, что означает дядя:

— *Кака*, если ты в порядке, побрей мою голову наголо.

— Хорошо, — ответил он. Он не был в порядке — иначе бы он отказался, потому что в Индии голову бреют только в том случае, если у тебя умер отец, иначе наголо никто не стрижется. Видимо, он принял изрядную дозу опиума, и он побрил меня наголо.

— Отлично, — сказал я.

Я пришел домой. Отец посмотрел на меня и спросил:

— В чем дело?

Я сказал:

— Какой смысл — ты остриг мои волосы ножницами, и они вырастут снова. Я решил покончить с этим. И *кака* согласился. Я попросил его, и он сказал, что согласен: «В любое время, когда нет клиентов, можешь приходить и я тебя побрею наголо, и денег не надо». Так что не беспокойся. Он обслуживает меня бесплатно, так как его никто не слушает, кроме меня.

Отец сказал:

— Но ты прекрасно понимаешь, что проблем теперь будет еще больше.

И тут же подошел какой-то человек и спросил:

— Что случилось? У этого мальчика умер отец?

Без этого никто...

— Видишь! — воскликнул отец. — Было лучше, когда ты был девочкой. А теперь я умер! Отращивай волосы как можно скорее. Иди к своему *каке*, этому наркоману, пусть что-нибудь сделает, иначе у меня будут большие проблемы. Весь город, все начнут приходить. Ты ходишь по всему городу, и все будут думать, что твой отец умер. Все начнут приходить.

И все действительно стали приходить. Это был последний раз, когда он что-то со мной сделал. После этого случая он сказал:

— Я больше ничего не буду делать, ведь это приводит к еще большим проблемам.

— Я ни о чем не просил, — ответил я, — я просто делаю свое дело. Тебе не нужно было вмешиваться.

Я никогда не позволял ему давать мне советы. Вскоре всей моей семье стало понятно, что я терпеть не могу советов — что бы мне ни говорили, я все делал наоборот, чтобы отучить их давать мне советы.

Я говорил им:

— Если вы посоветуете мне что-нибудь, я сделаю полностью наоборот, так что лучше не давайте мне советов. Я не хочу всю жизнь носить в себе ваши голоса, — пожалуйста, не засоряйте мой ум. Я хочу слушать свой собственный голос, если он есть. А если его нет, то мне хорошо и так. Меня вполне устраивает мое естество.

Постепенно они поняли, что в мои дела лучше не вмешиваться, да в этом и не было смысла, поскольку это приводило к еще большим проблемам — я начинал делать что-то такое, что доставляло им еще больше беспокойства.

В конце концов дошло до того, что, бывало, когда я сидел в комнате, моя мама оглядывалась вокруг и говорила:

— Никого нет. А я хотела, чтобы кто-нибудь сходил на рынок за овощами.

Я отзывался:

— Я тоже никого не вижу. Здесь никого нет, только я сижу — никого нет.

Меня не брали в расчет, не считали кем бы то ни было — я был никем. Она могла смотреть на меня и говорить:

— Я никого не вижу.

И она соглашалась со мной:

— И я никого не вижу, комната пуста.

И она уходила, чтобы найти кого-нибудь, чтобы отправить его на рынок.

С того момента как они признали меня никем... я заметил, что именно с того момента перестал слышать голоса. А это произошло где-то в возрасте девяти или десяти лет. Им пришлось признать меня никем — ни в чем не рассчитывать на меня, не поручать мне никаких дел, даже самых мелких.

Потому что, бывало, мама говорила мне:

— Сходи принеси дюжину бананов, — и я шел. Рынок был недалеко, всего в четверти мили — наш город был небольшим. Но пока я туда шел, я встречал так много людей, завязывалось так много разговоров, что к тому времени, когда я попадал на рынок, я забывал, зачем пришел. Кроме того, рынок уже закрывался. Нужно было скорее что-то покупать, потому что солнце уже садилось или давно село.

Тогда я возвращался домой и спрашивал:

— За чем ты меня посылала?

— Тебе ничего нельзя поручить, — отвечала мать. — Я просила сделать простую вещь: купить дюжину бананов — а ты приходишь через пять часов с пустыми руками и снова спрашиваешь.

Я отвечал:

— Что поделать? Мне повстречалось столько людей, нужно было решить столько проблем, столько вопросов, было столько споров. Когда я пришел на рынок, я уже обо всем забыл, поэтому мне пришлось вернуться и спросить.

Все перестали надеяться, что я могу быть чем-то полезным, — но это мне невероятно помогло. Мало-помалу в своем собственном доме я стал отсутствующим. Все про-

ходили мимо меня, как будто никого не было. Со мной не здоровались. Меня ни о чем не спрашивали.

И, насколько я помню, с тех пор я не слышу никаких голосов. Но до десяти лет они меня очень одолевали, и когда я начал работать над собой, мне пришлось встретиться со всеми этими голосами и сознательно их отбросить. Это не сложно, нужно просто осознать, что это не твой голос, а голос твоего отца, матери или раввина, — и с благодарностью сказать ему: «Спасибо, что был со мной все это время, но теперь все, хватит. Теперь мы расстаемся».

И как только ты освободишься от всех голосов, только тогда... потому что среди толпы на рыночной площади, в которую ты превратился внутри себя, практически невозможно услышать свой собственный голос. Это будет началом того, чтобы быть собой; дальше случится гораздо большее — но это естественно, тебе не нужно ничего для этого делать.

Все, что тебе нужно, — это избавиться от голосов, которые заглушают твой собственный голос. И как только это произойдет, начнет расти твое собственное видение, твое собственное понимание. Понемногу, понемногу ты начнешь осознавать проблемы, которые никогда раньше не осознавал — у тебя были готовые ответы. Впервые ты начнешь слышать чрезвычайно важные вопросы — раньше ты даже не подозревал, что они у тебя есть.

А свой собственный вопрос всегда очень важен, именно потому, что это твой собственный вопрос, и в самом этом вопросе заключен ответ.

Только если вопрос твой собственный, в нем заключен ответ. Но все так называемые доброжелатели постоянно дают тебе свои собственные вопросы и ответы. Никого не интересует, твой ли это вопрос, твой ли это ответ. В действительности они боятся, что однажды ты можешь найти свой собственный вопрос. А как только ты найдешь свой вопрос, все их ответы окажутся недействительными, все их писания окажутся чепухой. И они опасаются, что, как только ты обретешь свое собственное существо, ты станешь индивидуальностью.

Обществу не нужны индивидуальности. Оно хочет, чтобы ты был христианином, хорошим христианином, хорошим

иудеем, хорошим индусом, respectableным. Оно не хочет, чтобы ты был индивидуальностью, потому что индивидуальности живут и действуют свободно. Индивидуальность лучше умрет, чем позволит сделать себя психологическим рабом.

А как только ты индивидуальность, познать себя становится очень просто, потому что тогда ты *являешься* собой. Тогда тебе достаточно только закрыть глаза и посмотреть, кто ты есть.

Так что не разделяй свой вопрос на две части. Не спрашивай меня, что важнее — быть собой или познать себя. Я понимаю, почему возник этот вопрос. Есть известный афоризм Сократа: «Познай себя», а современная психология пришла к пониманию, что необходимо «быть собой». Отсюда возникает вопрос: что важнее? Сократа нельзя отнести к прошлому. Есть люди, которые всегда будут оставаться современниками. Сократ один из тех, кто всегда будет современным. Когда он говорит: «Познай себя», он подразумевает, что, не будучи собой, познать себя невозможно. Чтобы познать себя, необходимо быть собой, — это две стороны одной медали.

Но для начала будь собой, ведь так многое в тебе было нарушено, так многое было у тебя отнято, так многое отделено. Твое существо покрыто столькими слоями личности, что тебе придется делать в точности то же, что делают с луковицей: счищать слой за слоем. Когда ты снимаешь с луковицы один слой, под ним обнаруживается другой, более свежий. Ты удаляешь его, а там еще один, еще более свежий, более живой. Точно так же и с тобой: ты покрыт слоями личности.

Слово *личность* (по-английски *personality*) заслуживает внимания. Оно происходит от корня *персона*. В Древней Греции в театре актеры играли в масках, и они говорили через маску. *Сона* означает «звук». *Персона* означает «звук, исходящий из маски». Ты не видишь самого человека, ты только слышишь звук, который исходит от маски. От этого слова *персона* и произошло английское слово *personality*, личность. И это в буквальном смысле так: твоя личность —

не что иное, как множество масок. И все, что ты говоришь или делаешь, исходит от маски; это никогда не является подлинно твоим, на этом нет твоей подписи. Так что сначала отбрось все свои личности.

И запомни, личность у тебя не одна. Обычно люди думают, что у них одна личность, — вовсе нет. У тебя их много. У тебя в запасе имеется множество личностей, и когда тебе нужна другая личность, ты тут же меняешь маску. Ты мгновенно становишься другим человеком, не проходит даже секунды. Это стало почти автоматическим — смена одной личности на другую. И этих личностей так много, что ты даже не сможешь их сосчитать. Чем больше у человека личностей, тем более он искушен и тем большим уважением пользуется в обществе. Конечно, его личности дают ему больше возможностей. Они позволяют ему делать много такого, что не могут делать другие.

Гурджиев часто подшучивал над своими учениками. Он сидел в центре, один ученик с одной стороны, другой — с другой. А он очень много работал над личностями. Он работал так целенаправленно, что научился, как многие актеры, изображать... Сидевший с одной стороны ученик видел, что он в очень хорошем настроении, а ученик с другой стороны видел, что он так зол, что с ним лучше не заговаривать, — он может ударить или сделать еще что-нибудь. Он мог одной половиной лица улыбаться, в то время как другая половина оставалась мрачной и серьезной. Этому трудно научиться, но возможно. В этом нет ничего исключительного — актеры, великие актеры, постоянно это делают.

Ты смотришь фильм и не задумываешься над тем, что в один момент актер должен смеяться, а в другой — плакать. Когда снимается кино, он постоянно меняет личности. Ты видишь только историю, которую тебе показывают, но что происходит с актером? Он влюбляется в женщину, которую ненавидит, и демонстрирует все то, что, возможно, даже настоящий влюбленный не сможет показать: взгляд, выражение лица, слова, объятия — все. На мгновение он становится любовником. Он полностью облекается в личность возлюбленного стоящей перед ним женщины.

А в следующем эпизоде, возможно, ему придется плакать — актеры способны плакать, вызывать у себя слезы. Вначале, чтобы вызвать слезы, они используют химические вещества, но это делают только начинающие актеры. Когда актер становится по-настоящему опытным, это уже не требуется, он просто меняет личность. Он делает печальное лицо, и из его глаз начинают течь слезы. Он обманывает не только зрителей, он обманывает химические процессы собственного организма.

Все эти личности постоянно с тобой. Ты — целая толпа разномастных людей, многие из которых враждебны друг другу, постоянно конфликтуют, дерутся, борются. Вот почему все люди так страдают. А иначе нет никакой причины страдать — если внутри тебя нет множества голосов, конфликтующих, борющихся, пытающихся контролировать все остальные, когда каждый голос пытается стать монополистом. Гурджиев называет их «я», что то же самое. Можно называть их личностями, «я» или эго, можно начать за ними наблюдать — это очень занятная игра, наблюдать за ними. Вечером ты решаешь, что завтра утром встанешь в пять часов. Ты принимаешь такое решение на протяжении многих лет, и ты знаешь, что каждый вечер ты принимаешь такое решение. Но в этот вечер все будет по-другому — и это ты тоже знаешь. Каждый вечер ты говоришь: «На этот раз все будет по-другому, завтра я встану. Всему есть предел!»

Но все это ты говоришь каждый вечер — ты не сказал совершенно ничего нового, но не осознаешь этого. А утром, когда в пять часов звенит будильник, ты просто нажимаешь кнопку и залишься на будильник. Ты можешь швырнуть его, повернуться на другой бок и сказать: «Такое холодное утро, а этот глупый будильник...» — и продолжить спать. Ты собираешься поспать только несколько минут... И это продолжается на протяжении многих лет. Каждое утро ты снова засыпаешь «всего на несколько минут». А потом ты проснешься в девять и снова будешь раскаиваться, расстраиваться и недоумевать: «Как это произошло? Я же решил встать». И все это будет повторяться снова и снова; и ты никак не поймешь, что личность, принимающая решение вечером, — это одна лич-

ность, а та, что бросает потом будильник, — совсем другая. Это разные личности, они не могут быть одной личностью.

Личность, которая говорила: «Завтра я встану», ушла с главенствующего положения, оставила свое руководство. Ее место занял кто-то другой, кто говорит: «Забудь все эти глупости». Он бросает будильник и говорит: «Продолжай спать. Такой холод — ты что, дурак?» И так приятно закутаться в одеяло, так тепло, — после вмешательства будильника спать еще приятнее. А в девять часов, когда ты опять просыпаешься, ты огорчаешься. Это уже другая личность — она не бросала будильник; это не та личность, которая говорила: «Еще пару минут...» И эта личность решает: «Все, завтра утром, что бы ни случилось, я встану».

Это может продолжаться всю твою жизнь, и ты никак не можешь увидеть очевидный факт: у тебя много личностей, и каждый раз говорят разные личности, у них разные идеи; они говорят разные вещи.

Понаблюдай. Если ты просто понаблюдаешь за этим, ты получишь такое удовольствие, это так тебя развлечет, что не нужно будет ходить ни в какое кино. Можно просто закрыть глаза и смотреть фильм, постоянно прокручивающийся внутри, с множеством актеров и актрис, со всем, что необходимо, — полнометражный фильм, без всякого монтажа.

Но прежде чем ты сможешь узнать себя, тебе нужно стать собой. Ты должен сбросить все эти личности, как одежду, и остаться полностью обнаженным.

Именно с этого нужно начать, и тогда следующий шаг будет очень простым. Вся сложность в этом первом шаге, второй шаг очень простой. Когда все личности будут отброшены, толпа покинет тебя и ты останешься один, просто закрой глаза — и ты увидишь, кто ты, потому что больше никого не останется. Будет только осознание невероятной тишины, полного отсутствия объекта.

Ты не найдешь там никакого Бога, никакой души, никакого ангела — все это выдумки. А если ты что-то найдешь, имей в виду, что у тебя опять галлюцинации. Если ты встретишь Иисуса, оттолкни его! Если встретишь Кришну, скажи ему: «Уходи прочь. Для тебя здесь нет места, оставь меня

одного». Только Будда имел смелость сказать: «Если встретите меня на пути, немедленно отрубите мне голову».

Ты должен отрубить Будде голову, иначе ты не останешься в одиночестве, — а если ты не один, как ты сможешь узнать себя? Когда ты один, внезапно, из ниоткуда, возникает аромат, называемый просветлением. Внутри тебя вдруг все озаряется, впервые ты наполняешься светом, и вся темнота рассеивается.

Ночь кончилась, взошло солнце, и это солнце больше уже никогда не зайдет.

Глава 14

ОБЩЕСТВО ПРЕВРАЩАЕТ ВАС В ТОЛПУ, МЕДИТАЦИЯ ВЫВОДИТ ВАС ИЗ ТОЛПЫ

*Почему изначально люди были уведены
в сторону от своей истинной сущности?*

Человек рождается с неизвестным, непознаваемым потенциалом. Когда он приходит в этот мир, его истинное лицо еще не видно. Он должен его найти, ему предстоит исследование, и это очень красиво. В этом и состоит разница между существом и вещью.

Вещь не обладает потенциалом; она — это то, что она собой представляет. Стол — это стол, стул — это стул. Стул никогда не превратится во что-то другое; у него нет потенциала, он обладает только своей данностью. Он не является ничьим семенем. Человек — это не вещь, и это влечет за собой все страдание и всю радость, все вызовы и все беспокойства.

Ребенок приходит чистым, на нем ничего не написано; нет никаких указаний на то, кем он должен быть, — ему открыты все измерения. И это первое, что необходимо понять: ребенок — это не вещь, ребенок — существо.

Он еще не состоялся, ему еще предстоит случиться. Он — это процесс, и невозможно предугадать, где он закончится, каков будет конечный результат его жизненных опытов, переживаний, беспокойств, экстазов, что получится в конечном счете. Суммарный итог его жизни вначале неизвестен. Ребенок не приносит с собой карты. Астрологи и хироманты

обманывают тебя, и им это удастся, поскольку для этого у них есть все возможности. Родители хотят знать, что произойдет с их ребенком, они делают это из любви, поэтому их и эксплуатируют всевозможные мошенники. И эти мошенники предсказывают: «С ним случится то-то или то-то», но это не причиняет большого вреда; они эксплуатируют тебя чуть-чуть. Их предсказания никогда не исполняются.

Настоящую проблему представляют собой священники, политики и педагоги. Политика не интересуется истинный потенциал ребенка; он заинтересован в том, чтобы этот ребенок стал частью его игры во власть. Он вкладывается в каждого ребенка, ибо каждый ребенок — его потенциальный сторонник или противник. Предвыборную кампанию нужно начинать как можно раньше, потому еще до того, как ребенок встанет на ноги, его направляют на путь, который будет исполнять желания политика, но уничтожит внутреннее семя в ребенке.

Священник также заинтересован; он тоже инвестирует в детей. Папа тем более значителен, чем больше в мире католиков. Если католиков не станет, какой смысл будет в Папе, кого он будет интересовать? Каждый новорожденный обладает определенной силой, которая может быть использована политиками и священниками.

Вскоре, когда ребенок станет вполне оперившимся гражданином мира, его нужно будет захватить. Если он родился в католической семье, то он должен стать католиком; или если, по счастью, он сирота, тогда о нем позаботится Мать Тереза и обратит его в католичество. Это великая удача. Чем больше в мире сирот, тем больше Нобелевских премий сможет получить Мать Тереза и тем больше будет католиков. Чем больше в мире нищих... Их легко можно обратить в католичество.

Иисус говорит, что не хлебом единым жив человек. Это верно в отношении подлинного человека, но не в отношении масс. А что касается масс, я утверждаю, что человек жив хлебом, и одним только хлебом. И вокруг одни только массы. Где ты встречал настоящего человека? Эти политики, священники и педагоги не предоставляют ни одного ребенка самому себе, чтобы тот мог стать подлинным, обрел свое

истинное лицо и нашел себя. Повсюду люди, которые имеют корыстные интересы в отношении каждого ребенка. А ребенок — это чистый лист, на нем ничего не написано, и каждый испытывает искушение написать на нем что-нибудь. Родители, естественно, хотят записать туда свою религию, касту, свою философию, политическую позицию — ведь ребенок должен представлять их самих. Он должен нести их наследие.

Если на протяжении веков они были индусами, ребенок должен быть индусом и нести наследие индуизма будущим поколениям. Их не интересует собственный потенциал ребенка — он никого не волнует, — их интересуют личные вложения, и естественно, каждый родитель вкладывается.

Родители так много отдают детям: дают им жизнь, растят, дают им образование — и все это делается с определенными условиями — не важно, высказано оно вслух или нет. Однажды они скажут: «Мы столько для тебя сделали — сейчас настало время тебе сделать что-то для нас». Возможно, они и сами не осознают, что делают, — просто именно так их воспитали собственные родители; поколение за поколением происходит одно и то же.

Учитель заинтересован в том, чтобы ученик представлял его самого. Религиозный учитель заинтересован в том, чтобы ученик был моделью его учения. Я хочу, чтобы ты запомнил: каждый заинтересован в ребенке с теми целями, которые абсолютно не интересны ребенку.

А ребенок очень беспомощен, он не может бороться против всех этих людей. Они сильны; он зависит от них. Если они захотят что-то из него сделать, ему придется этим стать. Ребенку абсолютно ясно: если он выступает против своих родителей, он проявляет непослушание, он их предает. Эти идеи тоже внедрены родителями, священниками, учителями — и он чувствует вину.

Любое самоутверждение с его стороны превращается в проступок, а удовлетворение малейшего требования родителей, учителей, священников, политиков, — которое не более чем прихоть, — высоко вознаграждается. Ребенок с самого детства начинает учиться политике, становится лицемером

ром — ведь, если он говорит правду, его наказывают. Теперь в его распоряжении простой расчет, и мы не можем осуждать его за это.

Когда я был ребенком — а из собственного опыта я могу говорить более авторитетно, так как не знаю, каково было твое детство, а знаю только свое — это была ежедневная проблема. Меня постоянно просили быть честным. Я сказал отцу: «Когда ты просишь меня быть честным, помни об одном: честность должна быть вознаграждена, а иначе ты толкаешь меня на нечестность. Я готов».

Очень быстро я вычислил, что правду говорить невыгодно — потому что за это наказывают. А ложь приветствуется — ты вознагражден. Это был решающий, очень важный момент. И я четко дал понять своим родителям: «Если вы хотите, чтобы я был честен, честность должна быть вознаграждена — и не когда-то в следующей жизни, а здесь и сейчас, потому что честен я здесь и сейчас. А если честность не приветствуется и вы меня за это наказываете, тогда вы заставляете меня лгать. Так что пусть это будет четко определено, и тогда для меня это не проблема — я всегда буду честен».

Не думаю, что любой ребенок способен это вычислить и заключить четкий контракт со своими родителями, но со своим отцом я сделал это. И как бы это ни было против него, против его морали, его общества, его репутации — каковы бы ни были последствия, я всегда говорил правду. И за это я должен был быть немедленно вознагражден. «Иначе, — говорил я, — как ты знаешь, в следующий раз я скажу то, что ты хочешь услышать, — но помни, что это будет ложь».

Когда я впервые сказал это своему отцу, он ответил: «Мне нужно подумать. Кажется, ты хитришь. Ты накидываешь на меня неуловимую сеть... Сначала ты совершаешь какую-нибудь шалость, потом ты честен — и я должен вознаградить тебя за эту шалость!» Я сказал: «Тебе решать, хочешь ли ты, чтобы я был честен. Я буду делать то, что хочу, в любом случае. Шалость будет в любом случае. Она уже случилась, и только после встает вопрос: быть мне честным или нет. Так зачем впутывать сюда шалость? Она уже произошла. Теперь уже ничего не поделаешь, ее невозможно отменить».

Но ты можешь заставить меня солгать — и я солгу. И я сделаю это с таким лицом, что ты будешь полностью уверен, что я говорю правду. Я научусь. Если все развернется именно так, то пусть так и будет, но помни, что это ты ответствен за то, что отвлек меня от правды, так как поощрял ложь и наказывал правду. Можешь подумать. Я не тороплюсь. Обращайся, если что».

И случилось вот что... За два-три квартала от нашего дома жила семья очень ортодоксальных браминов. Брамины полностью сбривают волосы, оставляя над седьмой чакрой лишь небольшой островок волос, которые продолжают расти. Они зачесывают их вверх и убирают под шапку или тюрбан. И то, что я сделал... Я взял и отрезал волосы их отца. В Индии летом люди спят на улице. Кровати и кушетки выносят из домов, и весь город ночью спит на улице — в домах слишком жарко.

Он спал, и я в этом не виноват... У него была такая длинная *чоти* — этот пучок волос называется *чоти*. Я никогда ее раньше не видел, потому что он прятал ее под своим тюрбаном. Во время сна она свесилась и коснулась земли. И она была настолько длинной, что я не смог устоять. Я побежал домой, схватил ножницы, отрезал ее и отнес к себе в комнату.

Утром, должно быть, он обнаружил, что произошло. Он не мог поверить: ведь в ней содержалась вся его чистота, вся религиозность — и теперь его духовность была разрушена. Все вокруг знали, что, если что-то идет не так, первым делом нужно идти ко мне. И он пришел незамедлительно. Я сидел снаружи, так как знал, что он придет. Он посмотрел на меня. Я тоже на него посмотрел.

— На что ты смотришь? — спросил он.

Я ответил:

— А на что смотрите вы? На то же самое.

— На то же самое?

— Да, на то же самое. Назовите это.

Он сказал:

— Где твой отец? С тобой я вообще не хочу разговаривать.

Он вошел в дом и привел моего отца. Отец спросил:

— Ты сделал что-то этому человеку?

— Этому человеку я не сделал ничего, но я срезал *чоти*, которая, без сомнения, не может ему принадлежать — ведь пока я срезал ее, чем был занят он? Он не смог этого предотвратить.

— Я спал, — ответил он.

— А если бы я отрезал вам во сне палец, вы бы тоже продолжали спать?

— Как я могу спать, если кто-то отрезает мой палец? — сказал он.

Я ответил:

— Это доказывает, что волосы — это мертвая вещь. Их можно срезать, и человек не будет ранен, не пойдет никакой крови. Так вокруг чего столько шума? Мертвая вещь свисала до земли, и я подумал, что вы всю жизнь без надобности носите ее внутри своего тюрбана — почему бы не освободить вас от нее? И я заключил контракт со своим отцом, что всегда буду искренним.

Я вынес его *чоти* и сказал:

— Если вы так в ней заинтересованы, можете забрать ее обратно. Если в ней содержится ваша духовность, ваше браминство, можете связать ее и положить в свой тюрбан. В любом случае она мертва; она была мертва, когда была соединена с вами, и осталась мертвой, когда я ее отсоединил от вас. Можете вложить ее в свой тюрбан.

Я повернулся к своему отцу.

— Мое вознаграждение? — сказал я прямо на глазах у этого брамина.

— О каком вознаграждении он говорит? — спросил тот.

— В этом трудность... — ответил отец. — Вчера он предложил заключить контракт о том, что если он искренен и говорит правду... Но он не только сказал правду, но и предоставил объяснения. Он изложил всю историю, которая действительно логична, в том смысле, что это была мертвая вещь. Так зачем о ней беспокоиться? И он ничего не скрыл.

И он наградил меня пятью рупиями. В те дни в этой маленькой деревушке пять рупий были огромной суммой.

Брамин разозлился на моего отца:

— Ты испортишь этого ребенка. Ты должен не рупии ему давать, а выпороть его. Теперь он будет отрезать *чоти* и у дру-

гих. И если за каждую *чоти* он получит по пять рупий, тогда со всеми браминами в городе будет покончено — ведь все они по ночам спят на улице, а во время сна невозможно держать *чоти* в руках. Что ты делаешь? Это станет прецедентом.

Отец ответил:

— Но это мой договор. Если ты хочешь наказать его, это твое дело — я не буду вмешиваться. Я награждаю его не за шалость, а за правду — и я буду награждать его за это всю жизнь. А что касается самого поступка, ты можешь сделать с этим что хочешь.

— Ты ставишь меня в еще более затруднительное положение. Если я сделаю что-нибудь этому мальчику, думаешь, все останется на своих местах? Я семейный человек, у меня жена, дети, дом — завтра мой дом будет сожжен.

Он был очень зол:

— Особенно сейчас это создает мне сложности. Завтра я должен ехать на церемонию в другую деревню, и если люди увидят меня без *чоти*...

Я сказал:

— Не переживайте. Я отдам вам вашу *чоти* обратно. Можете тоже вознаградить меня за это. Просто не снимайте тюрбан — и все. Даже ночью пусть он будет на вас. Это не такая уж и проблема — всего лишь вопрос одной ночи. Да и кто посреди ночи пойдет искать вашу *чоти*? Все будут спать.

— Не надо мне давать советов, — ответил он. — Я с удовольствием поколотил бы тебя, но знаю, что это создаст целую цепь событий.

— Цепь уже создана. Сначала вы приходите жаловаться; затем вы не вознаграждаете меня за абсолютную искренность и честность — говорю вам, что не смог устоять перед искушением. И я никому не причинил вреда; не было никакого насилия — из вашей *чоти* не пролилось ни капли крови. Пожаловавшись моему отцу, вы уже создали цепь реакций.

Он сказал отцу:

— Ты только послушай!

— Меня это не касается, — ответил тот.

Я сказал отцу:

— Вот в чем состоит все учение браминов: в цепочке реакций.

— Держи свою философию при себе, — ответил отец. — И прекрати ходить на эти лекции садху, монахов и махатм, после которых ты приходишь к таким странным выводам.

— Но это мои слова, и они ничуть не странны. Они в точности иллюстрируют теорию кармы: ты совершаешь поступок, за ним следует реакция. Он совершил поступок, пожаловавшись на меня; теперь последует реакция.

И она последовала. Ведь он рассказал мне про другую деревню... Он был очень зол на меня, а когда ты зол, ты зол — он был полностью вне себя. Поэтому он срывался на жене, на детях... Я наблюдал за всем этим; он вынес свои вещи и погрузил их на коляску.

И в момент, когда он вышел, я сказал жене:

— Вы понимаете, куда он едет? Он уезжает навсегда, а вы даже не подозреваете. Он приходил к моему отцу и сказал, что уезжает навсегда и никогда не вернется.

Жена тут же заголосила:

— Остановите его!

Люди побежали и остановили повозку.

— Почему ты меня задерживаешь! Я должен успеть к поезду!

Ему отвечали:

— Только не сегодня. Твоя жена рыдает и бьет себя в сердце — она может умереть!

— Странно. Зачем ей бить себя и почему она плачет?

Но люди не позволили ему уехать, они стащили вниз его сумку и чемодан.

Человек, который управлял повозкой, сказал:

— Я не повезу вас. Если вы оставляете навсегда жену и детей, я не буду в этом участвовать... Маленьких детей!

Брамин ответил:

— Я не оставляю их, я вернусь, но сейчас у меня нет времени тебя убеждать. Я могу опоздать на поезд, так как до него ехать две мили.

Но никто не хотел его слушать, а я подстрекал людей: «Остановите его, иначе его жена и дети... Вам придется заботиться о них. Кто будет их кормить?»

Его притащили назад вместе со всеми сумками, и, естественно, он был очень зол и швырнул сумки в жену. Та спросила:

— Что ты делаешь? Что мы сделали не так?

Я был среди толпы.

— Никто ничего не делал. Этот мальчик предупредил меня, что последует реакция. Причина в том, что три дня назад я читал в храме лекцию по философии причинно-следственных связей и он присутствовал там. Теперь он преподает мне урок.

И он сказал мне:

— Прости меня — и я ни слова больше не скажу об этих причинах и следствиях. И если хочешь, можешь срезать *чоти* у кого угодно, я не буду жаловаться. Можешь отрезать мне голову, я не пожалуюсь, потому что я хочу остановить эту цепочку раз и навсегда. Мой поезд отходит...

Все заинтересовались:

— В чем дело? Мы не понимаем. Кто срезал твою *чоти*?

Я сказал:

— Видите? Цепочку невозможно остановить. Люди спрашивают: «Чья *чоти*? Кто срезал? Где эта *чоти*?» Загляните под его тюрбан!

Человек, который считался самым большим силачом в городе, подошел к нему и сорвал с него тюрбан; *чоти* свалилась на землю.

Мой отец также был там и все видел. По дороге домой он сказал мне:

— Я буду награждать тебя, но не пользуйся преимуществами нашего контракта!

— Я не пользуюсь, — ответил я. — И это не контракт между мной и тобой. Контракт состоит в том, что я всегда буду говорить правду, а ты будешь меня за это вознаграждать.

И отец сдержал слово. Что бы я ни делал, как бы ужасно это ни выглядело в его глазах, он всегда вознаграждал меня. Но такого отца трудно отыскать — обычно отцы насильно насаждают ребенку свои идеалы.

Моего отца осуждал весь город:

— Ты портишь ребенка!

— Если у него такая судьба — быть испорченным, тогда пусть он таким и станет, — отвечал он. — Я не буду ответствен за то, что вмешался в его судьбу, и он не сможет сказать: «Мой отец испортил меня». Если он счастлив, становясь испорченным, тогда что в этом плохого? Что бы и когда ни происходило в его жизни, я не хочу вмешиваться. Мой отец вмешивался, и я знаю, что был бы совершенно другим человеком, если бы он этого не делал. И я уверен, что он прав в том, что каждый отец подталкивает своего ребенка ко лжи, ведь и меня подтолкнули к этому. Когда мне хочется смеяться, я серьезен. Когда мне хочется быть серьезным, я должен смеяться. Пусть хотя бы один человек смеется тогда, когда он этого хочет, и будет серьезным, когда хочет быть серьезным. У меня одиннадцать детей, но мне кажется, их у меня только десять.

Он всегда считал, что у него всего десять детей. Он никогда не считал меня своим ребенком, он говорил: «Я дал ему полную свободу быть самим собой. Почему он должен нести какой-либо образ меня?»

В лучшем обществе... А когда я говорю о лучшем обществе, я имею в виду общество, которое понимает цельность каждого человека, уважает даже маленького ребенка и ничего не впечатывает в него. Но, кажется, такое общество еще очень, очень далеко, поскольку все вынашивают свои корыстные интересы и не могут прекратить свои игры; они используют людей и эксплуатируют их.

Кто-то становится президентом; ты никогда не думаешь о том, что он стал президентом ценой чего-то внутри тебя, что в тебе что-то было убито — именно поэтому он смог стать президентом страны. Если позволить каждому оставаться уникальным, оригинальным, тогда те, кто становятся президентами и премьер-министрами, кто управляет миром, кто разрушает его на протяжении тысячелетий и продолжает разрушать сейчас, не смогут больше делать все это.

С развитием индивидуальности образуется совершенно новый вид общества: это будут не сообщества, а коммуны.

Не будет никаких наций, в этом нет необходимости. Какой в них смысл? Земля едина. Вы продолжаете чертить на карте линии, и из-за этих линий вы сражаетесь, убиваете и уничтожаете друг друга. Это такая глупая игра, что, если бы все человечество не было бы безумным, было бы невозможно представить, каким образом это может происходить. Какой смысл в нациях? Какой смысл в паспортах, визах и границах? Вся эта Земля принадлежит нам, и где бы человек ни захотел находиться, он имеет на это право.

Солнце не является чьей-то собственностью, Луна не является чьей-то собственностью, ветер, облака, дождь — все это никому не принадлежит. Почему тогда ты проводишь эти линии?

Несложно догадаться, что скоро мы увидим подобные линии и на Луне. Сейчас их нет, но скоро там будет Русская зона, Американская зона, Китайская зона. Там никто не живет и никогда не будет жить. Кажется, не существует возможности возникновения жизни на Луне. Луна — это мертвая планета, там нет ни единой капли воды. Да, ты можешь пробыть там несколько часов в скафандре, с баллонами кислорода и прочим, но это не дает возможности человеку жить там. Но люди уже водружают там свои флаги...

Нет никого, кто мог бы увидеть этот флаг, отдать ему честь, — нет даже птицы, которая бы на него накакала! Первое, что сделали американцы, — это вкопали столб и водрузили на него флаг. Что за глупость? Для кого? Но вскоре за ними последуют другие идиоты. Они отправятся на Марс, на другие планеты, и повсюду они будут делать то же самое.

Нации никому не нужны — за исключением политиков, которые в них нуждаются, потому что без наций не может существовать политики; за исключением генералов, которые в них нуждаются, потому что без наций невозможны войны; за исключением промышленников, которые производят оружие и без наций могут потерять свой бизнес. Что произойдет с заводами, выпускающими ядерное оружие, и всеми средствами, вкладываемыми в это? Если нет наций, тогда нет необходимости создавать ядерное оружие. Для кого?

Простое решение по спасению человечества заключается в том, что нужно стереть все эти линии на карте — именно на карте, потому что на самой Земле их нет. Просто убери с карты эти линии — и тебе не нужно будет вступать в Третью мировую войну и иметь по всему миру столько военных подразделений.

Миллионы людей только и занимаются тем, что поворачивают то направо, то налево... Тот, кто со стороны понаблюдает за этим, удивится. Зачем люди продолжают поворачиваться направо, затем налево, затем кругом, затем шагом марш, встать в строй, разойтись? Ежедневно миллионы людей по всей Земле... Наблюдающий за этим со стороны определенно подумает, что здесь что-то не так — какие-то болтики и винтики нужно поставить на место.

Нации могут существовать, только если твоя личность фальшива. Все эти церкви и религии могут существовать, только если у тебя нет подлинного лица, — какой смысл человеку с подлинным лицом идти к попу? Для чего? Ему не нужно идти ни к какому религиозному учителю, ни в какой храм, ни в какую синагогу. К чему ему становиться мусульманином, христианином или индуистом? Зачем? Обладая своим подлинным лицом, ты будешь чувствовать себя настолько удовлетворенным, настолько реализованным и спокойным, что не потребует никакого поиска. Ты все уже нашел. Но эти люди не позволят тебе это найти. Они будут отвлекать тебя по одной простой причине: у них есть собственные планы, собственные идеи, и во имя этих идей ты должен быть принесен в жертву. Политики принесут тебя в жертву во имя их политики. Верующие принесут тебя в жертву во имя их вида политики. Никого не интересует сам ребенок, и причина ясна: ребенка нужно отлить в определенную форму, которая будет соответствовать обществу, нации, какой-то конкретной идеологии.

В России ребенок должен учиться коммунизму с самого детства. Он должен знать имена Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина — это коммунистические боги. В коммунистических странах ситуация та же, отличаются только имена.

Каждый приносит себя в жертву какой-то глупой идеологии, теологии, политике или религии. Именно поэтому люди отвлекаются от своей сути.

Но ребенок позволяет это по одной простой причине — он не знает, кем он должен стать. Естественно, он зависит от своих родителей, от старших, которые знают лучше. Но он не понимает, что они *не* знают лучше; они находятся в той же лодке, они столь же невежественны, что и сам ребенок. Разница только в том, что ребенок невинен. А они хитры — но при этом невежественны; и благодаря хитрости они продолжают прикрывать свое невежество заимствованными знаниями.

Мой дедушка любил ходить на встречи к разным махатамам, к святым и брал с собой меня. Он говорил: «Если ты не пойдешь, я не пойду. Там так скучно. А ты вносишь живость». А я всего лишь задавал правильные вопросы. Что еще может делать ребенок?

Один индуистский монах, Свами Видьянанда, в сезон дождей обычно приезжал в наш город. В течение четырех месяцев он читал здесь лекции — он был очень знающим учителем. В первый день я пришел вместе со своим дедом — я просто встал, и из-за дедушки никто не мог выгнать меня или заставить сесть.

Все знали, что в этом отношении мой дед — опасный человек. Если бы кто-то сказал: «Мальчик, сядь, ты не разбираешься в таких великих вопросах», он бы ответил: «Но я тоже не разбираюсь, а мне семьдесят. Поэтому помолчи, разбирающийся!» И он сказал бы мне: «Спрашивай».

Было ясно, что они не могут меня вышвырнуть, не могут остановить, поэтому я спросил Видьянанду:

— В том, что вы говорите, я хочу прояснить одно: это заимствовано или пережито? Помните, что вы находитесь в храме Бога.

Это был Рама Мандир, лучшее место в городе, красивейший храм с прекрасным мраморным холлом; здесь устраивались самые лучшие встречи.

Я сказал ему:

— Посмотрите на эту статую Рамы и вспомните, что вы находитесь в священном месте; помните о своей мантии и о

том, что вы монах. Не обесчестьте вашу робу и вашего Бога; скажите правду — вы испытали на собственном опыте все, о чем говорите? Вы знаете Бога? Видели ли вы его — так же, как видите сейчас меня? Разговаривали ли с ним так же, как разговариваете сейчас со мной? Или вы просто научились этому из книг?

Воцарилась глубокая тишина. Он колебался.

— Ваше сомнение говорит само за себя, — сказал я. — Лучше скажите правду; если вы встречались с Богом, тогда почему вы колеблетесь? Кажется, вы несколько напуганы — я вижу у вас на лбу испарину, а тут не жарко...

Монах ответил:

— Я никогда не задумывался об этом. Но поскольку я санньясин и нахожусь в храме Бога, я не могу быть неискренним. У меня нет опыта. Я говорю о том, что слышал, что прочел и чему был научен.

И тогда я сказал ему:

— Уходите! Уходите отсюда немедленно. Найдите человека, который познал все на собственном опыте, и приведите его сюда. Вы сыплете заимствованную чушь на головы этих бедных людей и заставляете их считать, что они тоже знают, — я знаком с этими глупцами, они все из моего города, и они разговаривают так, как будто они что-то знают!

И я сказал этим людям:

— Послушайте своего гуру!

Он был гуру почти для всего города, потому что в течение многих лет — а на тот момент ему было около шестидесяти — он приезжал на четыре месяца к нам в город провести сезон дождей. Но этот раз был последним. С тех пор я даже не слышал о нем.

Пока я путешествовал по Индии, я продолжал интересоваться, что произошло с Видьянандой, жив он или умер, — что с ним произошло? В конце концов я встретил его там, где никак не ожидал, — неподалеку от Мадраса, в Адьяре. Адьяр — это штаб-квартира теософского движения. Я был в Ченнаи, где давал несколько бесед, после чего мои слуша-

тели захотели поехать посмотреть Адьяр. Адьяр прекрасен: теософы сделали по-настоящему великую работу. Они создали прекрасное место; но сейчас оно пусто, никто сюда не приезжает. Они построили прекрасные дома, коттеджи, разбили огромный сад — это была целая колония.

В Адьяре находится, наверно, самое большое дерево *бо*. Когда теософское движение было живо, под этим деревом проводились собрания; в тени его кроны могли поместиться тысячи людей. И в Адьяре располагается одна из лучших в мире библиотек. Теософы собрали манускрипты из Китая, Тибета, Ладакха*, Монголии, Кореи — неизвестные места, неизвестные языки, — у них была огромная подземная библиотека древних писаний. В этой библиотеке я обнаружил того человека, он работал библиотекарем и не был больше монахом.

Я спросил его:

— Что произошло?

— В тот день ты изменил всю мою жизнь, — ответил он. — Я больше не смог говорить с той же уверенностью, что раньше. Я утратил мужество. Я пытался, но каждый раз во мне возникал вопрос, почему я говорю все это людям, если сам этого не знаю? Возможно, это не так — кто знает? Я совершаю грех, потому что люди будут думать, что и они знают. В тот день в твоём городе...

Он не сразу узнал меня. Мне пришлось напомнить ему, ведь в последний раз он видел меня еще ребенком. Но его — хотя к тому времени ему было уже около девяноста — я узнал; с шестидесяти до девяноста меняется не так много... Да, ты становишься старше, но никаких значительных перемен не происходит. Он постарел, подряхлел, но в каком-то смысле и помолодел, стал более живым.

— Вы постарели на тридцать лет, но я вижу, что ваши глаза стали более молодыми, более живыми, — сказал я.

* «Ладакх — историческая и географическая область, в настоящее время входящая в состав Индии. Ладакх населён народами как индоевропейского, так и тибетского происхождения. Ладакх иногда называют «Малым Тибетом» из-за схожести с культурой и природой Тибета» (из Википедии). — *Прим. ред.*

— Да, потому что я отбросил ту поддельную жизнь. Теперь я тот, кто я есть. Я не знаю — я нахожусь в поиске, но не уверен, что смогу познать в этой жизни, ведь так много упущено.

— Никогда не будьте пессимистом, — сказал я. — Это может случиться в любой день — это может случиться сегодня. И если этого не происходит, это означает, что где-то вы еще держитесь за заимствованное. Могу ли я, спустя тридцать лет, задать вам еще один вопрос?

Он сказал:

— Я буду обязан тебе за это, потому что тот первый вопрос сослужил мне великую службу. Он отнял у меня мое монашество, мое махатмовство, моих последователей — все.

Я спросил:

— Почему вы начали работать библиотекарем? Это опять занятие того же рода. Теперь вы ведете поиск в древних писаниях, найденных в Тибете, в Ладакхе, в Непале. Вы все еще не смотрите внутрь себя. Тогда вы искали в напечатанных книгах, теперь ищите в древних рукописях, думая, что эти люди должны были знать. Но вы снова занимаетесь той же ерундой. Но печатные издания не знают... Они продолжают печатать Библию за Библией — миллионы Библий, — но напечатанная книга остается книгой, она никогда не станет даже христианином.

И вы думаете, что сможете найти истину в рукописных текстах? Те люди просто работали писарями. Они всего лишь копировали и получали за это деньги. Они не были знающими, это были просто переписчики, и они использовали примитивный метод. В те дни печать была недоступна, поэтому людям приходилось переписывать то один манускрипт, то другой, то третий — и потом они их продавали. Вы думаете, эти люди были знающими?

— Ты снова прав, — сказал он. — Я провел в этой подземной библиотеке двадцать лет, исследуя всевозможные неизвестные методы, идеологии — и они очень впечатляющие и логичные, — но определенно я занимаюсь тем же; я не смотрю внутрь себя. С этого момента ты больше нигде меня не встретишь.

Он бросил эту работу в тот же день. Пока я еще был в Адыре, он уехал. Когда я вернулся с прогулки... Территория была огромна, когда-то это была очень оживленная коммуна; во времена Анни Безант здесь проживали тысячи людей. Когда я пришел в главный офис и спросил о Видьянанде, мне ответили: «Он уехал. Что вы ему сказали? После вашей встречи в библиотеке он пришел сюда и сказал: “Я уезжаю, и уезжаю навсегда. Я покончил с книгами. Хотя я уже слишком стар... Но, возможно, нескольких дней будет достаточно, или хотя бы перед смертью я встану на верный путь. Может быть, в следующей жизни я завершу мой поиск, но я должен по крайней мере начать”».

Никто не задает вопроса: «То, что ты знаешь, является твоим знанием?» — Это не твое знание, отложи его в сторону, оно ничего не значит. «То, чем ты занимаешься, является твоим желанием? Ты действительно услышал сигнал в своем сердце?» — Если это не так, не трать на это больше ни одной минуты.

Люди продолжают делать то, что другие заставляют их делать, — и они будут продолжать заставлять их. С большим трудом верится, что родители перестанут заставлять детей быть всего лишь носителями их собственных идей; что учителя перестанут впихивать в них то, что знают сами, — как будто они и вправду знают! Они только притворяются, что знают.

В высшей школе моим директором был математик. Я не изучал математику, но любил приходить в его кабинет, когда видел, что он один, чтобы поговорить о высшей математике — потому что сейчас обычная математика не применяется ни в психологии, ни в биологии, ни в химии, ни в биохимии. Они выше ее.

Он говорил мне:

— Почему бы тебе не начать посещать мои занятия?

— У меня нет проблем, так как я не изучаю математику, но, если во время ваших занятий у меня будет свободное время и вы позволите, я с удовольствием приду. Только пусть

вас не потревожит мое присутствие — ведь я не буду трупом, я буду живым.

— Что ты подразумеваешь под «быть живым»?

— В точности то, что это означает: быть живым. Просто дайте мне шанс, и вы увидите.

Я всегда интересовался множеством разных вещей и пытался понять, действительно ли они основываются на знании или это только теория, — ведь, если они теоретические, тогда они не могут быть истинными; они могут обладать лишь практической пользой, быть полезными и удобными. К примеру, эвклидова геометрия — именно этот курс он читал, когда я пришел первый раз... Сейчас даже ребенок может понять, что определения Эвклида неверны. Эвклид говорит: «У линии есть длина, но нет ширины». Как линия может существовать без ширины? Это настолько просто, что даже не нужно быть математиком.

Я не математик, и уж точно не был им в то время, но я сказал ему:

— Вы говорите глупость — что у линии есть длина, но нет ширины. У нее есть ширина! Нарисуйте на доске линию, у которой не будет ширины, а будет только длина, — тогда я поверю в эту гипотезу.

— Теперь я понимаю, что ты имел в виду, говоря «буду живым», — сказал он. — Я закончил аспирантуру по математике, но этот вопрос никогда не приходил мне в голову. Так говорит Эвклид, этому учат в каждой школе, в каждом колледже, в каждом университете, поэтому я никогда не задумывался... Но, возможно, ты прав.

— Это легко измерить. Вы рисуете на доске мелом линию — и вы все еще утверждаете, что у нее нет ширины? «Точка, — говорит Эвклид, — не имеет ни ширины, ни длины». Как такое может быть? Возможно, ее длина и ширина очень, очень малы, но это не значит, что их нет совсем. Необходимо только увеличительное стекло. Подождите, я схожу в кабинет химии и принесу увеличительное стекло, чтобы вам показать.

— В этом нет необходимости, — ответил он, — я понимаю. Но чему мне тогда учить? Эвклидова геометрия считается завершенной, и это — базовые определения.

— Они всего лишь теоретические, — ответил я. — Нужно понять одно: эти гипотезы имеют практическое значение, они не истины.

Так что в отношении всего, что ты знаешь, необходимо выяснить, является ли это предположением, полезным в жизни, или истиной, которую ты познал и почувствовал на собственном опыте. Если это предположение, отложи его в сторону — и ты почувствуешь такое облегчение! Все эти гипотезы, все заимствованные знания, которые скопились и которые ты несешь на себе, — ты тащишь непомерный груз, который сломил тебя; отставь его в сторону.

Будь невежественным, прими это «Я невежествен». И с этого места ты можешь начать свой поиск. На каждого ребенка навешивают груз. Я надеюсь, что когда-нибудь будет не так. В действительности в этом нет необходимости, потому что, преподавая эвклидову геометрию, можно просто дать понять, что это не истина, а всего лишь гипотеза. Она помогает изучать треугольники, окружности и прочее. Но помни, что основа всего этого — гипотеза и все строение гипотетическое.

Точно так же гипотетическим является и твой Бог, вся пирамида теологии основывается всего лишь на гипотезе. Если ты начнешь вглядываться в суть вещей, на это не требуется большого ума — необходима всего лишь невинность, чтобы видеть.

Тот директор вызвал меня в свой кабинет и сказал:

— Больше не приходи на мои занятия. Теперь мне будет сложно иметь дело со студентами. Они увидели мое невежество, а до сих пор я пользовался авторитетом. Ты разрушил это.

Но в каком-то смысле он был искренним человеком.

Он сказал:

— Я понимаю тебя, но не проделывай того же с другими преподавателями, они могут тебя не понять. И теперь мне ясно, почему столько жалоб поступает в твой адрес, почему тебя обвиняют в том, что ты причиняешь неудобства. Но это не было неудобством. Ты открыл мне глаза; я никогда не смогу быть прежним. Но что меня больше всего озадачивает, так это то, что я никогда не задумывался об этом, я просто это *принял*.

И именно это я хочу, чтобы ты взял на заметку. До сегодняшнего момента ты все просто принимал; ты принял все, что тебе говорили. Тебе нужно начать задавать вопросы и сомневаться. Не бойся авторитетов — их не существует. Ни Кришна, ни Христос, ни Мухаммад — никто не является авторитетом. Если они и авторитеты, то только для самих себя, не для тебя.

Если когда-нибудь в один прекрасный день ты познаешь истину своего подлинного лица, ты станешь авторитетом только для самого себя. И тогда ты также не будешь являться авторитетом для кого бы то ни было. Никто не может быть авторитетом для кого-то еще. Сама идея авторитета должна исчезнуть из мира. Да, люди могут делиться своим опытом, но это не будет авторитетом.

Я не хочу ничего в тебя насаждать — ни единого слова, ни единой концепции. Все мое усилие состоит в том, чтобы сделать тебя бдительным и избегающим любых авторитетов. И в момент, когда ты почувствуешь, что на тебя навешивают какой-то авторитет, вышвырни его. Покончи со всем, что было тебе дано, что было в тебя внедрено, — и истинное лицо начнет проявляться. Ты не знаешь и даже не можешь себе представить, каково твое истинное лицо, твое истинное существо. Ты узнаешь его только тогда, когда увидишь, когда столкнешься с самим собой лицом к лицу, когда не будет никаких помех и ты останешься в полнейшем одиночестве.

В этом одиночестве расцвели все те, кто когда-либо расцветал.

И их не так и много. Только время от времени... Это странная трагедия, что рождаются миллионы людей — и лишь изредка человек расцветает. Потому я говорю, что нет никакого садовника, никакого Бога, присматривающего за тобой и заботящегося о тебе, — иначе расцветали бы миллионы деревьев, но расцветает только одно... Приходит весна, и зацветает только одно дерево; миллионы деревьев остаются бесплодными. Что за садовник смотрит за садом?

Это достаточное доказательство того, что садовника нет, Бога нет; но это не означает, что ты должен становиться пессимистом. На самом деле это дает тебе новое измерение: ты

должен сам стать садовником. Хорошо, что Бога нет, потому что ты сам можешь стать собственным садовником. Но тогда вся ответственность — на тебе, ты не можешь никого обвинять. Я забираю у тебя Бога, чтобы ты перестал обвинять этого бедного старика. Его обвинили уже достаточно: он создал мир, он создал то, он создал это. Я отвожу от него все эти обвинения — его не существует.

Ты создал его, просто чтобы переложить на него ответственность. Забери ее обратно.

Прими свое одиночество. Прими свое невежество.

Возьми на себя ответственность — и ты увидишь, что случится чудо.

В один прекрасный день ты увидишь себя в совершенно новом свете, в каком никогда не видел ранее. В этот день ты по-настоящему родишься. До этого был всего лишь процесс подготовки к рождению.

Существуют причины, почему люди были уведены от своей сути. И первая — в том, что ты не знаешь, что есть твоя суть. Вторая — есть люди, которые спешат впечатать в тебя некоторые собственные идеи, ведь, как только идея внедрена, психологически ты поработчен.

Христианин не способен найти истину, индуист не способен найти истину, потому что и христианство, и индуизм — это тюрьмы; одни обременены Кораном, другие обременены Торой.

Поэтому вопрос не в том, *что* нужно отбросить. Вот почему и иудей, и христианин, и индуист, и парси, и сикх... Любой найдет в том, что я говорю, что-то относящееся к нему, ибо это подходит каждому.

Не имеет значения, обременен ты Библией или Кораном. Я не заинтересован в том, чтобы ты отбрасывал Библию; я заинтересован в том, чтобы ты отбросил любой вид мусора, который ты несешь. И я называю это мусором, потому что это дано тебе другими, оно не твое.

Запомни: только то, что ты пережил на опыте, является твоим.

Ты знаешь только то, что знаешь. Пусть оно не так велико, не беспокойся; семена всегда маленького размера, но они

несут в себе потенциал. Это не вещь; это существо, готовое прорваться наружу, — необходима только возможность.

И именно в этом, по моему мнению, заключается функция мастера: *создать возможность*. Не дать знания, дисциплину, доктрину или догму, но создать возможность, при которой все эти вещи постепенно, понемногу исчезнут. Они не держатся за тебя, это ты прочно ухватился за них.

Поэтому когда я говорю, что они исчезнут, я имею в виду, что ты медленно, медленно разожмешь свой кулак. Конечно, это потребует времени, потому что ты так долго считал, что держишься за что-то ценное, — но даже если ты понимаешь меня, снова и снова будет приходить мысль, что, возможно, если ты отбросишь их, ты потеряешь нечто ценное. Но в этом нет ничего ценного. Вот критерий: ценным является только то, что ты познал, — это ты никогда не сможешь потерять. То, что можно потерять, за что тебе приходится цепляться, не является ценным — ведь оно может быть утрачено. Это указывает на то, что это не твой опыт.

Нужно принять тот факт, что общество будет продолжать делать то, что оно всегда делало, но мы можем отыскать разумных людей и вытащить их из общества. Именно это я подразумеваю под *санньясой*.

Люди не понимают этого, так как считают, что я пытаюсь создать некую религию, создавая определенную атмосферу медитации и индивидуальности. Нет, я не создаю никакой религии. Это абсолютно безрелигиозная религия.

Я создаю эту атмосферу только для того, чтобы вы начали отдаляться от толпы, чтобы толпа вытолкнула вас из себя и не позволяла больше войти обратно. Иначе вы захотите быть внутри. Кто хочет находиться снаружи толпы? Ведь в толпе так тепло, так комфортно.

Я даю тебе это всего лишь как стратегию, как средство для того, чтобы люди начали тебя избегать, — куда бы ты ни пошел, они будут поворачивать обратно. Это единственный способ спасти тебя; ты не должен смешиваться с толпой. В противном случае для меня и моих санньясинов было бы гораздо проще, если бы мы не были столь отличны от других. Вокруг меня быстро собралось бы намного больше

людей. Но я не заинтересован в большом количестве людей, я не политик, не Папа — что мне делать с толпами людей?

Я заинтересован только в тех немногих избранных, которые достаточно разумны и отважны, чтобы выйти из привычного тепла и отбросить удобство толпы. Холод ты почувствуешь только вначале — очень скоро твое тело начнет вырабатывать собственное тепло. Твое существо начнет создавать собственную ауру.

Поэтому необходимо вытолкнуть человека из толпы, и затем уничтожить все, что было дано ему толпой, потому что он будет продолжать нести толпу в своем уме. Вытолкнуть человека из толпы очень легко — это не составляет большого труда, — но он носит толпу в своем уме. И тогда начинается вторая, более трудная часть работы: вытолкнуть толпу из его ума. Нужно сделать и то, и другое: вытолкнуть человека из массы, а затем вытолкнуть массу из человека, чтобы он просто остался в одиночестве.

И для меня нет ничего более великого, чем быть оставленным в полнейшем одиночестве, в своем чистейшем, неотъемлемом существовании.

Глава 15

ОНИ ГОВОРЯТ: ВЕРЬТЕ; Я ГОВОРЮ: ИССЛЕДУЙТЕ

Может ли политик быть подлинно религиозным человеком или подлинно религиозный человек — политиком?

Для политика нет никакой возможности быть подлинно религиозным человеком, потому что пути политики и истинной религиозности диаметрально противоположны. Ты должен понять, что вопрос не в том, что к твоей личности что-то добавляется; подлинная религиозность — это не дополнение. Если ты политик, ты можешь быть также и художником, поэтом, музыкантом — это все дополнения.

Политика и музыка не являются диаметральными противоположностями; наоборот, музыка способна помочь человеку стать более успешным политиком. Она поможет расслабиться, снять напряжение после трудного дня и убрать беспокойство, которое приходится переживать политику. Но религиозность — это не дополнение, это диаметрально противоположное измерение. Поэтому, во-первых, необходимо в точности понять, что собой представляет политик.

Политик — это больной человек; душевно, духовно больной. Физически он может быть в полном порядке — обычно политики физически очень здоровые люди; весь груз падает на их душу. Ты можешь это наблюдать. Как только политик теряет свою власть, его здоровье начинает ухудшаться. Странно, ведь, когда он был у власти, он был под давлением такого стресса и напряжения, но его тело было в полном порядке.

В момент, когда власть уходит, все беспокойство уходит вместе с ней — теперь это будет чужая головная боль. Психика политика освобождается, и в результате этого все его нездоровье обрушивается на тело. Политик начинает страдать физически, только если теряет свою власть; в противном случае политики обычно долго живут и имеют отменное здоровье. Это необычно, но причина в том, что вся болезнь переходит на душу, а когда это происходит, тело оказывается освобожденным. Но если душа высвобождает всю эту болезнь — куда ей перемешаться? Ниже души находится тело — и все болезни обрушиваются на него. Утратив власть, политики очень скоро умирают. Находясь у власти, они живут очень долго. Это общеизвестный факт, но причина этого не изучена.

Поэтому первое, что нужно понять: политик — это душевно больной человек, а душевные болезни имеют тенденцию превращаться в духовные, когда их становится слишком много и психика их уже не вмещает. Поэтому будь внимателен: когда политик находится у власти, его душевная болезнь неизбежно будет распространяться на его духовную сущность, так как он удерживает болезнь своей души, чтобы она не упала ниже, в тело. В этом его сила; он считает это своим сокровищем, он не может позволить ей спуститься вниз.

Я называю это болезнью. Для него это — игра эго. Ради этого он живет, другой цели для него не существует. Когда он у власти, он плотно удерживает свою болезнь, но он ничего не знает о духовной реальности, поэтому дверь остается открытой. Он не может ее закрыть; он не представляет, что существует что-то более высокое, чем ум. Когда он у власти, если его психологической болезни становится слишком много, после определенной точки она изливается за пределы души и достигает духовности.

Когда он теряет власть, он не склонен больше удерживать всю эту глупость. Теперь ему становится ясно, что это было, и он понимает, что не стоит это удерживать. И в любом случае удерживать больше нечего; власть ушла, он стал никем.

Из безысходности он расслабляется, — вернее сказать, расслабление приходит к нему автоматически. Теперь он может

нормально спать, может ходить на утренние прогулки. Он может сплетничать, играть в шахматы, заниматься чем угодно. Психологически он чувствует себя свободно. Дверь между телом и душой, которая раньше держалась закрытой, начинает открываться, и тело неизбежно теперь будет страдать: может случиться инфаркт, может произойти что угодно, любая болезнь. Его душевное нездоровье начнет двигаться в самую слабую часть тела. Но когда он был у власти, болезнь поднималась вверх, в сторону его сущности, которой он не осознает.

И что же это за болезнь? Эта болезнь — комплекс неполноценности. Все, кто стремятся к власти, страдают от комплекса неполноценности; глубоко внутри они чувствуют себя никчемными, всегда ниже кого-то.

И определенно, каждый в каком-то смысле является ниже кого-то. Ты не Иегуди Менухин, но по этому поводу нет смысла чувствовать неполноценность, потому что ты никогда не пытался быть им, да это и не твое дело. Иегуди Менухин также не является тобой, так в чем проблема, в чем конфликт?

Но политический ум страдает от раны неполноценности, и политик продолжает ее расчесывать. Интеллектуально он не Альберт Эйнштейн — он сравнивает себя с гигантами, — психологически он не Зигмунд Фрейд. Если ты сравниваешь себя с гигантами человечества, ты неизбежно будешь чувствовать себя полностью ничтожным, никчемным.

Это ощущение ничтожности можно убрать двумя способами: первый — это религиозность, медитация; второй — политика. Политика на самом деле не убирает, а всего лишь прикрывает его. Это все тот же больной человек, чувствующий неполноценность, но только сидящий в президентском кресле. Но как сидение в кресле президента изменит твое внутреннее положение дел?

Мой первый конфликт с Морарджи Десаи случился именно в подобной ситуации. Один великий джайнский монах — великий для джайнов, не для меня; для меня он величайший из шарлатанов, и мне трудно сравнивать его с другими мошенниками, так как он побил их всех — создал религиозную конференцию. Это было ежегодное

празднование годовщины их основателя. Был приглашен Морарджи Десаи. Меня тоже пригласили. Собрались гости со всей Индии — двадцать представителей всех религий, всех направлений мысли и идеологий — и как минимум пять тысяч последователей Ачарьи Тулси.

Перед тем как начать встречу, Ачарья Тулси поприветствовал эту двадцатку особых гостей. Это происходило примерно в 1960 году в прекрасном местечке Раджсамунде в Раджастане. Там располагается огромное красивейшее озеро — отсюда и такое название, Раджсамунд. *Самунд* означает «океан», а *радж* — «королевский». Это озеро настолько прекрасно, что название полностью ему соответствует. Его волны по размеру почти такие же, как в океане. Хотя это и озеро, но другого берега не увидеть.

Он созвал нас на встречу — перед тем как мы должны были провести беседу с пятью тысячами собравшихся, — просто чтобы мы познакомились друг с другом. Но с самого начала возникла проблема. И она заключалась в том, что Ачарья Тулси восседал на высоком пьедестале, а гости сидели на земле. Это никого не беспокоило, кроме Морарджи Десаи, политика. Среди этих людей он был единственным политиком — там были ученый Д. С. Котари, председатель комиссии по атомной энергетике Индии, заместитель первого секретаря посольства... Собрались люди из разных областей, но ни для кого это не составляло проблемы.

Морарджи сказал: «Я бы хотел выступить». Он сидел прямо рядом со мной. Ни я, ни он не догадывались, что это было начало длительной дружбы... Он сказал: «Мой первый вопрос: вы хозяин, а мы гости. При этом гости располагаются на полу, а хозяин восседал на высоком пьедестале. Что это за вежливость? Если бы вы собирались говорить речь, тогда понятно, что вам необходимо сидеть выше, чтобы люди могли хорошо видеть и слышать вас. Но здесь всего лишь двадцать человек и вы не произносите речи — так, простая болтовня, просто процедура знакомства перед тем, как начнется настоящая конференция».

Ачарья Тулси растерялся. Для истинно религиозного человека проще простого было бы при этом спуститься и

попросить извинения: «Действительно, это наиглупейшая ошибка с моей стороны», но он даже не сдвинулся с места. Вместо этого он обратился к своему главному ученику, своему преемнику, Муни Натмалу: «Ответь на этот вопрос ты».

Муни Натмал нервничал еще больше — что сказать? Морарджи Десаи в то время был министром финансов Индии, именно поэтому его и пригласили. Они прилагали усилия по созданию университета джайнизма, и этот человек... Если бы он захотел, материальный вопрос был бы решенным. Муни Натмал сказал: «Это не проявление неуважения к гостям, это просто наша традиция — глава конфессии сидит на возвышении. Простой обычай, не более того. Мы никого не хотим оскорбить».

Морарджи был не тем человеком, которого удовлетворил бы этот ответ. Он сказал:

— Мы не ваши ученики, а вы не наш Мастер. Никто из этих двадцати человек не признавал вас своим Мастером или гуру. Можете воссесть на каком хотите пьедестале среди своих учеников и последователей, но мы гости. И второе, вы провозглашаете себя революционным святым, тогда почему вы цепляетесь за обычаи и традиции, которые настолько бескультурны и нецивилизованны?

То, что он революционный святой, — было одним из заявлений самого Ачарьи Тулси.

В этот раз Натмал молчал, молчал также Ачарья Тулси, и гости начали чувствовать некоторое неудобство из-за такого не очень хорошего начала.

Я спросил Морарджи Десаи:

— Хотя это и не мое дело и я к этому не имею никакого отношения, но, исходя из ситуации, позвольте мне вам ответить? Просто чтобы начать разговор и чтобы эта встреча не закончилась так нелепо.

— Жду с нетерпением. Да, можете ответить.

Я сказал ему:

— Несколько моментов. Первый: вы здесь не один, здесь присутствуют еще девятнадцать человек. Никто не задал этого вопроса — почему только вы его задали? Мне он не пришел в голову.

Я спросил у остальных:

— Возник ли у вас тот же вопрос? Если нет, поднимите, пожалуйста, руки.

Все восемнадцать рук были подняты — этот вопрос никому не пришел в голову.

Тогда я сказал Морарджи:

— Вы единственный, кто почувствовал себя задетым. Должно быть, вы несете в себе какую-то рану, страдаете какой-то неполноценностью — это психологический случай. Вы видите здесь доктора Д. С. Котари — вы прекрасно его знаете, он председатель комиссии по ядерной энергетике Индии; вы знаете и других выдающихся людей — никого это не заботит. В чем же причина? Видите того ползущего по потолку паука? Он находится выше Ачарья Тулси. Разве, просто находясь выше, ты становишься более великим? Но каким-то образом это вас ранит. Внутри вас есть рана, которую не исцелил даже пост министра финансов Индии. В один прекрасный день вы захотите стать премьер-министром.

Он очень разозлился:

— Вы называете меня душевнобольным?

— Совершенно верно. Почему тогда поднялись эти восемнадцать рук? Они поддержали меня, они говорят: «Что касается эго, этот человек кажется очень уязвимым и неустойчивым». Монах всего-навсего сидит выше вас, и вы уже ранены.

— Позвольте мне доказать, — сказал я. — Например, если Ачарья Тулси пригласит вас сесть рядом с ним на этот пьедестал... — А я должен сказать, что даже тогда Ачарья Тулси не пригласил его. — Если он пригласит вас и вы будете сидеть на пьедестале, зададите ли вы тот же вопрос — ради этих восемнадцати бедных душ, сидящих на земле? Возникнет ли у вас этот вопрос?

— Я никогда об этом не думал, — ответил он. — Возможно, вопрос не возникнет. Сотни раз на разных встречах и конференциях я сидел на высоком пьедестале, но этот вопрос не приходил мне в голову.

— Это показывает, что вопрос не в том, почему Ачарья Тулси сидит выше вас; вопрос в том, почему вы сидите ниже

Ачарья Тулси. Измените ваш вопрос на «Почему я сижу ниже, чем Ачарья Тулси?» — вот о чем вы должны были спросить. Это было бы более истинно. Вы проецируете свою болезнь на другого.

Но возможно, этот другой болен так же, как и вы, потому что, во-первых, если бы я был на его месте и вы были бы моими гостями, я бы там не сидел. Во-вторых, если бы каким-то образом по стечению обстоятельств я все же находился на этом пьедестале, в момент, когда вы задали вопрос, я бы сошел вниз. И это был бы достаточный ответ: «Никаких проблем; это всего лишь обычай, и я забыл, что вы мои гости, поскольку встречаюсь с гостями всего лишь раз в году, но ежедневно общаюсь с учениками. Поэтому простите меня и давайте начнем наш разговор, ради которого мы здесь собрались». Но он не спустился. У него кишка тонка. Он восседает там как мертвец; он настолько напуган, что практически не дышит. И ему нечего ответить — он попросил своего секретаря ответить вам. И второй поднятый вами вопрос, в ответ на который также прозвучала тишина, касается того, что он объявил себя революционным святым. Он не революционный и не святой, так что можно на это ответить? Но основной мой интерес не в нем, он — в вас. Именно политический ум постоянно размышляет в терминах «ниже» и «выше», в терминах власти.

Естественно, он разозлился. И он злится до сих пор; он был зол на протяжении всех этих двадцати четырех — двадцати пяти лет. И он бывал в положении, когда мог причинить мне вред, но ему не хватало духу. Он был помощником премьер-министра и позже сам стал премьером. Прежде чем он стал премьер-министром, он как-то даже просил меня о помощи. Он вызвал меня, бессознательно... Позже он понял, что вызывать меня было полнейшим абсурдом. Он был помощником премьер-министра Индиры Ганди — пост, не предусмотренный конституцией.

Первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру имел конфликт с еще одним учеником Ганди, Сардаром Валлабхаи Пателем. Конфликт развивался таким образом, что, если бы были допущены выборы, Валлабхаи Патель

выиграл бы их. Он был истинным политиком. В точности как Иосиф Сталин.

В момент, когда случилась революция, Иосиф Сталин был секретарем коммунистической партии. Он не был каким-то значительным лидером и тому подобное. Он выполнял офисную работу; говоря прямыми словами, он был главным клерком коммунистической партии. Но поскольку он работал секретарем, все проходило через его руки, ему все было известно. Ему был известен каждый человек, и у него была невероятная хватка на людей.

С Сардаром Валлабхаи Пателем ситуация была той же. Он был очень сильным человеком; я говорил вам, что он был похож на Иосифа Сталина. Сталин — это не настоящая фамилия; он взял ее, потому что на русском она означает «человек из стали». Странно, но Сардара Валлабхаи Пателя называли в Индии *лауха пуриши*, что также означает «человек из стали». В точности перевод фамилии «Сталин».

Сардар Валлабхаи Патель обладал внутренней властью, хваткой внутри организации. На массы он не производил такого сильного впечатления, как Джавахарлал. Если бы вся Индия участвовала в выборах, Джавахарлал бы выиграл — никто не смог бы его победить. Но если бы голосование было устроено внутри партии конгресса, внутри лидирующей партии, тогда Валлабхаи победил бы любого.

Чтобы избежать этого голосования — а в этом случае это было бы решением партии, — Ганди сказал: «Нужно создать пост помощника премьер-министра, чтобы Сардар Валлабхаи Патель был рад тому, что он если не первая, то по крайней мере вторая фигура». И для второй фигуры всегда есть шанс в любой момент стать первой — как только первая будет свергнута, умрет или случится что-нибудь еще.

А Сардар Валлабхаи Патель был достаточно умен, чтобы свергнуть человека, который стоял перед ним. В каком-то смысле Джавахарлал был невинен. Он совершенно не был политиком. Поэтому без всякой конституционной базы немедленно была сделана поправка об учреждении поста помощника премьер-министра. И это было сделано для Сардара Валлабхаи Пателя.

Когда и Неру, и Патель умерли, пост упразднили, так как он не соответствовал конституции, однако он был восстановлен в отношении Индиры и Морарджи Десаи. Все тот же конфликт: Индира была дочерью Джавахарлала, а Морарджи Десаи был практически приемным политическим сыном Сардара Валлабхаи Пателя. В политике он был его учеником, главным учеником.

Позже Морарджи догадался, что именно я посоветовал Индире убрать его с поста. А я посоветовал ей это просто к слову. Мы разговаривали с ней около часа. Она слушала меня и в конце сказала:

— То, что ты говоришь, правильно и должно быть выполнено, но ты не понимаешь, в какой ситуации я нахожусь: мой кабинет мне не принадлежит, помощник премьер-министра не на моей стороне. Кабинет разрывается от борьбы и противостояния; он пытается не так, так этап сбросить меня и стать премьер-министром. Если я заявлю о том, о чем ты говоришь, все будет на его стороне, никто меня не поддержит, поскольку ты предлагаешь очень революционные вещи для индийского ума. Они идут против традиции, против индийского образа мыслей — меня никто не поддержит. Если хочешь, я могу поднять эти вопросы в кабинете, но на следующий день ты услышишь, что Индира больше не является премьер-министром.

И тогда, просто к слову, я сказал:

— Почему бы тебе первой не вышвырнуть Морарджи Десаи? Ведь именно он будет манипулировать другими людьми, остальные — просто пигмеи. У них нет никаких национальных качеств, все они провинциальные люди. В определенных штатах, в Бенгале, Андхре или в Махараштре они имеют вес, но они не могут бороться против тебя, у них нет мотивов.

Только один человек может манипулировать этими пигмеями — Морарджи Десаи, поэтому в первую очередь раздайся с ним. И если ты это сделаешь, они будут на твоей стороне — потому что из-за него никто не может стать второй персоной. Так что создай такую ситуацию, в которой он будет преграждать дорогу каждому, а затем вышвырни его — и никто его не поддержит.

Именно это и произошло: в течение восьми дней Морарджи Десаи был устранен, и никто его не поддержал. Все были счастливы, что теперь все равны, — а в масштабах страны, кроме Индиры, больше никто не играл роли. Поэтому, как только Индира уйдет, скончается или случится что-то еще, эти пигмеи заполучат власть, в противном случае им ее не видать. Поэтому отставка Морарджи была только половиной дела, и единственной проблемой теперь оставалась Индира.

Морарджи не понимал этого, но позже секретарь Индиры, который подслушивал из другой комнаты, рассказал ему. Но еще до того как он рассказал, Морарджи Десаи просил меня помочь. Он сказал, что его убрали с поста и это было нечестно и несправедливо; без всяких объяснений причин его просто попросили уйти.

И он сказал:

— И странное дело, что всего лишь за восемь дней до этого не было никаких намеков на перемены, между нами не было никаких конфликтов. И так же странно то, что я всегда думал, что остальные будут поддерживать меня, а не Индиру. Но когда меня отстранили, ни один в кабинете министров не выступил против. Они радовались! У них был банкет, праздник. Мне нужна ваша помощь.

Я ответил:

— Вы обратились не к тому человеку. Я буду последним в стране, кто вам поможет. Если бы я проходил мимо, а вы бы тонули в реке и кричали: «Помогите! Помогите! Тону!» — я бы сказал: «Делайте это молча. Не тревожьте мою утреннюю прогулку».

— Что? Вы шутите?

— Нет, я никогда не шучу с политиками. Я очень серьезен.

Позже он узнал, что именно мой совет толкнул Индиру на это решение; все было настолько просчитано, что можно было спокойно убирать этого человека и ни о чем не тревожиться. Все остальные были провинциалами, поэтому она могла делать что угодно и никто бы не поднялся против нее, так как больше никто не представлял Индию в таком размахе. А Индия огромная страна — тридцать штатов, — если

ты представляешь один штат, какое это имеет значение? Так что это запало ей в голову. А Морарджи начал вести себя еще более враждебно. Так же как он просил помощи у меня, он просил ее у каждого, у кого, как ему казалось, есть хоть какая-то власть над людьми, — он обращался ко всем. Он превратился в нищего. И ему удалось найти одного человека, Джайпракаша Нараяна, который обладал национальным характером, но не был политиком. Он отверг политику и был искренним человеком, но, как я продолжаю вам говорить, даже искренний человек...

Он был великим общественным деятелем и многое сделал для Индии в разных отношениях; но он подтвердил мою точку зрения. Всю свою жизнь он посвятил освободительной борьбе, и когда после освобождения Джавахарлал захотел сделать его своим преемником, он отказался. Естественно, все считали его скромным человеком — что за скромность, что за самоотречение? Он выбрал остаться никем, в то время как Джавахарлал предлагал ему: «Будь в моем кабинете, я сделаю тебя своим преемником. Я готов заявить об этом». И он мог стать правой рукой Джавахарлала.

Морарджи приходил также и к нему, и по странной причине Джайпракаш Нараян согласился помочь ему — ради этого я и рассказываю тебе всю историю, чтобы ты понял, что даже человек, отрекшийся от поста премьер-министра Индии, может быть глубоким эгоистом. Его отречение исходило не из скромности, а из эго: «Меня это не заботит». Возможно, сама идея, что Джавахарлал предлагал ему преемственность, не принималась его эго. Он должен был сам стать премьер-министром: «Кто ты такой, чтобы заявлять, что провозглашаешь меня своим преемником?»

Он обладал собственным авторитетом и пользовался большим влиянием среди людей — возможно, он был вторым столь любимым в Индии после Джавахарлала. И эта любовь возрастала по мере того, как Джавахарлал все больше погружался в политику и все дальше отдалялся от людей. А Джайпракаш приближался к людям все больше, и они любили его, потому что: «Вот человек, который способен на отречение». А в Индии отречение — это наивысшее каче-

ство, ничто не может превзойти его. Это вершина. Но нечто остановило его, и вся его человечность, вся скромность и тому подобное исчезли.

Я рассказывал вам, что богатейший в Индии человек, Джугал Кисоре Бирла, предлагал мне чистую чековую книжку, если бы я согласился в широком масштабе распространять индуизм по всему миру и создать в Индии движение, склоняющее правительство к принятию запрета на убой коров. Когда я отказался, он сказал: «Молодой человек, подумай дважды — от меня получают деньги Джавахарлал, Джайпракаш Нараян, Рам Манохар Лохиа, Ашок Мехта». Все это были высшие лидеры.

Он сказал: «Они получают от меня деньги ежемесячно — столько, сколько им нужно. Даже глава социалистической партии Индии Ашок Мехта, который против богатых, — даже он мой клиент. Я перечисляю деньги всем партийным лидерам, влиятельным людям; кто бы ни пришел к власти, он — мой человек. Пусть говорят что угодно, это не имеет значения, — я заставил их это делать».

В тот же наш разговор с Индирой, когда я посоветовал ей устранить Морарджи, я рассказал ей про Джайпракаша. Она была потрясена! Она не могла в это поверить, потому что она называла его «дядей»; он был практически брат Джавахарлалу. В течение многих лет он был секретарем Джавахарлала, у них были тесные отношения. И Индира выросла у него на глазах; когда она была маленьким ребенком, то называла его дядей.

Я сказал:

— Мне сказал это сам Джугал Кисоре, и я не думаю, что этот старик соврал. На самом деле, каким образом Джайпракаш поддерживает себя? Ведь он не состоит ни в какой партии, у него нет никакой группы поддержки; он отверг политику. Он не зарабатывает ни копейки. Как ему удается оплачивать двух секретарей, стенографа? На какие средства он постоянно летает на самолетах? Деньги должны поступать откуда-то, но очевидного источника у него нет. Мне кажется, что Джугал Кисоре не соврал.

Индира спросила об этом Джайпракаша:

— Это правда, что ты получаешь ежемесячное жалование от корпорации Бирлы?

И это настолько сильно его задело, что он решил, что не будет больше мириться с Индирой. Он охотно согласился стать партнером Морарджи Десаи и сплотил всех врагов Индиры — всегда так случается, что, находясь у власти, ты умудряешься нажить себе врагов. Но ключом был Джайпракаш. Морарджи никого не смог бы собрать — он не был способен, — но Джайпракаш мог.

Ему удалось свергнуть правительство и продемонстрировать свое последнее отречение: несмотря на то что он сверг правительство, он не собирался становиться премьер-министром. Он хотел доказать, что он выше Джавахарлала. Это было его единственным глубочайшим желанием: быть выше Джавахарлала. И он усадил в кресло премьер-министра Морарджи Десаи, просто чтобы заявить истории: «Некто пытался сделать меня премьером, но меня не интересует подобное премьерство, я сам могу создавать собственных премьеров». Все это был эгоизм.

Бывало, я проводил беседы в Патне, и, так как Джайпракаш жил там, его жена приходила посетить мои лекции. Я был в недоумении. Я спросил у своего хозяина:

— Жена приходит, но я никогда не видел Джайпракаша.

Он рассмеялся и сказал:

— Тот же вопрос я задавал Пракашвати, его жене. И вот что она ответила: «Он приходит, но сидит снаружи в машине и оттуда слушает. Ему не хватает мужества зайти вовнутрь и продемонстрировать людям, что он пришел послушать кого-то другого».

Это так тонко и изворотливо. Политик болен из-за своего эго. И существует два пути: или ему удастся прикрыть свою рану, став президентом или премьер-министром. Он может прикрыть ее, но она продолжает существовать. Ты можешь обмануть весь мир, но разве ты сможешь обмануть себя? Тебе это известно. Рана здесь, ты просто замаскировал ее.

Мне вспомнилась странная история. Это случилось в Праяге, священном месте индусов, где встречаются три реки. Ты знаешь, в Индии вся страна используется как туалет; нет

никаких ограничений: где можно справлять нужду, а где нет. Где ты нашел место, там и туалет.

Один брамин ранним утром собирался принять ванну, но перед этим отправился справить большую нужду. Возможно, он спешил или у него были проблемы с кишечником, но он просто забрался на *гхат*. *Гхат* — это такой настил, на котором люди оставляют одежду и идут принимать ванну. Это было недопустимо, — никто бы не остановил его, но традицией не допускается испражняться на настил, куда люди складывают свою одежду.

Но у этого человека, должно быть, были какие-то проблемы. Мне это понятно, я не сомневаюсь в его намерениях — я никогда не сомневаюсь ни в чьих намерениях. Он наложил там кучу и, когда уже заканчивал, увидел приближающихся людей. Поэтому он просто прикрыл дерьмо цветами, которые принес для обряда поклонения. Что еще оставалось сделать?

Люди подошли и спросили:

— Что это?

— *Шивалинга*, — ответил он, — я поклоняюсь.

И он начал совершать обряд поклонения, и так как брамин поклонялся, другие принялись посыпать шивалингу цветами! Кажется, это одно из величайших чудес в Индии — когда бы ни возникала статуя или когда бы ты ни захотел сотворить чудо, существует простейший способ. Люди начали петь мантры, но что сказать про того брамина?.. Он чувствовал себя так плохо. Не только потому что осквернил место, но и потому что соврал. Одна ложь порождает другую, и потом... Что теперь он делал? Он поклонялся этому, и другие поклонялись этому тоже!

Но как можно об этом забыть? Существует ли для этого человека способ забыть, что находится под этими цветами? Политик находится в той же ситуации: всего лишь гной, рана, неполноценность, ощущение никчемности.

Да, он продвигался все выше и выше, и с каждым шагом по этой лестнице появлялась надежда, что следующий шаг исцелит рану. Неполноценность создает амбиции, ведь амбиции означают просто попытку утвердить свое превосходство.

Амбиция не означает ничего, кроме попытки утвердить свое превосходство.

Но к чему прилагать усилия, чтобы утвердить свое превосходство, если ты все еще страдаешь от неполноценности?

В своей жизни я ни разу не участвовал в выборах. Мои дяди, два моих дяди — у меня их было два, и оба участвовали в освободительной борьбе — были посажены в тюрьму. Ни один из них не завершил свое образование, потому что их поймали и заключили под стражу. Один дядя только что приезжал сюда на фестиваль. Его поймали еще во время подготовки к вступительным экзаменам — он участвовал в заговоре по подрыву поезда. Чтобы заминировать мост, они соорудили бомбу — а он изучал химию и приносил из химического кабинета вещества для изготовления бомбы. Его поймали как раз перед тем, как он должен был сдать экзамены, за десять дней до этого. И с его образованием было покончено, спустя три года, когда он вернулся, было слишком поздно начинать все сначала и становиться...

Поэтому он занялся бизнесом. Мой старший дядя приближался уже к выпускным экзаменам, когда его тоже поймали, так как он тоже участвовал в заговоре против правительства. Все мои родственники за исключением отца были политическими. И все они спрашивали меня:

— Почему ты не регистрируешься, не участвуешь в выборах и тратишь даром свою энергию? Если бы ты двинулся в политику, то стал бы президентом страны, премьер-министром.

Я отвечал:

— Вы совершенно забыли, с кем разговариваете. Я не страдаю никаким видом неполноценности, так к чему мне становиться президентом? Почему я должен тратить свое время, становясь президентом страны? Это почти то же самое, как если бы я был здоров, а вы хотели бы прооперировать меня от рака — это странно. Зачем оперировать меня без надобности?

Вы страдаете определенным комплексом неполноценности и проецируете свою неполноценность на меня. Я абсолютно доволен тем, какой я есть. Я полностью благодарен Сущему, где бы я ни находился. Все, что сегодня случается,

хорошо. Большого я и не прошу, потому нет способа меня разочаровать.

— Ты говоришь странные вещи. Что за комплекс неполноценности и каким образом этот комплекс связан с политикой?

— Вы не понимаете простой психологии, как не понимают ее и ваши великие политики.

Все верховные мировые политики — больные люди, поэтому им остается только прикрывать свои раны. Да, они могут обмануть других. Когда Джимми Картер улыбается, ты оказываешься обманутым, но разве он может обмануть самого себя? Он знает, что это не более чем гимнастика для губ. Внутри ничего нет, никакой улыбки.

Люди достигают высочайших ступеней лестницы, но после им становится ясно, что вся их жизнь потрачена зря. Они пришли, но куда? Они достигли места, за которое сражались — и борьба была нешуточная, не на жизнь, а на смерть: столько людей было уничтожено, столько использовано как средство, по стольким головам пройдено...

Ты достиг последней ступени лестницы, но чего ты достиг? Ты просто растратил всю свою жизнь. Теперь, чтобы просто это принять, требуется великое мужество. Гораздо легче продолжать улыбаться и поддерживать иллюзию: по крайней мере другие будут верить, что ты величайший. Но ты знаешь, кто ты. Ты в точности тот же, что был и раньше, — возможно, даже хуже, потому что вся эта борьба, все это насилие испортили тебя. Ты потерял всю свою человечность. Ты больше не сущность.

Твоя сущность настолько далеко от тебя; Гурджиев по этому поводу говорил, что не у каждого человека есть душа. Конечно, в буквальном смысле это не так, но он, бывало, говорил: «Не каждый человек обладает душой, ею обладают лишь немногие, кто отрыл собственную сущность». Эти люди обладают ею; остальные просто живут в иллюзии, что она у них есть, так как писания и все религии проповедуют, что люди рождаются с душой.

Гурджиев очень категоричен; он заявляет: «Это абсурд! Ты не рождаешься с душой. Ты должен ее заработать». И хотя я

не скажу, что ты рождаешься без души, я могу понять, что он имеет в виду.

Ты рождаешься с душой, но эта душа является всего лишь *возможностью*, и Гурджиев говорит, в сущности, то же самое. Тебе нужно реализовать эту возможность, вскрыть ее. Ты должен ее *заслужить*.

Политик понимает это, когда вся его жизнь ушла коту под хвост. Теперь ему также приходится признать — и это выглядит очень глупо, потому что он признает, что вся его жизнь была жизнью идиота...

Раны не исцеляются за счет того, что их прикрывают. Лекарством является истинная религия. Слова «медитация» и «медицина» исходят из единого корня. Медицина предназначена для тела, а медитация для души. Она целебна, она исцеляет.

Ты спрашиваешь, может ли политик быть истинно религиозным? Если он останется политиком, это невозможно. Да, если он оставит политику и перестанет быть политиком, тогда он может стать по-настоящему религиозным человеком. Поэтому я не провожу разграничений, не отговариваю политика становиться религиозным, медитативным. Все, что я говорю: пока он политик, он не сможет этого сделать, потому что это два противоположных измерения.

Ты или прикрываешь свою рану, или исцеляешь ее. Невозможно делать и то, и другое. А чтобы ее исцелить, ее нужно открыть, а не прикрывать. Вскрыть ее, познать ее, углубиться в нее, выстрадать ее. Для меня в этом и состоит значение аскетизма — не стоять на солнце, что просто глупо. И особенно ты не должен заниматься этим в Орегоне. Выйди на солнце, выйди на орегонский воздух и орегонское солнце — и ты немедленно превратишься в Главного Идиота Орегона. Берегись этого! Морить себя голодом, находиться в холоде, в реке, днями напролет — не способ исцелить себя; тебя просто обманывают. Те, кто ничего не знают, продолжают давать советы: «Сделай это — и будешь исцелен», но чтобы исцелиться, не нужно что-либо делать.

Все, что нужно, — это исследовать собственное существо — беспристрастно, без всякого осуждения, потому что

ты обнаружишь множество вещей, которые, как тебя научили, являются плохими. Не избегай их, позволь им быть. Тебе необходимо просто не осуждать их. Необходимо провести исследование. Просто отмечай: обнаружилось то-то и то-то; отметь это и иди дальше. Не осуждай, не давай этому названия. Не выноси суждений за и против, ибо это мешает твоему исследованию. Твой внутренний мир тут же закрывается, ты напряжешься — что-то является плохим. Ты погружаешься вовнутрь, видишь что-то и пугаешься, что это нечто плохое — жадность, похоть, гнев, ревность. Мой Бог! Все это во мне? Лучше не погружаться вовнутрь.

Вот почему миллионы людей не заглядывают внутрь себя. Они просто сидят на ступенях своего дома. Всю свою жизнь они проводят на крыльце. Это крылечная жизнь! Они никогда даже не открывают дверь. А этот дом имеет множество комнат; это дворец. Если ты войдешь в него, ты столкнешься с множеством вещей, которые тебя научили считать неправильными. Но ты не знаешь, ты просто скажи: «Я невежествен. Я не знаю, кто ты. Я просто пришел провести обследование». А исследователь не должен заботиться о том, что плохо, а что хорошо, он просто должен наблюдать, смотреть, исследовать.

И ты будешь удивлен странным явлением: то, что ты до сих пор называл любовью, окажется скрытой ненавистью; просто отметь это. То, что до сих пор ты считал скромностью, окажется скрытым эго; отметь это.

Если кто-нибудь спросит меня, являюсь ли я скромным человеком, я не смогу ответить «да», потому что я знаю: скромность — это всего лишь перевернутое с ног на голову эго. Я не эгоист — тогда как я могу быть скромным? Ты понимаешь? Невозможно быть скромным, не обладая эго. И как только ты увидишь, что и то, и другое идет в связке, как я уже говорил, случается удивительная вещь.

В момент, когда ты видишь, что твоя любовь и ненависть, твоя скромность и эго соединены, они испаряются.

Тебе ничего не нужно делать. Ты познал их секрет. И именно этот секрет помогал им оставаться внутри тебя. Ты узнал секрет, и теперь они больше не могут скрываться в

тебе. Вновь и вновь погружайся в себя, и ты будешь находить там все меньше и меньше. Гнойник внутри тебя рассасывается; толпа исчезает. И недалек тот день, когда ты останешься один; внутри никого, в твоих руках пустота. И внезапно ты исцелен.

Никогда не сравнивай, потому что ты — это ты, а кто-то другой — это кто-то другой. Почему я должен сравнивать себя с Иегуди Менухиным или Пабло Пикассо? Не вижу никакого смысла. Они занимаются своим делом, я занимаюсь своим. Возможно, они наслаждаются тем, что они делают, — я говорю «возможно», так как не могу быть уверенным относительно них. Но я уверен относительно себя — я наслаждаюсь всем, что я делаю и чего не делаю.

Я сказал, что не могу быть уверенным относительно них, потому что Пабло Пикассо не был счастливым; в действительности он был очень несчастным. Его рисунки с разных сторон демонстрируют его страдание, которое он выплеснул на бумагу.

И почему Пикассо стал величайшим художником этого столетия? Причина в том, что этот век больше других познал внутреннее страдание.

Пять столетий назад никто не посчитал бы его великим художником. Над ним бы посмеялись и поместили в сумасшедший дом. А пять столетий назад в сумасшедшем доме было несладко. Там применялись всевозможные меры, особенно избиение, потому что считалось, что безумие можно выбить из человека, что оно является неким подобием одержимости злыми силами. Ежедневная порка — и считалось, что безумие должно отступить.

Еще три столетия назад в сумасшедших домах, чтобы ослабить больного, применяли кровопускание. Считалось, что его энергией завладел злой дух и, если выпустить его энергию наружу, злой дух покинет тело, так как ему нечем будет питаться — он питался кровью. Прекрасная логика — и проводилось именно это.

Тогда никто бы не подумал, что это картины. Только этот век смог признать Пабло Пикассо великим художником, ведь этот век страдает; он больше осознает свое страдание,

свои внутренние муки — и человек выразил это в красках. То, что ты не можешь выразить даже в словах, он выразил в красках. Ты не понимаешь, что это, но каким-то образом ощущаешь глубокое созвучие. Оно влечет тебя к себе, внутри что-то шелкает. Это не интеллектуально; ты не можешь вычислить, что это, но ты стоишь и смотришь заворуженно, как если бы стоял перед зеркалом и видел в нем себя изнутри, свои внутренности. Картины Пикассо в этом столетии стали величайшими, потому что они воздействуют почти как рентгеновские лучи: они выносят наружу твое страдание. Вот почему я говорю «возможно». И о любом другом я могу сказать лишь «возможно».

Только относительно себя я уверен. Я знаю, что, если продолжать исследовать свой внутренний мир, без осуждения, без оценивания, просто наблюдая факты, тогда они начинают исчезать. И приходит день, когда ты остаешься в одиночестве, вся толпа уходит, и в этот момент впервые ты чувствуешь, что твоя душа исцелена.

А из душевного исцеления открывается дверь в духовное исцеление. Тебе не нужно ее открывать, она открывается сама по себе. Ты просто достигаешь психического центра — и она открывается. Она ждала тебя, возможно, на протяжении многих жизней. Когда ты приходишь, дверь сразу же открывается, и ты видишь не только себя, ты видишь все существование — все звезды, весь Космос.

Поэтому я говорю категорически: ни один политик не может стать истинно религиозным человеком до тех пор, пока он не отбросит политику. В противном случае он не политик и то, что я говорю, к нему не относится.

Ты можешь также спросить: *может ли истинно религиозный человек стать политиком?* Это еще более невозможно, чем первое, потому что у него нет ни малейших причин становиться политиком.

Если причиной, приводящей к амбициям, является неполноценность, как тогда медитирующий человек может стать политиком? Для этого нет движущей силы. Но изредка в прошлом такое случалось, и, возможно, будет происходить и в будущем. Позволь мне объяснить.

В прошлом такое было возможно, потому что в мире преобладала монархия. Иногда сын короля мог стать поэтом. Сейчас поэту очень трудно стать президентом Америки — кто будет его слушать? Люди считают его сумасшедшим, он выглядит как хиппи. Он не может привести в порядок даже себя, но собирается привести в порядок весь мир?

Но в прошлом это было возможно из-за существования монархии. Последним императором Индии, который передал власть британцам, был поэт — именно поэту британцы смогли захватить Индию — Бахадуршах Зафар, один из величайших поэтов-урду. Сейчас такое не может случиться, чтобы поэт стал императором; это просто совпадение, что он родился сыном императора.

Вражеские войска входили в столицу, а он в это время писал стихи. Когда премьер-министр постучал в его дверь и сказал: «Это срочно! Враг вошел в столицу!» — Бахадуршах ответил: «Не беспокойте меня. Я пишу последнее четверостишие. Надеюсь, что успею его закончить до того, как они придут сюда. Не мешай». И продолжил писать. Он закончил свой стих — для него это было важнее.

И это был очень простой и добродушный человек; он вышел и сказал: «Что за глупость — убивать людей? Если вам нужна эта страна, возьмите ее — к чему столько суматохи? Все заботы лежали на мне — теперь пусть они лежат на вас. Оставьте меня в покое».

Но они не могли оставить его в покое — ведь они были политиками и генералами. Оставлять этого человека в Нью-Дели было опасно: он мог собрать армию, у него могли найтись союзники — кто знает? Они вывезли его из Индии в Бирму; он умер в Рангоне. В своем последнем стихотворении, которое он написал на смертном одре, говорится: «Как я несчастен! Я не могу сделать даже шести шагов по своей любимой улице». Он говорит о Нью-Дели, который он очень любил, который был им построен. Он был поэтом, и он сделал Нью-Дели настолько прекрасным, насколько это было возможно. «Мне не сделать и шести шагов, чтобы быть похороненным на своей любимой улице. Несчастный Зафар! — Это было его поэтическое имя. — Как тебе не повезло, Зафар!»

Его похоронили в Рангоне; даже его мертвое тело не привезли в Нью-Дели. Он настаивал: «Хотя бы когда я умру, отвезите меня в мой город, в мою страну. Мертвое тело не опасно». Но политики и генералы мыслят по-другому. Бахадуршах был императором, которого люди любили. Увидев его мертвым, люди могут развязать восстание, могут возникнуть проблемы — зачем это нужно? Его похоронили в Рангоне, и никто в течение многих лет даже не слышал, что он умер.

Поэтому в давние монархические времена могло случиться и так, что даже в западном полушарии появлялся такой человек, как Марк Аврелий. Он был религиозным человеком, но это редкий случай. Сегодня он не смог бы стать президентом или премьер-министром, потому что он не стал бы бороться за голоса; он не стал бы попрошайничать — зачем?

В Индии такое случалось несколько раз. Ашока, один из величайших императоров Индии, был истинно религиозным человеком — настолько, что, когда его сын, единственный сын, который должен был стать его преемником, спросил у него разрешения стать монахом, тот танцевал! Он сказал: «Именно этого я и ждал — что в один прекрасный день ты поймешь». Когда его дочь, единственная дочь — у него было всего двое детей, сын и дочь, — тоже захотела отправиться в мир медитации, он сказал: «Ступай. Я только счастлив». Но в наше время такое невозможно.

В Индии был один великий король по имени Порас; он сражался с Александром Великим. Ты будешь удивлен, насколько несправедливо западные книги описывают этого человека, Пораса. Александр Великий — пигмей по сравнению с ним. Когда Александр дошел до Индии, он совершил один трюк — он был политиком...

В определенный день Александр отправил свою жену на встречу с Порасом. В Индии существует день — день сестер, — когда сестра повязывает мужчине на запястье нить. Он может быть ее братом или не быть, но в момент, когда нить завязана, он становится ее братом. И произно-

сится двойная клятва. Брат говорит: «Я буду защищать тебя», а сестра: «Я буду молиться о твоей защите».

В этот особенный день Александр послал свою жену к Порасу, а сам остался за пределами королевства. Границей королевства служила река; Александр остался на другом берегу, а туда отправил жену. И когда во дворе Пораса было объявлено: «Жена Александра Великого хочет встретиться с тобой», он вышел приветствовать ее, потому что в Индии это было традицией. Даже если в ваш дом приходит враг, он является гостем, а гость — это бог.

Он пригласил ее в свой двор, усадил на трон и сказал:

— Ты могла бы позвать меня. Не стоило проделывать столь длинный путь.

— Я пришла, чтобы сделать тебя своим братом, — ответила она. — У меня нет брата — а сегодня, я слышала, день сестер; я не смогла устоять.

Это была политическая игра. И Порас понимал, что Александр и его жена знали об этом дне и почему Александр дожидался именно этого дня, чтобы послать к нему свою жену, но сказал:

— Это совершенно правильно. Если у тебя нет ни одного брата, тогда я — твой брат.

Она повязала принесенную нить на запястье Пораса, и тот коснулся ее ног. Брат должен коснуться ног сестры — независимо от того, старше она или младше.

Величайшее уважение к женщине шло бок о бок с невероятной жестокостью по отношению к ней. Возможно, жестокость была создана монахами и священниками, а уважение — религиозными людьми.

И тут же жена Александра сказала:

— Теперь ты мой брат, и я надеюсь, ты спасешь меня, но единственный способ меня спасти — это не убивать Александра. Ты ведь не хочешь на всю жизнь оставить свою сестру вдовой.

— Даже вопросов быть не может, — ответил Порас. — Не нужно было об этом говорить, это решенный вопрос. К Александру никто не притронется. Теперь мы родственники.

И вот что произошло: на следующий день Александр пошел в наступление, и посреди битвы настал момент, когда Порас убил коня Александра. Тот упал на землю; Порас был на слоне, — в Индии истинным боевым животным была не лошадь, а слон — который чуть было не наступил на Александра и не покончил с ним. Просто по привычке Порас вытащил копье, чтобы заколоть Александра, как вдруг увидел на запястье нить. Он убрал копье и сказал погонщику слона: «Двигай назад и скажи Александру, что я никогда не убью его».

Это был момент, когда Александр мог быть убит — и тогда все его желание покорить весь мир провалилось бы; вся история могла быть другой. Но Порас был религиозным человеком, он был сделан из иного теста: он был готов потерпеть поражение, но не был готов предать свое слово. И он был побежден — он упустил свой шанс.

Пораса привели во двор, импровизированный двор к Александру — с закованными в кандалы руками и ногами. Но то, как он шел... Даже Александр сказал ему: «Ты все еще идешь как император — хотя твои руки и ноги в цепях».

— Я так хожу. Это не связано с тем, император я или заключенный; это мой способ передвигаться. Таков я.

— Каким способом ты бы хотел, чтобы тебя казнили? — спросил Александр.

— Что за вопрос? Император должен быть казнен как император. Что за глупый вопрос?!

Александр написал в своих заметках: «Я никогда не встречал такого человека, как Порас. Он был закован в цепи, я мог без промедления убить его — здесь и сейчас, но как он шел, как говорил!..» Александр был очень впечатлен.

— Снимите с него цепи; где бы он ни находился, он останется императором. Верните ему его королевство, — сказал он. — Но прежде чем мы уедем, я хочу задать тебе один вопрос. В тот момент, когда ты мог убить меня, почему ты убрал копье? Еще одна секунда — и мне был бы конец, или бы твой слон раздавил меня — но ты предотвратил это. Почему?

— Не спрашивай об этом. Ты сам знаешь; ты политик, а я — нет. Узнаешь эту нить? Ты прислал ее вместе со своей

женой, которая теперь — моя сестра, и я не могу убить мужа своей сестры, не могу оставить ее вдовой. Я выбрал быть побежденным, чем убить тебя. Но не чувствуй себя обязанным мне — это всего лишь то, как поступает центрированный человек.

В прошлом такое было возможно благодаря монархии. Но при монархии королями становились и идиоты, королями становились и сумасшедшие — всякое бывало. Так что я не поддерживаю монархию, я просто говорю, что при монархии по воле случая истинно религиозный человек мог стать императором. В будущем демократия не продлится долго, так как политик — невежа по сравнению с ученым, он уже находится в руках ученого. Будущее за учеными, не за политиками.

Это означает, что нам придется изменить слово «демократия». У меня есть новое слово: меритократия*.

Определяющим фактором будут достижения и заслуги. Ты больше не сможешь собирать голоса, раздавая всевозможные обещания и надежды, — будут решать твои заслуги, твоя реальная сила в научном мире. И как только управление перейдет в руки ученых, станет возможным все, потому я и назвал науку объективной религией, а религию — объективной наукой.

Как только власть перейдет в руки ученых, карта мира изменится — к чему русским ученым бороться с американскими? Они работают над одними и теми же проектами — гораздо эффективнее будет работать вместе. Это полнейшая глупость, что по всему миру в каждом государстве проводятся одни и те же эксперименты, — в это трудно поверить. Объединившись, эти люди могли бы творить чудеса. А проводить такие эксперименты по отдельности очень дорого.

* «1) Система, при которой положение человека в обществе определяется его способностями; 2) правительство, состоящее из образованных людей; образованная элита. Общество равных возможностей. Произошло от MERIT (заслуга, достоинство) + aristocracy» (Из Abby Lingvo). — Прим. ред.

Например, если бы Альберт Эйнштейн не покинул Германию, кто, ты думаешь, выиграл бы Вторую мировую войну? Думаешь, Россия, Великобритания и Америка? Нет. Отъезд одного-единственного человека из Германии — переезд Альберта Эйнштейна в Соединенные Штаты — сформировал историю. Все эти дутые имена: Рузвельт, Черчилль, Сталин, Гитлер — ничего не значат. Всю работу совершил этот человек, так как он создал атомную бомбу. Он написал в письме Рузвельту: «Атомная бомба уже у меня в руках, и пока вы не начнете ее использовать, войну не остановить». Он сожалел об этом всю свою жизнь — но это уже другая история. Атомная бомба была применена, и, когда она была применена, у Японии больше не возникло вопроса о продолжении войны. Война была выиграна: сожжение Хиросимы и Нагасаки положило конец Второй мировой. Альберт Эйнштейн работал над этим же проектом в Германии. Он мог отправить то же письмо по другому адресу, вместо Рузвельта — Адольфу Гитлеру, и вся история могла бы быть другой, полностью другой.

Будущее — в руках науки. И это время не за горами. Сейчас существует ядерное оружие — и политики не могут руководить этим. Они ничего в этом не понимают, даже азов.

Еще при жизни Эйнштейна ходило мнение, что во всем мире только двенадцать человек разбираются в теории относительности. Одним из этих двенадцати был Бертран Рассел, написавший «Азбуку относительности» — небольшую книгу для тех, кто не мог разобраться в этой теории. Он думал, что по крайней мере люди смогут понять А, Б, В — первые три буквы, — но это невозможно. Если ты понял первые три буквы, то и весь алфавит не представит труда. Дело не в том, что нужно понять только А, Б, В — ведь тогда недалеко и Э, Ю, Я, — дело в том что эти А, Б, В трудно понять.

Сейчас все эти политики не понимают ничего вообще. Рано или поздно мир окажется в руках тех, кто обладает достижениями. И в первую очередь он перейдет в руки ученых.

Так что можешь принять это как предсказание: мир перейдет в руки ученых. И тогда откроется новое измерение.

Рано или поздно ученый пригласит мудреца, святого, ведь один он не справится.

Ученый не может справиться с самим собой. Он может справиться с чем угодно, но не может справиться с собой. Возможно, Альберт Эйнштейн и знал все о звездах и Вселенной, но он ничего не знал о собственном центре.

Так и произойдет в будущем: от политика — к ученому, от ученого — к религиозному человеку; и это будет мир совершенно другого рода. Религиозные люди не будут выпрашивать голоса. Это тебе придется их просить. Тебе придется их уговаривать. И если они почувствуют, что твоя просьба искренна и в них действительно существует необходимость, они будут действовать в миру. Но помни, что это совершенно не будет политикой в нынешнем представлении.

Так что позволь мне повторить: политик сможет стать религиозным человеком, только если отбросит политику; в противном случае это невозможно. Религиозный человек сможет стать частью политики, если политика полностью изменит свое качество; иначе он не сможет участвовать в политике. Он не может быть политиком.

Но судя по тому, как развиваются события, можно с уверенностью сказать, что сначала мир перейдет в руки ученых и затем от ученых — к мистикам. И только в руках мистиков вы по-настоящему защищены.

Мир воистину может быть раем. И в действительности никакого другогорая не существует — до тех пор, пока мы не создадим его сами.

Это и вправду **ОЧЕНЬ** опасная книга. Она перевернет ваши представления о мире, Боге, религиях, нациях, политике и о самом себе настолько круто, что — берегитесь! Читайте ее только в том случае, если вы по-настоящему отважны и по-настоящему хотите познать себя и свое место в этом мире.

«Истинная религия поможет тебе найти свою собственную истину. И запомни: моя истина никогда не сможет стать твоей истиной, ибо не существует способа передачи истины от одного человека к другому. Даже если Гаутама Будда знает истину, это никак не поможет тебе узнать ее» (Ошо).

ISBN 978-5-399-00324-5

9 785399 003245